

Художник Н. И. Сазонов

ГОРОДА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ.

Мария Клементьевна Юрасова.

* * *

Редактор Л. В. Шевчук.

Художественный редактор Н. В. Бисеров.

Технический редактор В. И. Мельников.

Корректор Н. В. Поливаева.

Сдано в набор 29/VIII 1959 г. Подписано
к печати 22/X 1959 г. ПД00286. Тираж
10 000 экз. Формат $84 \times 108^{1/32} = 2^{3/8}$ б. л. —
7,8 п. л. (9,3 уч.-изд. л.). Цена 2 руб. 80 коп.

Омское книжное издательство
Омск, ул. Театральная, 14.

Типография издательства «Омская правда».
Омск, ул. Декабристов, 37.
Заказ № 6304.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

За годы Советской власти создана новая география нашей страны. По-новому выглядят города и села Сибири.

В этой книге рассказывается о городах Омской области, их прошлом и настоящем. В Омской области шесть городов. Среди них есть старинные города, такие, как Тара, чья история уходит в глубь XVII столетия, когда русский человек только начинал осваивать сибирскую землю, делал свои первые шаги в Прииртышье; и совсем молодые, выросшие и оформившиеся в годы послевоенных пятилеток. Это — Исиль-Куль, Калачинск, Называевск.

Все города нашей области, кроме Омска, — районные центры и относятся к городам так называемого «районного масштаба».

Но за последние годы этот «районный масштаб» нарушен. Экономическое и культурное влияние городов, как правило, выходит за пределы, за черту заштрихованного на карте административного района. Каждый город становится экономическим и культурным центром, к которому тяготеют целые группы районов.

До реорганизации управления промышленностью и создания совнархоза почти вся промышленность области была сосредоточена в Омске. За последние же годы началось укрепление промышленных предприятий в остальных городах области.

Семилетний план открывает широкие перспективы для роста наших «малых» районных городов, их экономического развития.

Тут размещается ряд новых предприятий, расширяются, укрепляются уже действующие. Удельный вес районных городов в экономике области будет непрерывно расти.

Эти очерки — первая попытка собрать воедино материалы о всех городах нашей области и дать читателю представление о их современном облике и тех переменах, которые произошли здесь за годы Советской власти, о перспективах их развития.

Исиль-Куль возник вместе с железной дорогой. В 1894 году между Челябинском и Омском, вернее — Куломзино, пролегла железнодорожная линия, а спустя год по северную сторону полотна, в 138 километрах от Куломзино, было выстроено небольшое деревянное станционное здание.

Неподалеку лежало мелкое, наполовину заросшее камышом, озеро. Казахи, кочевавшие в этих местах со своими стадами, называли его гнилым. Исиль-Куль — гнилое озеро. Новую станцию тоже назвали так. Очевидно, железнодорожное начальство не разобралось в значении казахских слов*, а может быть, полагало вполне подходящим подобное название.

Как бы то ни было, но в 1895 году на карту железных дорог Российской империи была занесена новая станция Исиль-Куль.

В «Путеводителе по Великой Сибирской железной дороге», изданном в 1902 году, есть такое описание этой станции:

«Станция Исиль-Куль — IV класса. При станции — приемный покой, церковь в честь святителей Петра,

* Об этом можно судить хотя бы по тому, что автор описания Омской Епархии Иоанн Голошубин, например, переводит слова Исиль-Куль как «Капитанское озеро».

Алексия, Иоанна, Филиппа и одноклассная начальная церковноприходская школа имени протоиерея Иоанна Сергиева. Район влияния станции дает ежегодно для отправки разного груза свыше 100 000 пудов (хлеб, масло, сало, мясо, шерсть)».

Вблизи станции образовался небольшой поселок Павловка. Его первые жители — крестьяне-переселенцы из Орловской губернии — сгрузили свои небогатые пожитки из товарного вагона да так и осели у полотна железной дороги. Среди этих новоселов был только один грамотный человек — семнадцатилетний паренек, сын переселенца Жмака — Павел. У себя на Орловщине он закончил приходскую школу и еще в пути начал писать под диктовку переселенцев письма в родные села. Почти все они рассказывали об одном — о переселенческом горе-злосчастье, о тоске по родным местам.

Когда осели на новых местах, Павел Жмак стал вести нехитрое письмоводство переселенцев.

И так уж повелось: если кому-нибудь нужно было написать прошение о выдаче семенной ссуды, отводе нового участка, жалобу на притеснения (увы, на такие жалобы никто не отвечал!), переселенцы говорили: «Надо идти к Павлу». К нему обращались из соседних сел; за десятки верст шли к грамотею Павлу люди со своими бедами, и он, как мог, помогал им пером.

Вот от этого паренька — грамотея и пошло название поселка — Павловка, сейчас слившегося с городом Исиль-Кулем.

Новая станция Исиль-Куль была первым этапом на пути, по которому двигался поток переселенцев, осваивавших среднее Прииртышье, северо-запад Казахстана. Здесь был крупный переселенческий пункт, склад сельскохозяйственных машин, лесной склад.

По обе стороны железной дороги раскинулась равнина — то совершенно плоская, то набухшая невысокими волнами увалов, древних курганов, изрезанная логами высохших рек — Великая Западно-Сибирская низменность.

Голод, малоземелье, тяжкий помещичий гнет гнали из насыженных гнезд в эти незаселенные места крестьян центральных губерний России, Украины, Белоруссии.

Из товарных вагонов с анекдотической надписью переселенческого управления — «8 лошадей — 40 чело-

век» (эта надпись вошла в историю переселения) сгружали здесь свой немудрый скорбь крестьяне из пензенских, тамбовских, черниговских, полтавских деревень. Правда, чаще всего лошадей в вагонах не было, зато людей было набито столько, что нередко отсюда выносили задохнувшихся детей, стариков, не выдержавших тяжкого пути и «заселявших» пристанционные погосты.

Из Исиль-Куля переселенцы шли на юг, дальше в степь.

В Третьяковской галерее есть такая картина. Бескрайняя, выжженная солнцем степь. У обочины дороги одиноко стоит телега с поднятыми оглоблями. Возле нее, на земле, прикрытый холстиной труп человека. В накрест сложенных руках — икона. Истуканно рыдает жена. Рядом — ребенок; в широко раскрытых глазах девочки застыл страх, недетская тоска...

Эту картину написал известный русский художник С. В. Иванов. Называется она «Смерть переселенца».

Такие картины нередко можно было видеть в степи за Исиль-Кулем.

В летнюю пору над степью стоял надсадный тоскливый скрип переселенческих обозов. За телегами, за тачками брели утомленные люди, оставляя на пути за собой след — могилы близких, тех, кто не выдержал переселения.

Часть переселенцев оседала близ железной дороги, занималась работать на станцию.

... Вслед за Павловкой появилось Городище. Его заселили пензяки.

На юго-западе, против станции, выросла деревня Березовка. Это была «пестрая» деревенька. Тут жили выходцы из Полтавщины, Черниговщины, Полесья — рабочие-железнодорожники, грузчики, землепашцы.

Новая железнодорожная станция и ее поселки расположились в очень выгодном, как говорят географы, экономическом окружении, в самом центре огромного хлебобородного края.

С юго-востока к ней примыкает черноземная степь Иртышского левобережья; с северо-запада — разнотравно-злаковые степи Казахстана, с его большими скотоводческими хозяйствами.

Через Исиль-Куль шел на западные рынки большой поток грузов — хлеба, мяса, сала, масла.

«Станция Исиль-Куль становится сравнительно крупным пунктом по торговле и отгрузке зерна и продуктов животноводства. Так, в 1915 году со станции Исиль-Куль отправлено пшеницы 1 миллион 74 857 пудов, ржи 29 107 пудов, овса 2 155 пудов, мяса 17 561 пуд. Одновременно Исиль-Куль стал экспортировать сливочное масло», — сообщалось в «Обзоре Акмолинской области» за 1915 год.

Примерно в это же время в Омске была издана «Справочная книга Омской Епархии». Составил ее священник Иоанн Голошубин, впоследствии лишенный сана, знаменитый на всю Сибирь поп-расстрига, выступавший в омских газетах с острыми сатирическими рассказами, беспощадно изобличавшими «святых отцов» всех рангов.

В голошубинской «Справочной книге» есть описание исилькульского прихода.

Из этого описания мы узнаем, что в поселке Павловке — десять лавок с красным товаром, три склада земледельческих орудий, склад швейных машин.

В той же «Справочной книге» сообщалось, что источников питьевой воды станция и поселки не имели. Озеро Исиль-Куль, находившееся в трех верстах от станции, в летнюю пору пересыхало. Воду возили из Омска в баках. Но и она, очевидно, была не совсем доброкачественной, потому «среди прихожан, особенно в осеннее время, были часты заболевания тифом».

Школа, как и в начале 900-х годов, была одна на весь приход — одноклассная церковноприходская. Зато в Павловке находилось три пивных лавки, большая винополка и три винных погреба. Было в ту пору в Павловке 180 душ населения.

Иоанн Голошубин довольно подробно описывает исилькульскую церковь. «Она была вместительна и утварью достаточна. Школа же — тесна и скудна средствами».

Большую часть средств для содержания исилькульской церкви давал московский купец первой гильдии Баев и его супруга. Но в справочнике не упоминается, что этот московский купец имел на исилькульской станции «миллионное дело», вел большую торговлю пшеницей, кожами, жирами.

Выгодное торговое положение привлекало в Исиль-Куль купечество. Сюда понаехали охочие до больших

нажив торговцы-перекупщики хлеба, кож, жиров, представители иностранных фирм.

Известная американская фирма «Зингер» открыла тут склад швейных машин. Чикагская «Компания жатвенных машин» Дюринга, Мак-Кормика, Осборна и К^о построила тоже свой склад земледельческих орудий.

Обычно эти американские машины и сельскохозяйственные орудия ссужались в долг; крестьянские хозяйства закабалялись американцами целыми деревнями.

Много оседало в Исиль-Куле переселенцев, главным образом, бедняков, тех, кто не в состоянии был дальше продолжать длинный, трудный путь.

Исиль-Куль быстро разрастался.

От станции к Павловке потянулись дома. Первая исилькульская улица, по воспоминаниям старожилов, пролегла там, где сейчас проходит улица имени Ленина.

Избы ставились чаще глинобитные, саманные. Купцы строили себе «хоромины», лавки, лабазы из дерева. Лес был дорогим строительным материалом — его сплавляли из тарских урманов по Иртышу до Омска, потом перевалкой по железной дороге в Исиль-Куль.

Крестьянская беднота, грузчики, путевые рабочие рыли землянки, сколачивали убогие хибарки из гнилых шпал, старых заржавевших рельсов, обломков ящиков и досок.

На месте, где теперь разбит пионерский сад, был базар. Вокруг него — лавки, склады, дома купцов Рудаковых, братьев Дмитриевых, Цицинга. Они за бесценок скупали хлеб, скот, жиры, шерсть в дальних степных селах, переправляли по железной дороге на запад, держали в кабале целые деревни.

В северной части Исиль-Куля, за рощей, большую территорию захватил скотопромышленник Грязнов.

Почти вся земля вокруг станции была также захвачена всякими правдами и неправдами предприимчивыми купчиками и поделена на участки, сдаваемые в аренду для застройки.

Только в центре — по Губернской улице (ныне улица имени Сталина) — небольшая часть поселка стояла на казенной земле.

И хоть исилькульские купцы вели довольно крупные дела, заработки их рабочих, особенно грузчиков, были мизерными (ниже даже, чем в Омске).

В 1914 году (по воспоминаниям исилькульского старожила М. И. Минина) за разгрузку вагона льда артели платили 15 копеек, вагона дров — 20 копеек.

Исиль-Куль считался богатым торговым селом, но богато здесь жили далеко не все. Оборотистые мироеды Цицинги, Грязновы, Дмитриевы, выжимавшие огромные прибыли, не составляли и одной сотой части населения Исиль-Куля. Остальные же жители села — те, кто своим трудом подымал, засеивал пашни, строил железную дорогу, ставил дома и купеческие лабазы, «пробывали в скудости», влачили нищенское, полуголодное существование в убогих лачугах, землянках.

Слава богатого села была не очень завидной и сладкой славой для трудового люда Исиль-Куля.

За годы Советской власти поселок Исиль-Куль вырос в город.

В год Победы — 1945 — Президиум Верховного Совета РСФСР вынес решение о переименовании поселка при станции Исиль-Куль в город.

Сердце города — железнодорожная станция.

Железнодорожная магистраль пересекает Исиль-Куль в самом центре.

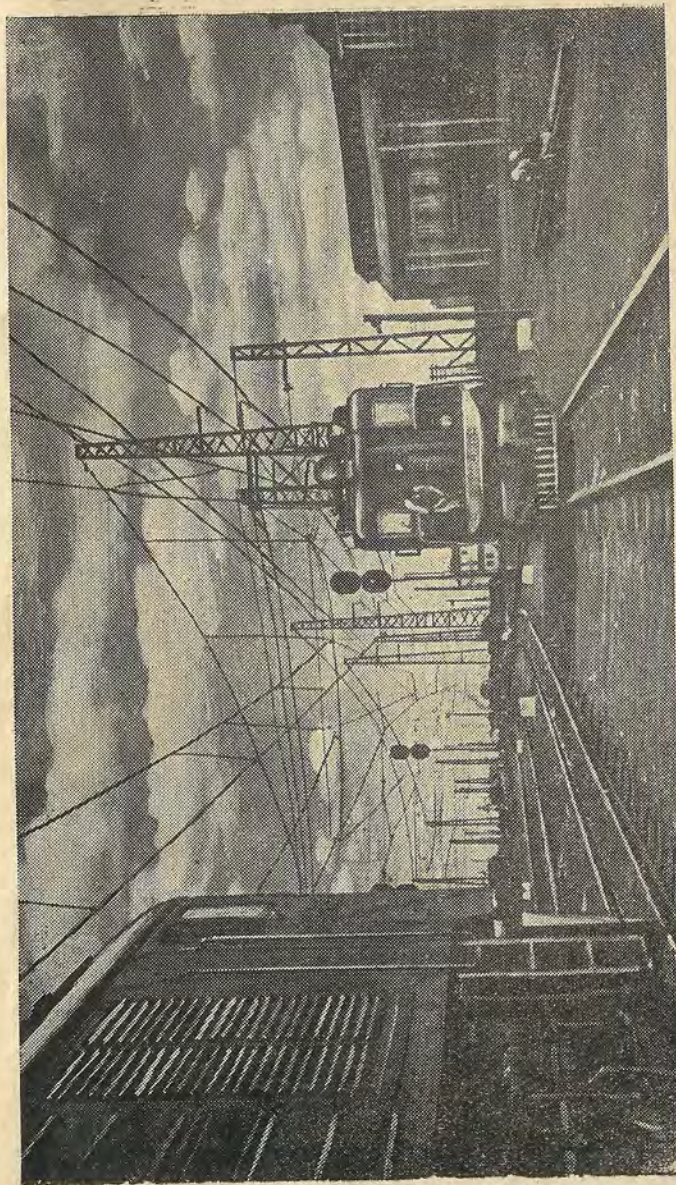
Ажурные стальные мачты с сетью контактных проводов, башенки трансформаторов, транспортные службы, длинные поездные составы — неотъемлемая часть городского пейзажа. Поезда тут кажутся передвижными домами, они входят, как говорят архитекторы, в городской ансамбль.

С востока Исиль-Куль вас встречает локомотивным городком: огромный корпус депо, колонны водонапорных башен, цехи железнодорожных мастерских — механический, котельный, электрооборудования, высокий белокаменный, похожий на санаторий, дом, где отдыхают смены локомотивных бригад, жилые дома железнодорожников.

Весь этот городок был построен в 1945—1946 годах.

Исиль-Куль — город послевоенных пятилеток. Именно в эту пору он начал бурно расти.

Только за пять лет (1953—1958) в Исиль-Куле появились двадцать новых улиц: имени Механизаторов, Герцена, Лермонтова, Ломоносова, Льва Толстого, Чайковского, Маяковского, Северные. Границы города все рас-

На станции Исиль-Куль. Мощные электровазы перевозят многочисленные грузы.

ширяются. С запада в него влилась бывшая Павловка — теперь тут пролегают улицы имени Чехова и Чкалова, с юго-востока — Городище — будущая промышленная зона. Ее уже сейчас именуют промышленным городком.

Основным строительным материалом в Исиль-Куле теперь стал кирпич.

В городе появились капитальные двухэтажные, красиво архитектурно оформленные здания, каких раньше здесь не знали. Пролегли первые асфальтированные тротуары, появились скверы, сады.

Кинотеатр «Победа», новый клуб, средние школы, большой корпус поликлинического отделения больницы, двухэтажные жилые дома железнодорожников, энергетиков — все это исилькульские «новоселы», поднявшиеся тут за последние три года и меняющие облик улиц этого города.

«Новоселами» в Исиль-Куле называют и недавно засаженные скверы, сады, зеленые полосы. За один лишь 1958 год исилькульцы высадили 117 тысяч деревьев и кустарников.

Тихие районные городки, поросшие травой тротуары, стаи ленивых непуганных леггорнов посреди улицы, редкие колеи на дороге. Нет, такого пейзажа, такой тишины не найдешь в районном городе Исиль-Куле. Он весь пронизан голосами железной дороги, автомагистралей. Его улицы истоптаны машинами, изрыты строительными котлованами, водопроводными траншеями. Он весь взерошен, вздыблен, похож на большую строительную площадку.

Почти на каждой улице тут можно увидеть или заложный фундамент, или сруб будущего дома, каркасы стен или уже готовое здание.

В 1958 году в Исиль-Куле было сдано одной лишь жилой площади десять тысяч квадратных метров.

Прививается среди исилькульцев строительство жилых домов хозяйственным способом.

Рабочие комбината строительных материалов построили таким образом 20 домов. Начали строить общежития рабочие трикотажной фабрики, промкомбината, медицинские работники, учителя.

Чтобы сравнить, насколько вырос город, приведем некоторые цифры:

В «Сибирской энциклопедии» даются такие данные об Исиль-Куле. В 1929 году тут было 858 строений, в 1957 году их насчитывается уже 3700. Город вырос больше, чем в четыре раза.

В 1929 году бюджет Исиль-Куля составлял 80 000 рублей. В 1957 году он достиг 6 миллионов рублей.

В комментариях эти цифры не нуждаются!

Первый год шестой пятилетки ознаменовался для Исиль-Куля электрификацией железной дороги.

В 1955 году были завершены монтажные работы на участке Омск—Исиль-Куль.

Вдоль железнодорожной насыпи зашагали стальные мачты. Над полотном нависла густая сеть контактных проводов.

К югу от вокзала, за переплетением путей, поднялась тяговая электростанция с ее сложной аппаратурой, в городе выросли белокаменные двухэтажные дома энергетиков.

На железнодорожном узле появились люди новых профессий — работники контактной сети, тяговой подстанции, машинисты электровозов. Это были отнюдь не новые люди в городе.

Как только смонтировали подстанцию, начальник ее — инженер Вихлев — начал готовить свои кадры. Обучение проходило тут же у агрегатов. Так, жестянщик ремонтных мастерских Борис Парфенов стал электромонтером, учетчица Мария Филимонова и слесарь депо Лукин — дежурными электромеханиками.

Тяговая подстанция — большое энергетическое предприятие со сложной аппаратурой, автоматикой, а управляют ею в смену два человека.

Но не только эти перемены принесла электрификация железной дороги в жизнь города. Она вторглась в его экономику, в быт.

В апреле 1956 года в Исиль-Куль прибыли первые электропоезда. А через несколько месяцев ток от тяговой подстанции пошел в город. Линия высоковольтных передач пересекла железнодорожные пути, протянулась по улице Циолковского до корпусов РТС.

Промышленный ток получили элеватор, маслосырокомбинат, исилькульская РТС, комбинат строительных материалов, трикотажная фабрика, промкомбинат и другие предприятия.

Электричество вошло в быт города. Иселькульцы широко пользуются электрическими приборами — плитками, стиральными машинами, пылесосами. «Как в большом городе», — говорят в Исель-Куле. На все хватает электроэнергии.

Город принимает телевизионные передачи из Омска. Телевизионные антенны есть почти на каждой улице, они уже вплелись в городской пейзаж, так же, как сеть электропроводов.

Работы по электрификации продолжаются.

К 1960 году — второму году семилетки — Исель-Куль будет полностью электрифицирован. Иселькульский ток пойдет в колхозы и совхозы района. Энергетическое кольцо охватит весь юго-запад нашей области.

Исель-Куль живет не только железной дорогой.

В городе за последние годы значительно выросла местная промышленность.

Иселькульский промкомбинат создал большое механизированное деревообрабатывающее и мебельное производство (оно дает в год продукции на полтора миллиона рублей), швейный цех, изготавливающий для всей области лыжные костюмы.

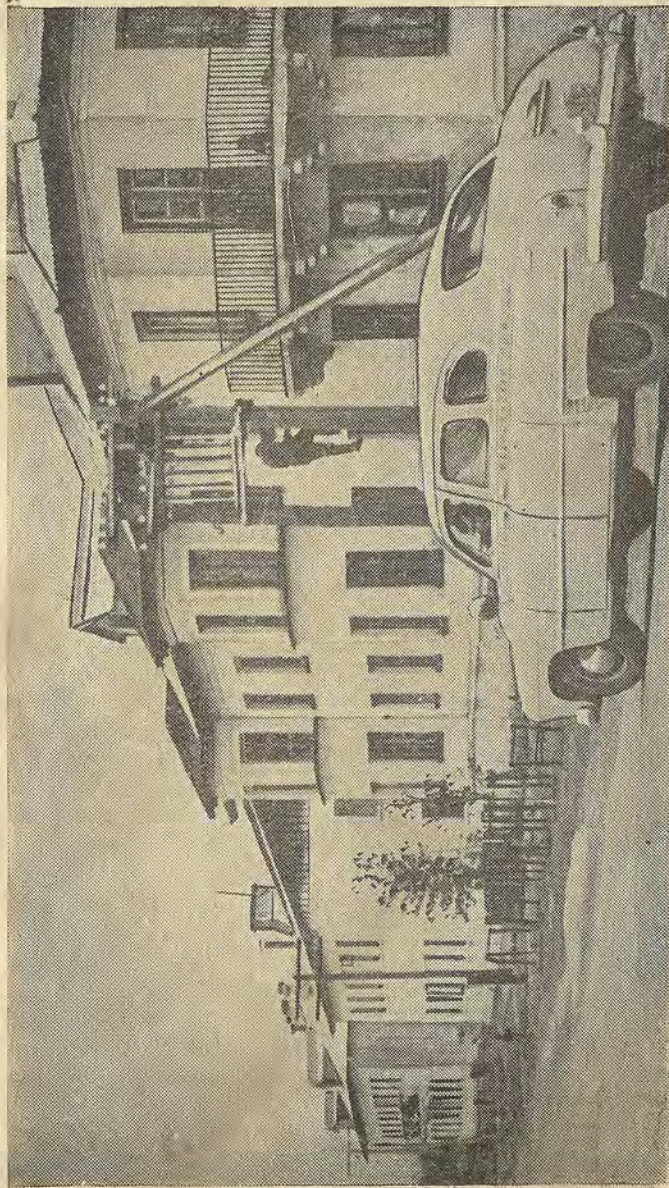
Своеобразное и пока единственное в области предприятие этого комбината — цех детской деревянной игрушки. Он начал работать недавно, но уже создал интересные, пользующиеся широкой популярностью игрушки.

На областной промышленной выставке можно было увидеть искусно вырезанные из дерева вертолеты, тепловозы, целые железнодорожные составы, гарнитуры кукольной мебели, коляски — это все продукция иселькульских мастеров детской игрушки.

В нынешнем семилетии тут намечается строительство игрушечной фабрики.

Иселькульский мясокомбинат — второй по мощности в области.

В 1956 году в Исель-Куле был создан комбинат строительных материалов. Он имеет два механизированных кирпичных завода, цех камышитовых плит. Только за один год комбинат дал для иселькульских строек около четырех миллионов кирпичей. Конечно, этого недостаточно, и иселькульцы планируют в нынешнем семилетии расширить кирпичное производство.

Новые жилые дома выросли на улицах города Исель-Куля.

В центре города находится трикотажная фабрика имени Крупской. Это большое механизированное предприятие. В его цехах новейшие трикотажные машины. Тут есть чулочно-носочные автоматы, шпульно-вязальные, кругловязальные, фанговые машины, на которых вырабатывается верхний трикотаж.

Продукция исьилькульских трикотажников — жакеты, свитеры, детские костюмы, платья — фанговые, гладкие, начесные — расходуется по всей Омской области, Казахстану, Уралу.

Недавно на фабрике установили новые машины для начесного трикотажа. Теплые пушистые начесные костюмы и белье исьилькульской фабрики пользуются большим спросом у сибиряков, уральцев, казахов. Заявки на эту новую продукцию присылают в Исьиль-Куль из Караганды, Свердловска, Тагила, даже с Украины.

На этой фабрике работает преимущественно молодежь.

Характерный штрих — около 60 процентов работниц пришли сюда из исьилькульских школ со свидетельством об окончании семилетки, с аттестатами зрелости. Многие трикотажницы учатся в заочных техникумах, школах рабочей молодежи.

Пятнадцать комсомольско-молодежных бригад соревнуются здесь за право именоваться бригадами коммунистического труда. Почти все они выполняют свою производственную программу на 180—200 процентов.

За семилетие продукция фабрики должна увеличиться более чем вдвое. Но трикотажницы, подсчитав свои возможности, обязались выполнить семилетний план за пять лет.

Исьилькульская трикотажная фабрика — молодое, растущее предприятие. В 1958 году она дала продукции на 5 миллионов 250 тысяч рублей.

Фабрика строится, расширяет свои цехи. Вошел в строй корпус красильно-отделочного цеха — капитальное каменное здание с паровым отоплением, водопроводно-канализационной сетью. Тут установлена универсальная барка для отбелки и окраски трикотажного полотна, ворсовальная машина для начесного трикотажа.

Первый год семилетки отмечен для исьилькульских трикотажниц таким событием, как начало строительства нового каменного корпуса трикотажного цеха.

На северо-западной окраине Исьиль-Куля выросли капитальные цехи РТС.

Этот новый цех позволит в пять раз увеличить объем производства. К концу семилетки фабрика имени Крупской будет давать на 25 миллионов рублей трикотажных изделий.

Рабочий коллектив фабрики объявил эту стройку народной.

Большую роль в жизни района, его колхозов играет иськульская РТС. Ее мастерские — крупное ремонтное предприятие. Массивный корпус монтажного цеха с узкоколейкой, поточными линиями, такие же капитальные, кирпичной кладки цехи: токарный, слесарный, моторный, кузнечный, электросварочный, испытательный. Одним словом, целый промышленный городок.

Через эти цехи проходит вся большая техника иськульских колхозов. Одних только тракторов здесь ремонтируется за год около 250. А ведь есть еще обширный парк комбайнов и других сельскохозяйственных машин.

Объем годовой продукции этой РТС — больше двух миллионов рублей.

Из ее цехов как бы просматривается все обширное, многоотраслевое хозяйство иськульских колхозов, их необъятные поля, возделываемые армадой машин, механизированные животноводческие фермы.

Есть в Иськуль-Куле еще одно примечательное предприятие — это плодово-ягодный питомник.

В северо-западной части города, почти у самой железнодорожной линии, поднимается зеленая иглистая стена елей, сосен. Присмотритесь внимательней и вы различите голубоватые шапки кедров, темные лапы лиственниц.

Откуда тут, в лесостепи — крае белоствольных берез и осинок, эта стена хвойного леса? Настоящий оазис!

Иськульский питомник — один из старейших в Западной Сибири. Он создан был в 1902 году полковником в отставке, лесоводом-любителем Жуковым.

Когда Жуков приехал сюда, у железнодорожной насыпи шумели кудрявые березовые колки. Они тянулись на целые версты, перемежаясь алапами — полянами.

Отставной полковник зажегся мечтой развести тут в степи хвойный лес, как в родных костромских местах. Чиновники лесного ведомства Министерства земледелия, в чьем ведении находились эти колки, называли Жуко-

ва фантазером: «Пустая затея, в степи хвоя расти не будет. Степь не примет ее».

Однако деревца, посаженные «лесоводом-фантазером», прижились среди берез, осинок, потеснили их, пошли в рост.

За семнадцать лет Жуков засадил 130 гектаров разными древесными породами. Так, в западной части Иськуль-Куля разросся смешанный лес. В этом лесу рядом с березой, осиной прижились ель, кедр, пихта, липа мелколистная, вяз, дуб, маньчжурский орех, маньчжурский дикий абрикос.

Занимался Жуков и плодоводством. В 1905 году тут был заложен небольшой яблоневый питомник.

Но настоящая плодоводческая слава пришла к питомнику лишь в годы Советской власти.

Иськульский питомник стал пропагандистом садоводства в степных районах Омской области, северо-западном Казахстане, школой колхозного садоводства огромного края.

В опытных садах питомника были акклиматизированы в местных условиях и выведены новые сорта яблонь, груш, вишен.

«Иськульское», «октябрьское», «депутатское» — эти широко распространенные сейчас в наших садах сорта яблонь созданы в Иськуль-Куле, в его питомнике. Питомник выращивает пятьдесят различных сортов яблонь.

Тут же выведены груши — «тема», «сибиряк», отборные формы степной вишни, стелющаяся вишня «любская».

Широко известная желтая канадская слива также впервые была выращена в Западной Сибири и акклиматизирована в иськульском питомнике.

И — самое главное, — из садов питомника эти сорта переселяются в колхозы, совхозы, в сады плодоводов-любителей. (А их с каждым годом в Сибири становится все больше и больше!) И в этом есть доля труда иськульских плодоводов — пропагандистов садоводства в нашем сибирском крае.

Весной и осенью из иськульского питомника уходят во все концы Сибири посылки — саженцы, семена. Иськуль снабжает саженцами, семенами новых плодовых сортов садоводов Омской, Новосибирской, Тюмен-

ской, Кемеровской областей, Алтайского, Красноярского края, Казахстана. В питомник приходят письма с просьбой выслать исьлюкульские сорта яблонь в Свердловск, Челябинск, Ленинград, на Сахалин.

Такие дальние «путешествия» совершают саженцы, выращенные в садах Исьль-Куля.

За годы Советской власти выросла не только экономика города, выросла и его культура.

Вспомним: в старом Исьль-Куле была одна одноклассная церковноприходская школа.

В 1930 году в поселке работали уже две семилетние школы, школа второй ступени.

В современном Исьль-Куле — семь школ. В них учится более трех тысяч детей. Школа-интернат занимает одно из лучших зданий города. В этом доме много простора, света и того особого школьного тепла, которое так нужно детям. Здесь есть учебные лаборатории, кабинеты, клубы, спортивный зал, большая библиотека. Рядом со зданием интерната — учебные мастерские (столярные, слесарные), подсобное хозяйство, кролиководческая ферма.

Гордость Исьль-Куля — музыкальная школа. Ее создала общественность города в 1955 году. В этой школе есть классы фортепьяно, струнных инструментов, баяна. Обучается в ней 150 детей.

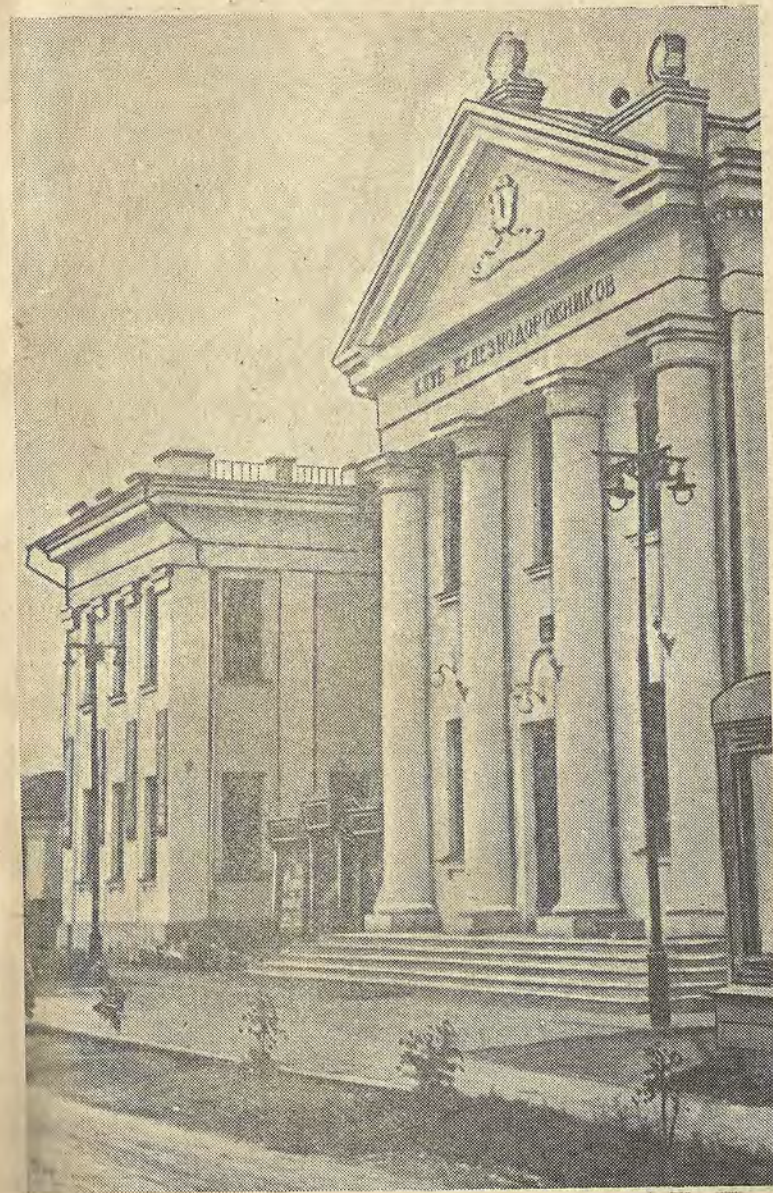
Исьлюкульское училище механизации — одно из самых крупных в области. Его учебные лаборатории, мастерские оснащены новейшей сельскохозяйственной техникой. За три года оно подготовило для области 2 000 механизаторов широкого профиля.

В 1930 году в Исьль-Куле был один клуб и избачитальня.

Теперь в городе четыре клуба, два кинотеатра, Дом культуры, на сцене которого исьлюкульцы видят в исполнении самодеятельных коллективов не только концерты, но и большие многоактные спектакли.

При Доме культуры создан самодеятельный кукольный театр.

О росте культуры в городе ярко свидетельствует огромная тяга населения к книге. За один 1958 год исьлюкульские магазины продали книг на 600 000 рублей.

Новый клуб железнодорожников станции Исьль-Куль.

В Исиль-Куле три общественных библиотеки — районная, городская, детская — и десять школьных и клубных.

Но дело не только в количестве библиотек. Главное — читатели. А их, по неполным данным, в исилькульских библиотеках шесть тысяч человек. Какая примечательная статистика! Вот, когда можно сказать, что книга стала подлинным достоянием народа!

А как широко шагнет город в нынешнем семилетии!

За эти годы в Исиль-Куле будет построено 11 новых предприятий, выпуск промышленной продукции увеличится в два с половиной раза.

Близ озера Городище вырастет промышленный городок. Со временем сюда будут переведены все предприятия из центральной части Исиль-Куля.

В Дорпроекте — проектной организации Омской железной дороги — составлен генеральный план застройки Исиль-Куля. Автор проекта — архитектор Иван Сидорович Голубецкий.

Загляните в этот план, его рабочие чертежи, и вы очутитесь в Исиль-Куле близкого будущего.

В центре города, его северной части, раскинется просторная, одетая в асфальт площадь Советов. По ее контуру встанут двух- и трехэтажные каменные жилые дома.

Асфальтированная магистраль Учебной улицы, бульвар и пешеходный мост соединяют эту площадь — административный центр города с площадью Культуры, которая будет создана в южной части Исиль-Куля.

Площадь Культуры замкнут величавое, с колоннадой у парадного хода, здание нового клуба, широкоэкранный кинотеатр.

На пустыре, меж улицами Чапаева и Чехова (бывшая Павловка), раскинется Парк культуры и отдыха. Тут будут сооружены зеленый театр, летний ресторан, различные павильоны, спортивная площадка.

На месте безымянного озера, залегшего на этом пустыре (исилькульцы нередко называют его лужей), гидромелиораторы устроят большой плавательный бассейн с купальней.

Этот парк обещает стать украшением города,

Пенсионер Ф. И. Мезенцев — любитель-садовод
в своем приусадебном саду.

Зеленое кольцо опояшет весь Исиль-Куль, ответвит полосы вдоль автострады, ведущей в южные степи — в Полтавский район.

Центральная часть города, она обозначена на карте генплана как зона № 1, будет застроена исключительно двух- и трехэтажными домами.

За семилетие жилищный фонд Исиль-Куля должен увеличиться почти втрое.

Таково близкое будущее этого города.

Исиль-Куль — центр одного из ведущих сельскохозяйственных районов Омской области. Пшеничный фонд земледелия и молочно-мясное животноводство — профиль этого района.

В районе — старейшие сибирские семеноводческие элитные совхозы: «Боевой», награжденный орденом Трудового Красного Знамени, «Лесной» и совсем молодое хозяйство — Медвежинский совхоз. Все это — крупные, оснащенные новейшей техникой, электрифицированные сельскохозяйственные производства — большие фабрики хлеба, мяса, молока.

Сотни тысяч центнеров пшеницы, мясной и молочной продукции дают стране исилькульские колхозы.

Но Исиль-Куль — экономический и культурный центр не только своего района, а почти всего юго-запада Омской области — ее большой житницы, где находится основной сельскохозяйственный массив, размещается треть посевов «пшеничного фона».

На юго-западе Исиль-Куль граничит с Казахской ССР. К нему тяготеют Кызылтуский, Ленинградский районы Кокчетавской и Конюховский район Северо-Казахстанской областей. Все эти районы огромных земельных массивов. В 1953—1955 годах тут развернулась большая битва за хлеб, были освоены сотни тысяч гектаров целинных земель, созданы новые совхозы-гиганты.

В эту бурную пору Исиль-Куль стал одним из плацдармов, откуда велось наступление на нетронутые черноземы, вековую целину Сибирской и Казахской степей.

Тут сгружались колонны тракторов, комбайнов, сельскохозяйственных машин, тысячи кубометров леса, целые парки автомобилей.

Все это направлялось из Исиль-Куля в районы освоения целины — на юг Омской области и в Казахстан.

А осенью в Исиль-Куль потекло зерно обильного урожая. Исилькульский элеватор принимает сотни тысяч пудов хлеба от одного из важнейших зерновых районов нашей области — Полтавского, из новых совхозов Ленинградского и Кызылтуского районов Казахстана.

Исилькульская контора водного хозяйства проводит водопроводы, строит колодцы, пруды в Полтавском, Марьяновском, Москаленском, Шербакульском районах. Исилькульская дорожностроительная станция прокладывает в глубь южных степных районов автомагистраль.

Почти все предприятия Исиль-Куля перерастают так называемые районные рамки, играют роль в экономике всего края, их продукция широко расходуется по области и смежным районам Казахстана.

Этот молодой город нашей области имеет все данные для дальнейшего экономического и культурного роста.

У него большое будущее.

Городской «паспорт» Калачинск получил 2 декабря 1953 года. Но история у этого молодого города давняя.

В 1837 году, на левом берегу Оми, там, где река изгибается дугой и отбрасывает извилистый рукав — свое старое русло, прозванное в народе Калачом, — поселилось несколько крестьянских семей — выходцев из Самарской губернии.

Еще в середине XVIII века вдоль Оми, по ее правому берегу, пролегал Московско-Сибирский тракт*.

* Московско-Сибирский тракт (участок от Тюмени до Томска) начали прокладывать в начале XVIII столетия. В 1733 году он шел из Москвы через Екатеринбург (современный Свердловск), Тюмень, Тобольск, к Таре и дальше на восток через Барабу к Маринску (Китайское село), Иркутску, до Нерчинска, Кяхты.

За Тарой тракт пролегал по неудобному болотистому Левскому волоку и в 1773 году его повернули в обход Тары, через Абацкую, Тюкалу на реку Омь (до Каинского острога).

В 1838 году, после того как Омск стал административным центром, столицей всей Западной Сибири, Московско-Сибирский тракт снова был «выправлен». Оставив в стороне Тобольск, дорога уклонилась к югу, на Коркинскую слободу (Ишим), Ялуторовск, Омск (обозное движение обходило город), затем вверх по Оми до села Еланского.

В лютые зимние стужи, в знойные летние дни тянулись по тракту с запада на восток, с востока на запад скрипучие, груженные товарами обозы, мчались, заливаясь бубенцами, почтовые тройки, чиновничьи тарантасы, гремя кандалами, проходили партии арестантов. И тусклый мертвый звон «желез» плыл над сибирской землей.

На пустынном правом берегу Оми появились «версты» — полосатые верстовые столбы, вытесанные из старых прибрежных берез, рубленые избы почтовых станций, ямские слободки, деревни. Селили тут «прибором в ямские охотники» отставных солдат, крестьян — «переведенцев» — из центральных губерний России.

И хоть по указу предписывалось не заселять тракт ссыльными «для сохранения доверия в торгующем классе», ссыльных переселенцев во все времена тут было много.

В большинстве своем это были крестьяне, высланные в Сибирь за «разные непокорства».

Плодородные земли, приветливые березовые колки приомской лесостепи привлекали сюда и вольные поселенцев, прибывших в Сибирь искать лучшей доли.

Селились ближе к воде, ближе к тракту.

Одним из таких притрактowych селений была деревня Калачики.

Первыми жителями ее были, очевидно, государственные крестьяне, переселенные в Сибирь в 1837 году по так называемой Киселевской реформе из самарского казенного имения.

Через год-другой появились в Калачиках самовольные переселенцы — «самоходы», как их называли, согнанные нуждой, безземельем, помещичьим гнетом из родных, обжитых вятских, пензенских, калужских деревень.

Жили в Калачиках отставные солдаты, после долгих лет службы осевшие на землю, ссыльные переселенцы, семьи ямщиков, гонявших по тракту на «передаточных» (перекладных) и «долгих».

Калачинские «долгие» ямщики ходили с обозами на Восток к Иркутску, Нерчинску, до самой Кяхты, к китайской границе.

Близость торгового тракта, близость такого крупного города, как Омск, привлекали в Калачики купцов-ми-

роедов. Они открывали в селе небольшие лавчонки и вели большую хищническую торговлю на целую округу. Скупали за бесценок в Калачинске и окрестных деревнях хлеб, жиры, кожи, скот и переправляли в Омск; занимались ростовщичеством, старались впутать крестьян в долги, закрепощали долговыми обязательствами целые деревни.

Вот как описываются мироеды сибирских сел в полном географическом описании нашего отечества «Россия» (СПБ, 1907 г.).

«При наступлении срока уплаты податей, когда на сцену является земская полиция с угрозой и розгами и бедное население мечется из угла в угол, ища, где бы призанять хоть сколько-нибудь, в то время мироеды ловят несчастных должников, и если жертва попадает в лапы, взяв каких-нибудь 10—15 рублей, то уж ей не вырваться долго. Он не только должен заплатить огромные проценты, но и со всем семейством быть «десятишником» мироеда, помогая во всех работах и оставляя невозделанными свои доли. Случалось, что целая семья работала лето за одного теленка, а день женского труда оплачивался горшком простокваши».

Жители Калачиков, как и других сел приомской лесостепи, занимались хлебопашеством (сеяли пшеницу, рожь, овес), разводили молочный скот, в зимнюю пору катали пимы, шорничали, выдывали овчины, кожи, работали на кулацких маслобойнях, салотопнях, выполняли разные повинности: ходили чинить тракт, вели «почтовую гоньбу», целыми партиями их посылали «на земляные и каменные работы» в Омск, где строилось много новых зданий.

Всех этих повинностей — «служб» — было так много, что крестьянам едва хватало времени на свое хозяйство.

Первые избы в Калачиках были поставлены над Омью, в северо-восточной части нынешнего города, там, где сейчас пролегает Верхне-Береговая улица.

Строились «в одну линию». Стены складывали из березы (березовых лесков было окрест много), крыши насыпали земляные. Те, кто победнее, ставили просто землянки.

И хоть простора кругом было много, дворы тесно жались друг к другу, подворья были маленькие.

По рассказам старожилов (они передаются из поколения в поколение) село делилось на две части: «Самару» и «Сибирь»*.

В «Самаре» жили крестьяне-переселенцы из центральной России. Видимо, первыми ее обитателями и были самарцы. Калачинскую «Сибирь» заселяли в большинстве ссыльные, ямщицкие семьи, отставные солдаты.

Меж «Самарой» и «Сибирью» раскинулся пустырь. Тут в праздники устраивались кулачные бои.

Калачики стояли в кольце березовых и осиновых колков. Светлые листовенные рощи тянулись по всему лево-бережью.

Сразу за селом лежала поскотина, обнесенная изгородью. Земли тут солонцеватые, но обильно поросшие разнотравьем — вязилем, вейником, овсяницей.

По берегу Оми, вокруг стариц-озер, цвели пышные луга.

Дальше на юг начинались черноземы.

Осенью 1895 года калачинские пашни прорезала железная дорога — великий транссибирский железнодорожный путь.

В двух верстах от села Калачики выросло обширное тесом здание железнодорожной станции, пакгауз, водоканал, несколько домишек для рабочих-железнодорожников, или, как их называли, «низших железнодорожных служителей». В «Путеводителе по Великой Сибирской железной дороге» (издан в 1906 году) сказано, что станция Калачинская отнесена к 5-му разряду, она имеет почтовое отделение, приемный покой.

По воспоминаниям местных старожилов, фельдшер этого приемного покоя был первым и единственным медиком на целую округу.

В этом же «Путеводителе» сообщалось, что в селе Калачики живет 400 душ населения.

Паровозный гудок внес новое в жизнь села. Калачики потянулись к станции. Домишки начали надвигаться на поскотину, застраивать ее. Так образовалась улица Столбовая — современная Советская.

* Записал эти рассказы калачинский учитель-краевед Г. А. Ивоинский. Сборник Омского института усовершенствования учителей «Из опыта преподавания истории», 1940 г.

Предприимчивые мучные купцы Альбертовы построили вблизи станции паровую мельницу, на бывшей покотине выросли большие лавки Дорохова, Коновалова, мучные лабазы, салотопни.

Но внешне облик Калачиков менялся мало. Все те же сложенные из березы четырехстенники с земляными крышами, саманные домишки, землянки.

«Торгующий класс», как именовало себя купечество, несмотря на довольно крупные обороты, не обогатил Калачики сколько-нибудь примечательными в архитектурном отношении зданиями.

Долгое время в Калачиках не было даже школы.

В 900-х годах тут была создана одноклассная сельская школа, но своего здания она не имела. Занятия проводились в крестьянских избах — «поочередно» у родителей учеников.

В годы первой русской революции калачинские железнодорожники принимали участие во всеобщей железнодорожной забастовке.

На станцию Калачинск был направлен отряд каторжников. Почти все «низшие железнодорожные служители» были арестованы и увезены в омский тюремный замок.

После установления Советской власти в Омской губернии был создан новый Калачинский уезд. Административным центром этого уезда стал Калачинск*.

В марте 1918 года в Калачинске открылся уездный съезд Советов.

Председателем первого Калачинского исполкома Совдепа делегаты единогласно избрали Якова Мартыновича Калнина — старого большевика-подпольщика, испытывавшего грозы первой русской революции**.

Калнин не был сибиряком. В Сибирь он попал как «подневольный житель» из Латвии. Но он всем сердцем

* Калачинскому уезду была выделена вся юго-восточная часть Тюкалинского уезда.

В 1925 году по новому административному делению уезды были упразднены. Калачинск стал центром Калачинского района.

** Автор пользовался воспоминаниями И. И. Предит — бывшего ученика Я. М. Калнина. Воспоминания о сибирском периоде жизни М. И. Калнина, его ссылке даны Л. Д. Людгард.

полюбил край, в котором «жил в казнь», его суровую красоту, его могучих людей и остался работать здесь.

Сын латышского рыбака, Калнин в юности батрачил, потом учился в учительской семинарии (скольких трудов и унижений стоило отцу определить туда Якова!), учительствовал в сельской школе.

В 1905 году Калнин вступил в ряды РСДРП и с этой поры связал свою жизнь с партией, ее большевистским крылом. Он работал в подпольной типографии, писал тексты революционных прокламаций, сам набирал их, распространял среди рабочих и крестьян Латвии. Тут же, у подпольной наборной кассы, у него рождались стихи, рассказы о народном горе, о борьбе с угнетателями. Они, как и прокламации, звали к борьбе, к революции. Литературный псевдоним Калнина — Маконис — облако. Под этим именем он вошел в латвийскую литературу.

...В 1907 году Калнина арестовали и как «важного государственного преступника» приговорили к пятнадцати годам каторжных работ.

В каторжных казематах, в ссылке он продолжал революционную работу, писал стихи, рассказы. Из далекой ссылки он звал свой народ к борьбе.

Эти стихи Калнина — Макониса очень популярны среди латвийского народа, многие из них переложены на музыку, стали народными песнями.

В 1908 году, в глухую пору реакции, Калнин писал из тюремных казематов на волю своим друзьям:

Я знаю, времена меняются,
Подуют другие ветры,
Тогда взойдет все то,
Что в землю тайно сеяли мы.

Придут дни яркие, солнечные,
Я знаю это твердо...
Тогда поля пшеничные
Нальются тяжелыми зернами.
Это будет!

Называется это стихотворение «Надежда».

После Октябрьской революции партия направила Калнина на продработку. Поэт стал продуполномоченным. В эту трудную пору хлеб решал судьбу револю-

ции. Буржуазия пыталась задушить молодую Советскую республику голодом («Костлявой рукой голода», как писалось в воззвании ЦК в Сибирь). ЦК партии бросил на продфронт свои лучшие силы, в числе их был Калнин.

Вместе с продармейцами, «летучими отрядами», он развезжал по селам, деревням Калачинского района, выявлял запасы хлеба, изымал у озверелых кулаков зарытое в землю зерно.

Среди калачинской крестьянской бедноты Калнин пользовался большим авторитетом и популярностью.

Он страстно разоблачал эсеров, меньшевиков, их предательскую политику. Его горячее большевистское слово глубоко проникало в сердца людей из народа. Он был желанным и частым гостем в бедняцких избах, в только что созданных сельских Советах, большевистских ячейках, клубах.

Народ любил этого высокого, худощавого человека, со светлыми, внимательными лучистыми глазами. К нему шли за советом, за помощью.

Первые шаги Советской власти в Калачинске связаны с именем Якова Калнина. Но не долгой была его деятельность тут.

Как известно, в мае 1918 года начался спровоцированный интервентами контрреволюционный мятеж чехословацких частей. После упорных боев под Марьяновкой Красная Гвардия вынуждена была отступить. Власть в Омске захватило контрреволюционное временное сибирское правительство.

Через несколько дней после контрреволюционного переворота в Калачинск прибыл белогвардейский карательный отряд. Каратели ворвались в здание исполкома Советов и потребовали, чтобы все депутаты Совдепа сдались им. Не желая сдаваться врагу, Яков Калнин застрелился. Похоронили его на старом кладбище.

После того, как Колчак и интервенты были изгнаны из Сибири, калачинцы перенесли останки своего первого председателя исполкома Совета в братскую могилу.

Эта могила в самом центре города. Строгий гранитный обелиск. На его гранях высечено: «Вечная слава борцам, павшим в борьбе за Советскую власть» и имена людей, отдавших свою жизнь за революцию, за народ.

Это были люди разного возраста, разных профессий, но одной судьбы — их объединяла одна великая цель.

Учитель Куликовской сельской школы комсомолец Михаил Смирнов — ему не было и двадцати лет. Его зарубили топором кулаки за то, что он был «красным агитатором», нес большевистское слово в народ, звал к борьбе.

Машинист паровой мельницы коммунист Яков Цируль — его казнили колчаковцы.

Начальник уездной калачинской милиции коммунист Тихонов пал от руки кулака в 1928 году.

Вокруг памятника калачинцы разбили сад, первый общественный сад в городе. Теперь он разросся, его тенистые аллеи, пышные цветники украшают молодой город. Это тоже памятник. Да и весь новый Калачинск с его предприятиями, металлическими мачтами высоковольтной электропередачи, с его школами, клубами — памятник людям, отдавшим свои жизни в борьбе за власть Советов.

Современный Калачинск стал одним из промышленных центров Омской области.

В южной части города, недалеко от железнодорожного полотна, находится литейно-механический завод.

До 1941 года тут была небольшая районная машинно-тракторная мастерская — МТМ.

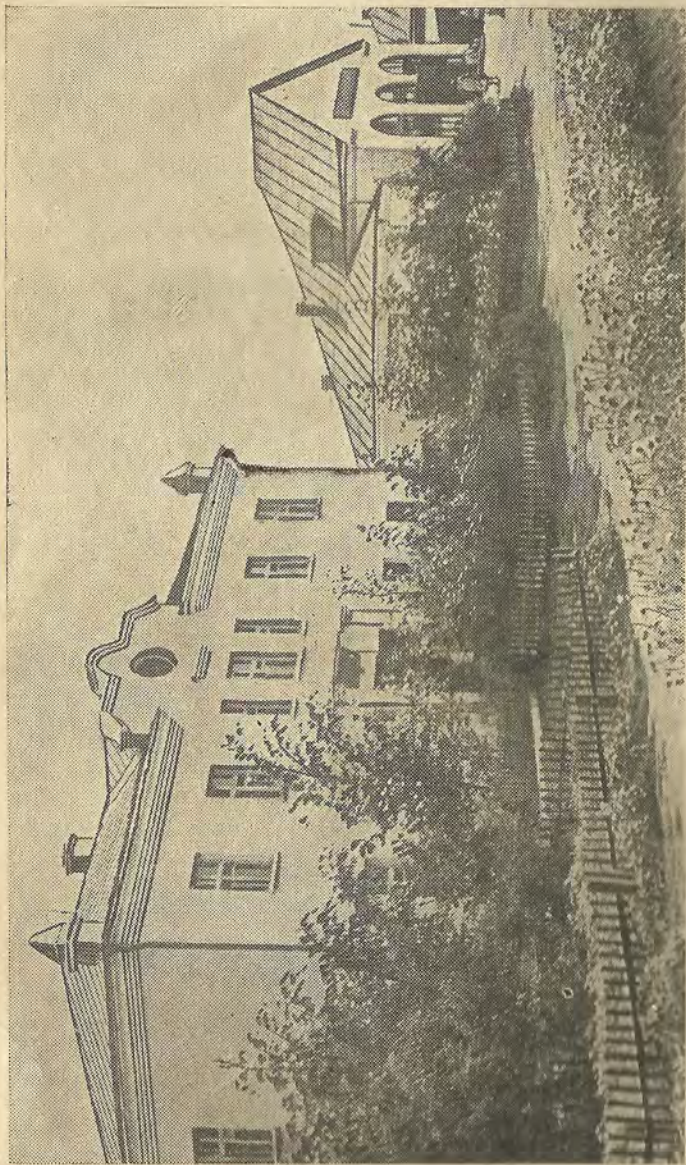
Не богатое у нее было хозяйство: три стареньких токарных станка «Бромблея», слесарный инструмент, небольшая литейня (в ней работало три человека), такая же карликовая кузница с двумя кузнецами.

В зимнюю пору сюда пригоняли на ремонт трактора. Гаража не было. Машины ремонтировались под открытым небом.

В годы Великой Отечественной войны из южного украинского города Мелитополя в Калачинск был эвакуирован механический завод. Это тоже было небольшое предприятие.

Разместились сначала в помещении мастерских, потом начали строить временки. Завод выполнял оборонные заказы.

По-настоящему отстраиваться, расти завод начал в годы послевоенных пятилеток. На пустыре просторного заводского двора поднялся большой новый корпус дере-

Новые здания гостиницы и магазина в Калачинске.

вообрабатывающего цеха. Этот цех оборудован универсальными фрезерными станками, мощной вентиляцией, автоматически вытягивающей стружку, подвесными дорогами, большой электросушилкой.

Тут же неподалеку вырос новый сборочно-монтажный цех. Капитально были переоборудованы другие цехи.

Узкоколейка связала завод с большой железнодорожной магистралью.

Продукция калачинского завода уходит далеко за пределы Омской области. В стенах Казахстана, Украины, на Дальнем Востоке, в Латвии, Эстонии, в Рязанских, Тульских областях можно встретить зеленые домики ремонтных походных мастерских с маркой калачинского мехзавода.

В этом крохотном цехе на колесах и удобное рабочее место, и весь инструмент, необходимый для текущего ремонта сельскохозяйственных машин. Кроме походных мастерских, калачинцы изготавливают в своих цехах автодезустановки для животноводческих ферм.

Калачинский мехзавод — первое предприятие в стране, освоившее выпуск таких установок.

Когда был создан Совнархоз Омского экономического района, калачинский мехзавод вошел в систему его предприятий.

Сейчас завод готовится к такому важному событию, как переход на массовый выпуск новых запасных частей тракторов.

Первый год семилетки обогатил его прекрасным новым термическим цехом, в котором закалка деталей производится в электропечах, высокочастотных установках.

Механические цехи пополнились новыми высокопроизводительными станками-автоматами.

В нынешнем семилетии завод должен освоить выпуск такой сложной детали как топливная аппаратура для тракторов.

Таковы перспективы этого самого большого в Калачинске предприятия.

А возле завода разрослась улица. Почти вся она застроена домами рабочих-мехзаводцев. Улица очень пестрая. Тут есть солидные пятистенники, украшенные резными наличниками, легкие финские домики, дома-общестия, шлакоблочные, саманные строения.

Живут здесь слесари, токари по металлу, дереву, литейщики, кузнецы, плотники, мотористы, электрики, механики — словом, индустриальный рабочий класс Калачинска, как говорит старейший кузнец завода, депутат Горсовета Александр Иванович Колесников.

Многие калачинцы связали свою жизнь с заводом.

Почти четверть века стоит у горна калачинских ремонтных мастерских кузнец коммунист Колесников.

Вся история завода — от первых младенческих шагов — прошла на его глазах. Он — лучший кузнец завода, депутат Городского Совета. Время уж ему на пенсию идти, пенсия немалая, а не хочет старый кузнец покидать завод: «Есть еще порох в пороховницах, — повторяет он, — еще много дел не сделано, еще поработаю, ребят поучу».

Добрая половина рабочих кузнечного цеха — его ученики.

На мехзаводе работает много юношей и девушек, закончивших калачинские средние школы. Они пришли в его цехи с аттестатами зрелости, чтобы пройти тут школу жизни.

А еще больше таких молодых рабочих, которые взяли за книгу, сели за школьную парту только после того, как стали к станку и почувствовали на собственном опыте, что без знаний, без учебы не станешь хорошим производственником.

Молодежные бригады мехзавода первыми в Калачинске начали коммунистическое соревнование.

Тут была создана первая в городе бригада коммунистического труда под руководством Геннадия Ярыгина.

Ярыгин пришел в цех, не успев закончить даже семилетней школы. На заводе он не только освоил профессию токаря, но взялся вновь за учение, поступил в школу рабочей молодежи.

Геннадий мечтает поступить в заочный машиностроительный институт, стать к концу семилетки инженером-машиностроителем.

Что ж, это хорошая мечта!

В бригаде Ярыгина все учатся. Это одна из заповедей бригады коммунистического труда, и выполняется эта заповедь неукоснительно.

Николай Кирилин работает токарем с 1944 года. За плечами у него служба в армии, большой производст-

венный опыт, он — токарь высшего разряда, свою норму выполняет на 300 процентов, зарабатывает больше иного инженера.

И вот, достигнув всего этого, сел человек за школьную парту, поступил в 6-й класс ШРМ.

— Конечно, поздновато для шестиклассника, — подшучивает сам над собой Николай Семенович, — но все же семилетку закончу и техникум одолею. Надо идти в ногу с жизнью.

А идти в ногу с жизнью в понятии членов этой бригады — отлично работать, отлично учиться.

Бригада Ярыгина выполняет свои производственные нормы на 287 процентов. 18 бригад завода следуют ее примеру — соревнуются за высокое звание бригады коммунистического труда.

— А что же, — говорит Геннадий Ярыгин, — так вот всем заводом и шагнем в коммунизм, станем заводом коммунистического труда.

По соседству с механическим заводом находится Омская геофизическая контора «Запсибнефтегеология» (не совсем обычное для районного центра исследовательско-изыскательское предприятие).

Геофизики занимаются изучением геологического строения Западно-Сибирской низменности, поисками в рыхлых отложениях мезозоя нефти и газа.

Разведывательные партии калачинских геофизиков ведут изыскания в Омской, Новосибирской областях, Алтайском крае, Казахстане, составляют карты прогноза нефтеносности нашего края.

В Калачинске — главная база геофизиков. Тут лаборатория, где исследуются образцы пород, мастерские, где ремонтируются тончайшие геофизические, сейсмологические приборы, инструменты; большой парк машин, жилые дома, клуб, библиотека. Тут тоже целый городок. В Калачинске его уже так и называют «городок геофизиков».

В этом городке квартал легких финских домиков, двухэтажные капитальные каменные дома. Здания сложены из шлакобетона — все новостройки. Самые «старые» из них построены в 1953—1954 годах. Живут тут люди таких профессий как геологи, физики, сейсмологи, метеорологи, геодезисты, рабочие изыскательских партий, механизаторы.

Этот городок геофизиков — новый очаг культуры в Калачинске, да и не только в Калачинске. Отсюда идет исследование всей южной части Западной Сибири, Казахстана, отсюда отправляются разведывательные партии в районы Омской, Новосибирской областей, Алтайского края, в Казахстан. Здесь составляются карты прогнозов, нефтеносности среднего Прииртышья. Калачинские геофизики твердо верят: недалеко то время, когда они откроют нефть в Прииртышье.

В центре Калачинска, по соседству с Горсоветом, стоит корпуса цехов райпромкомбината. В 1943 году исполком Калачинского района вынес решение о создании в поселке промышленного комбината. В состав этого нового предприятия вошли пимокатные, веревочные мастерские, небольшой швейный цех. Было у комбината несколько ткацких станков. Но своего помещения ткацкий цех не имел. Ткачи работали на дому.

А сейчас это — крупное, технически оснащенное предприятие.

В 1958 году комбинат дал стране продукции на 14 миллионов рублей.

Ткацкий цех стал ведущим в комбинате.

В этом цехе новые машины, станки-автоматы, все процессы труда тут механизированы. А ведь семь—восемь лет назад работницы перематывали нитки на ручной сновальке, вручную вращали веретена.

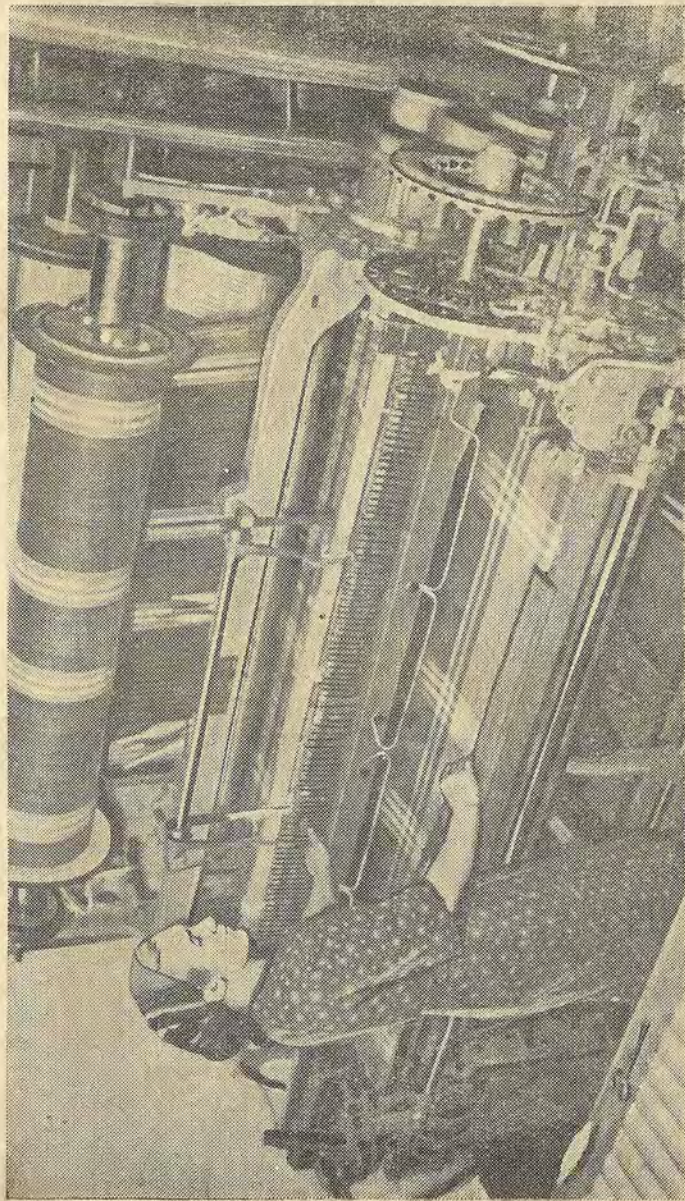
Продукция калачинского комбината — теплые полшерстяные одеяла, узорчатые жаккардовые летние покрывала, пестротканые платки, техническая ткань — широко расходуется по всей области и за ее пределами.

Ткачество, ткацкое производство хорошо привилось в Калачинске, стало «профилем» города. О Калачинске в области уже говорят как о городе ткачей.

У калачинских ткачей сложились свои производственные традиции, выросли свои прекрасные мастера-многостаночники.

По решению Совета Министров РСФСР в городе началось строительство мощной прядильно-ткацкой фабрики; она будет давать стране текстильной продукции на 60 миллионов рублей в год.

В 1960 году начнет работать первый ее цех — прядильный. Когда строительство фабрики будет завершено и вступят в строй все ее цехи, Калачинск станет одним

В ткацком цехе калачинского райпромкомбината.

из центров текстильной промышленности Западной Сибири.

Первый год семилетки отмечен для калачинских ткачей таким событием: они первыми в Сибири начали осваивать выпуск ворсистых штапельных ковров, декоративных тканей — баракана. Пройдет некоторое время и Калачинск станет родиной новой оригинальной отрасли коврового ткачества. Пестротканые калачинские ковры будут расходиться по всей Сибири.

Из крупных калачинских предприятий можно назвать птицекомбинат — один из самых больших в области, мясокомбинат, элеватор, маслозавод, пищекомбинат. Строятся карамельная фабрика, пивоваренный завод, новые цеха и холодильники мясокомбината.

В городе создан комбинат строительных материалов. Это еще молодое предприятие имеет два кирпичных завода, вырабатывающих до 5 миллионов кирпичей в год, цеха камышитовых плит и бетонно-кирпичных блоков. Все это идет на стройки города и района.

К концу семилетия эти заводы будут выпускать в год 17 миллионов штук кирпичей (уже одна эта цифра дает представление о размахе строительства в Калачинске).

Комбинат обогащает свои кирпичные предприятия новой техникой, устанавливает мощные тоннельные печи, электросушилки. Тут же рождается еще одно новое производство — электро-фарфоровый цех.

Все предприятия — и действующие, и те, что строятся, рассчитаны не только на один Калачинский район. Промышленность города Калачинска, как и Исиль-Куля, «перешагнула» районные границы, она связана со всем востоком Омской области, играет немалую роль в экономической жизни ряда отдаленных от железной дороги районов.

Такое же межрайонное значение имеет Калачинская машинно-дорожная станция, прокладывающая большую асфальтированную автостраду на юго-восток области — в «глубинные» районы. Эта дорога республиканского значения. «Хлебной трассой» называют ее окрестные жители. Вместе с дорогой через Омь будет перекинут железобетонный мост.

Калачинск наших дней — один из культурных центров: восточной части области. В городе семь школ,

шесть клубов, два кинотеатра, пять библиотек, завершается строительство Дворца культуры.

Экономическое и культурное влияние Калачинска распространяется далеко за его административные рамки.

К единственному городу на востоке области и его железнодорожной станции тяготеют Оконешниковский, Нижне-Омский, Горьковский районы и смежные с ними села Новосибирской области — Прииртышская Бараба, как именуют эту местность некоторые географы.

В Калачинск из глубинных районов идет поток хлеба, животноводческой продукции, а из города — товары широкого потребления — изделия калачинских текстильщиков, мебельщиков, швейников, продукция калачинского пищекомбината, запасные части к сельскохозяйственным машинам, походные ремонтные мастерские, изготовленные рабочими калачинского механического завода, строительные материалы.

Отсюда прокладывается большая асфальтированная автомагистраль, и в недалеком будущем протянется высоковольтная линия электропередач.

Огромным событием в жизни города была электрификация железной дороги. Это было летом 1955 года.

Высоковольтная линия не только прорезала южную окраину Калачинска, но, как и в Исиль-Куле, отдала часть своей энергии городу и окрестным селам.

До этого в Калачинске не было центральной электросети. Почти каждое предприятие имело свой движок. Пятнадцать карликовых электростанций работало тут, и они едва удовлетворяли своих хозяев. Улицы города, жилые дома не получали электрического освещения.

Сначала высоковольтная сеть дала ток окрестным селам — Тургеневке, Воскресенке, Орловке.

Калачинцы с завистью смотрели, как по вечерам вспыхивал яркий электрический свет на горизонте. Казалось, море огней заливают колхозы. Город же был погружен в темень. Ни одна лампочка не освещала его улицы.

Но вот стальные мачты понесли сеть электропередач в центр Калачинска. Настал день, когда была подключена первая очередь городской электролинии. Электричество осветило улицы, вошло в жилые дома, дало ток промышленным предприятиям.

Так же, как и в Исиль-Куле, электричество вошло в быт города. В Калачинске в широком ходу электроплитки, стиральные машины, холодильники, телевизоры. И тут тоже говорят: «У нас теперь совсем как в Омске».

Многое дала электрификация местной промышленности. Те предприятия, которые получили ток от высоковольтной линии, расширили свое производство, успешно внедряют механизацию, экономят значительные суммы.

Райпромкомбинат имел раньше свой движок. На эту карликовую электростанцию ежемесячно расходовалось шестьдесят тысяч рублей. И все же энергии не хватало. Цехи подключались по очереди — одни работали, другие простаивали.

Когда предприятие стало получать ток высоковольтной линии, расход на электроэнергию уменьшился до 6—7 тысяч рублей в месяц. Нет больше перебоев в работе: электроэнергии хватает для всех цехов. Производство получило огромные резервы для дальнейшего роста.

К 1960 году электрификация города, всех его улиц, всех предприятий будет полностью завершена. Линия высоковольтной сети пойдет дальше — в глубинные колхозы, совхозы. К концу семилетки она охватит в свое кольцо все смежные с Калачинском районы — весь восток области будет полностью электрифицирован.

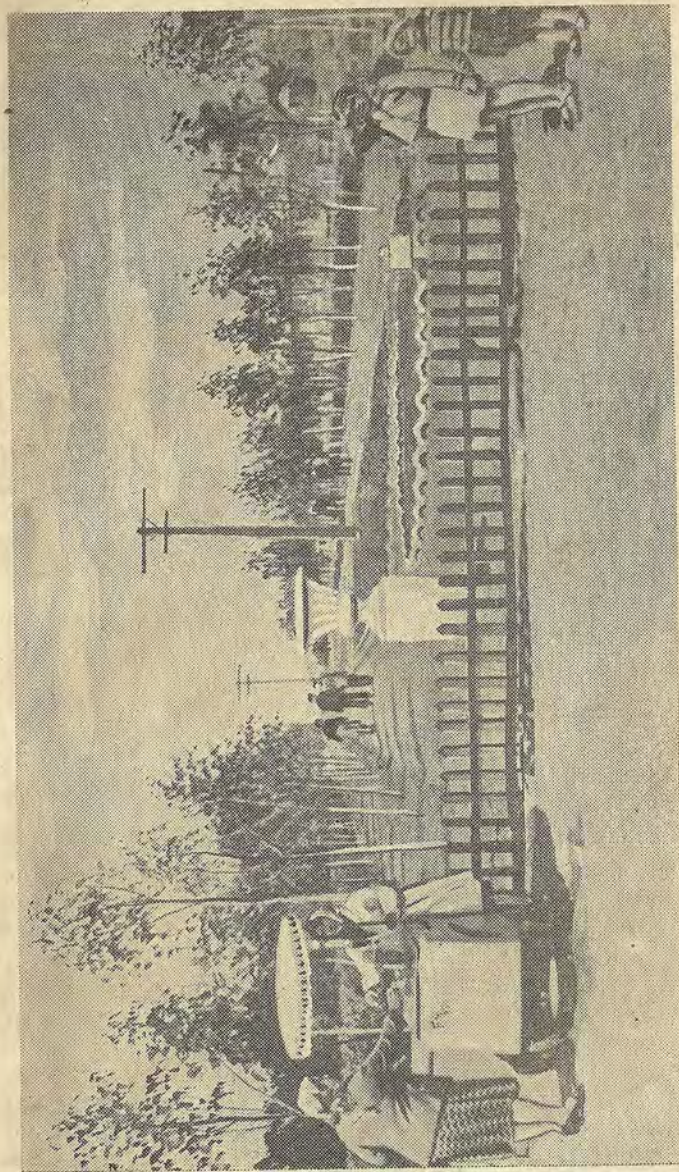
Как выглядит современный Калачинск?

Человеку, только что приехавшему сюда, сразу бросится в глаза: город строится.

Как и в других наших городах, тут почти на каждой улице новостройки: закладываются фундаменты будущих зданий, возводятся стены.

Строят райкоммунхоз, строят предприятия, учреждения, строят жители города.

В Калачинске осенью 1958 года насчитывалось 500 таких новостроек — больших и малых. Как и в Исиль-Куле, от старых времен тут не осталось ни одного сколько-нибудь примечательного в архитектурном отношении здания. Купеческие «хоромины» отличались лишь величиной да многочисленными пристройками — клетями, амбарушками, которые беспорядочно загромождали подворья, выходили «задами» на улицу. Нет и обычных аляповатых «затей» — куполов, башенок, мезонинчиков, которыми обычно купечество украшало свое жилье.

На бывшем пустыре в городе Калачинске разбит новый бульвар.

Над этими приземистыми старыми домишками, как светлые маяки, возвышаются новые двухэтажные каменные дома. Их пока немного, и тем заметнее то новое, что уже сделано; каждый такой дом виден за несколько кварталов.

Здания кирпичной кладки тут появились совсем недавно — в послевоенные годы. Они резко выделяются не только своей высотой, но и архитектурным оформлением. Построенные по типовым проектам, украшенные строгими лепными орнаментами, дома эти — хорошее начало для молодого растущего города.

Издали, за несколько кварталов, видны новые белокаменные здания — первой средней школы (в этой школе учится девятьсот детей), райкома партии, гостиницы, школы-интерната, Дома культуры механического завода.

Украшением города обещает стать Дворец культуры. Строительство его еще не завершено, но калачинцы объясняют, какой портик с колоннами будет у парадного входа, какой орнамент украсит его стены, какие залы (зрительный — он вместит пятьсот человек; читальный, фойе, комната отдыха) будут здесь.

Пока эти новые дома — отдельные островки, но они уже намечают «лицо» будущего Калачинска, который вырастет за семилетку.

На одно лишь жилищное строительство калачинскому коммунальному отделению отпускается в нынешнем семилетии около 7 миллионов рублей. Появляются жилые дома с паровым отоплением, водопроводом — со всеми удобствами.

За это время город обогатится широкоэкранным кинотеатром, новыми зданиями — библиотеки, детских садов, школ, большими двухэтажными универмагами, книжным магазином, павильоном бытового обслуживания, летним эстрадным театром.

В Калачинске 68 улиц. С юга на север прорезает весь город Советская улица. Она, как большая река, вбирает в себя притоки — боковые магистрали. Эту улицу архитекторы называют главной композиционной осью города. В плане реконструкции Калачинска намечено превратить ее в основную магистраль. В нынешнем семилетии она будет застроена двух- и трехэтажными домами.

Новые здания гостиницы, райкома партии уже положили этому начало.

Пока Калачинск не имеет сложившегося общественного центра, какие обычно бывают в городах. По плану реконструкции такой центр будет создан на пересечении улиц Советской и Кирова. Тут раскинется большая площадь с монументальным зданием Дома Советов.

С запада на восток протянулась через весь Калачинск Театральная улица. По воспоминаниям старожилов, на этой улице некогда стоял небольшой деревянный клуб. Тут время от времени ставили спектакли калачинские театралы-любители. Так в городе, никогда не имевшем театра, появилась Театральная улица.

Эта улица — вторая композиционная ось Калачинска. Она тоже прорезает Советскую улицу и сбегает к озеру Калач.

На озере есть остров: здесь разбит Парк культуры и отдыха. Осенью 1956 года калачинцы посадили на острове 25 тысяч саженцев — клен, березу, акацию, тополь.

В парке будут выстроены летний театр, стадион, спортивные площадки.

Легкий, обрамленный резной аркой нарядный мост соединит остров с Театральной улицей. Этот мост будет как бы парадным входом в парк.

И в этой же части города, рядом со старым деревянным мостом через Омь, будет переброшен новый железобетонный. Он примет широкое полотно калачинской автострады.

На берегу Оми, близ моста, калачинцы уже устроили лодочную пристань, пляж с неизменными «грибками», «раздевалками», киосками, скамьями.

Этот пляж стал любимым местом отдыха горожан.

В былые времена Калачинск стоял в кольце березовых рощ. Теперь тут почти ничего не осталось от лесных богатств. Только на северо-западе, у озера Черненького, сохранился небольшой березовый колос.

Не так давно город выглядел летом совсем оголенным: ни кустика, ни деревца не было на его улицах.

Но за последнее время калачинцы взялись за озеленение своего города. Весной 1958 года они высадили 60 тысяч деревьев, кустарников — целый лес. А первая весна семилетки отмечена тут еще большим размахом зе-

ленного строительства. Калачинцы высадили на улицах своего города 70 тысяч деревьев и полтора миллиона цветов.

Разве не прекрасная статистика для города?

В Калачинске есть скверы, городской сад, на острове поднимается Парк культуры и отдыха.

Еще деревца не успели разветвиться, образовать тенистые аллеи, но они уже, как говорят садоводы, укоренились, пошли в рост. Недалеко то время, когда город будет утопать в зелени садов. Хорошее начало уже есть, почин сделан. Калачинцы увлеклись зеленым строительством, они уже называют свой город городом-садом, видят его в зеленом кольце.

В этом стремлении одеть в зеленый наряд не только свой дом, свою усадьбу, а весь город — одна из чудесных примет нашего времени, характерных штрихов нашего советского градостроительства.

К концу семилетия экономический и культурный центр на востоке Омской области Калачинск станет одним из красивейших и зеленых городов.

На левом берегу Иртыша, близ устья небольшой извилистой речушки Аркарки, раскинулся город Тара. Здесь, у Тары, начинается подтаежная полоса Прииртышья. Неоглядные степи сменяются урманам, черноземами — дерново-подзолистыми и серыми лесными почвами. Береза, осина тут соседствуют с сосной, елью. Местами на увалах поднимаются стены густо пахнущих смолой пихтачей, местами синеют округлые шапки кряжистых великанов-кедров.

Тут колхозные поля перемежаются с лесами. Лен — такая же ведущая культура, как и пшеница, рожь. В колхозах рядом с животноводческими фермами можно увидеть вольеры звероферм, где выращиваются песцы, чернобурые лисы. Тут охотничий промысел — отрасль колхозного производства.

Это — север нашей области. Географы называют его Тарским Прииртышьем.

Тара — один из старейших городов Сибири. С ней связаны первые страницы освоения русскими людьми богатейших, обширных земель среднего Прииртышья.

Этот город был основан в конце XVI столетия — в 1594 году. Его первыми строителями были русские ратники, прибывшие на судах по Иртышу с воеводой Андреем Елецким.

Еще сгружались с дощаников и стругов пищали, ядра, хлебные, соляные и иные припасы, а плотники уже взялись за работу.

На месте будущих башен поставили кресты из сосны. Окрестным татарам было заказано «лес ронить и привозить под город».

На берегу сибирской реки быстро вырастал высокий крепостной тын, весь в шуршащей красноватой шелухе коры и янтарных нитях живицы, островерхие башни, золотистые срубы изб.

Заправлял всеми плотничьими делами пермяк Никита Сирота. Он умел не только ладный сруб поставить, но и «резь всякую деревянную резать», — как писал о нем подъячий Крянка, называя его «деревянного резного дела мастером».

Никита Сирота украсил Тару первой резьбой. Искусство Сироты передавалось из поколения в поколение. И тарские резчики славились далеко за пределами города.

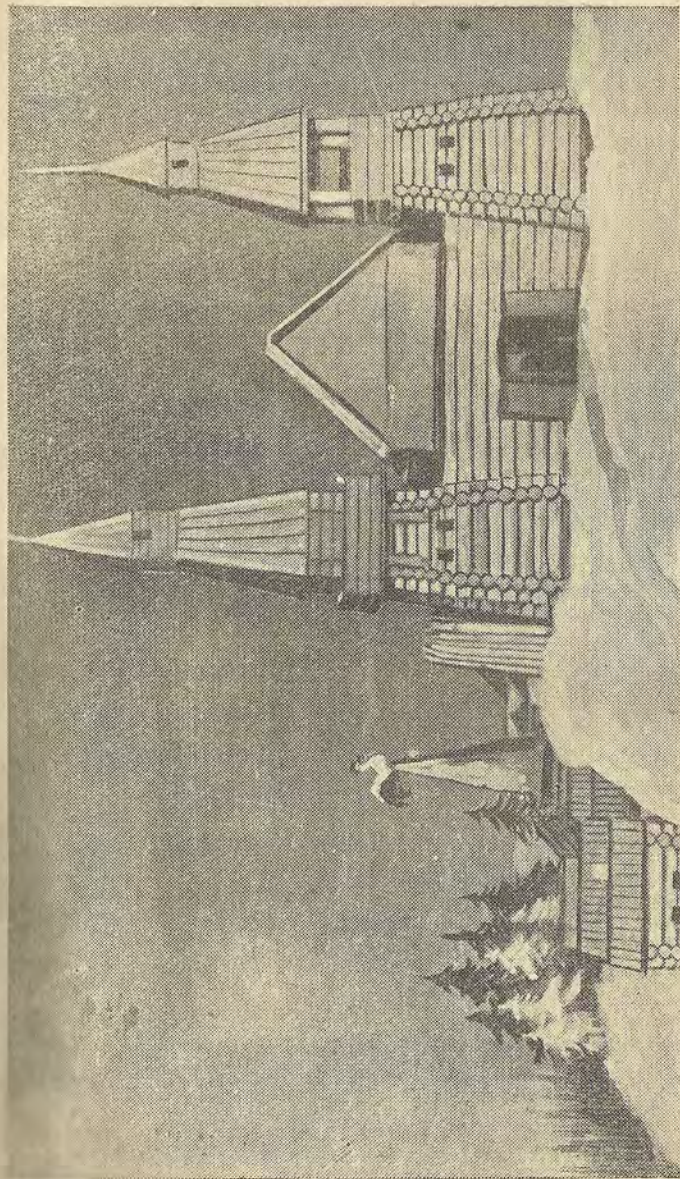
В «Обозрении столбцов книг Сибирского приказа» есть описание деревни Тары, сделанное письменным головой Василием Тырковым в 1624 году.

Город делился на две части — внутреннюю крепость и окружавший ее острог. Острог был опоясан высоким тыном в 500 саженой окружностью. За тыном высились шесть башен — две глухие и четыре с проезжими воротами. На верхних площадках двух башен поблескивали медные пушки, доставленные в Тару из Москвы, на остальных вытягивали свои темные длинные дула «огнедышащие» пищали. Днем и ночью несли здесь дозор тарские ратники.

Посреди острога находилась крепость. Между городнями крепостной стены высились пять башен. Была в крепости еще одна передвижная башня-раскат о восьми углах, а на ней медная пушка. На случай осады города башню эту должны были подкатывать в наиболее угрожаемые места.

В крепости отстроили съезжую избу, где творили суд и расправу воевода и письменный голова и скрипел пером подъячий Иван Крянка, присланный из посольского разрядного приказа «государевы всякие дела писать».

За съезжей избой стоял тюремный двор, зеленные (пороховые) погреба.

Макет древней Тарской крепости.

В «Чертежной книге Сибири» Семена Ремезова есть и чертеж града Тарского — первое подробное географическое изображение Тары.

На этом чертеже ясно обозначены обе части города: крепость и острог.

Сибирский историк и художник Ремезов изобразил крепостные и острожные стены, башни, церкви, часовни, дворы старой Тары.

Тара была пограничной крепостью, оплотом южных владений в Сибири. Выше по Иртышу лежали немирные «волости», подвластные татарскому хану Кучуму.

Тринадцать лет прошло с тех пор, как Ермак Тимофеевич со своей дружиной, испытав в пути тяготы великие, перешагнул Камень Уральский. Под напором горстки отважных русских землепроходцев пала столица сибирского царства — Искер, а сам хан Кучум, как повествует летопись, «взяща себе мало нечто от сокровищ своих, вдашася невозвратному бегству».

Десятки остяцких, вогульских, татарских улусов, юрт пришли «под руку Москвы», и многие малые народности Сибири уже именovali себя «государевыми людьми», а хан Кучум все еще не сложил оружия.

Откочевав на юг, вверх по Иртышу, он продолжал тревожить набегами русские владения. Кучумовы всадники врывались в мирные селения, жгли дома, грабили добро, убивали мужчин, уводили на арканах женщин и детей, угоняли скот. И «блюдясь войны от Кучума», многие волости платили двойной ясаk — половину на государя, а другую половину — хану.

Война с Кучумом и его многочисленными князьками — сыновьями, внуками, правнуками (в народе их называли «кучумовичами») не была закончена.

Особенно жестоко Кучум расправлялся с татарами, которые пошли «под руку Москвы». А таких было немало. Уж очень тяжек был ханский гнет. И народы Сибири поддерживали русских в их борьбе с Кучумом.

Из Тары русские служилые люди ходили по Иртышу «проведывать новые земли», отсюда не раз выступали в походы против мятежного хана, грабившего, разорявшего край.

Весной 1598 года из Тары выступила большая рать. Были тут тарские и тобольские стрельцы, тюменские казаки, туринские татары.

Шли, как и раньше, вверх по Иртышу, в Барабинские степи.

Четыре месяца пробыли ратники в походе. И где-то за озером Чат настигли Кучума. Целый день длилась лютая сеча. Кучумова конница была разбита, хан бежал, оставив своих жен, детей, табуны.

Так маленькая Тара завершила дело, начатое отважным русским землепроходцем Ермаком Тимофеевичем.

Но на этом не закончились ратные дела Тары. Тарским ратникам еще не раз приходилось меряться силой с врагами.

В начале XVII столетия из далеких китайских пределов в Сибирь вторглись полчища джунгар. И снова тарским ратникам пришлось встать на защиту русских и татарских селений Прииртышья.

В 1634 году джунгарские тайши (князьки) двинулись «воевать Тару». Уж очень мешал им этот притаившийся в урмане русский городок. Любой ценой хотели они разорить его.

Многочисленная джунгарская конница осадила Тару.

Эта осада образно описана в старинной повести.

Летописец повествует, как «погании приидоша до стен градских в вооруженном одеянии светящейся и глаголиху гражданам: Разорите град и очистите место: мы хотим кочевати, zde се земля наша есть».

Но тарские граждане города своего разорять не захотели. А когда настала ночь, тарские ратники сделали вылазку и разбили врага.

Но через месяц джунгары опять появились у городских стен.

Тарчане, получившие к этому времени подкрепление из Тобольска, вышли навстречу врагу. В десяти верстах от Тары, на реке Ибейке, произошел этот последний и едва ли не самый крупный в военной истории Тары бой. Тарские ратники разбили джунгар, освободили пленников.

Москва была довольна Тарой. Маленький прииртышский городок-крепость вполне себя оправдал. На протяжении всего XVII столетия он служил «неодолимой твердыней для всяких бывших кучумовых гнусников», — говорится в «Истории государства Российского» Карамзина.

Тарские служилые люди не только отражали набеги кочевников, но ходили в дальние походы — осваивали новые земли для России.

Они заложили вокруг Тары первые пашни, приобщили местное татарское население к земледелию, к русской культуре.

Пашенных людей посылали в Сибирь «по указу», в принудительном порядке и «по прибору» через бирючей, выкликавших по селам и городам «охочих ехать в сибирские земли на государеву пашню».

Окольными дорогами отправлялись в Сибирь самовольные переселенцы — крестьяне, бежавшие из боярских и монастырских вотчин.

За пользование землей крестьянин отработывал в государеву казну две с половиной десятины в поле («десятинную пашню») или же сдавал часть своего урожая с хлебного поля, сенных укосов и всяких изделий.

При взимании податей устанавливалась круговая порука. Пашенный крестьянин платил налоги не только за себя и свою семью, но и за всех умерших и беглых, которые получили «государеву подмогу и скрылись безвестно куда».

Но особенно тяжким бременем были так называемые «государевы разные изделия».

Пашенные люди должны были «лес ронить и возить, разные городовые строения ставить, солода растить, лыки драть, веники делать, хмель собирать, муку молоть».

Нужно ли было поставить в городе гостиный двор, амбар, житницу, подремонтировать острожную стену, выкликались пашенные люди.

Десятки таких больших и малых «государевых изделий» отрывали пахаря от полосы зачастую в разгар страды.

Все это приводило к «всеконечному разорению», голоду, нищете.

И хоть тяжка была доля пашенных людей, но земледелие в крае развивалось.

По примеру русских заводили пашни татары, бухарцы, казахи, зыряне, населявшие эти места.

Тара стояла на большом торговом пути: через нее проходили водные и караванные дороги, связывавшие Сибирь с востоком — с Бухарским ханством, Китаем, Монголией.

Несколько раз в году за острожной стеной собирались шумные торги. Торговали разными товарами, шитыми изделиями, скобяным товаром, посудой, рыбой, кожами, мягкой рухлядью — беличьими, лисьими, бобрвыми, горностаевыми мехами. Особенно славилась Тара горностаями. Они в изобилии водились в окрестностях, и приезжие купцы скупали их за гроши. Недаром позднее на гербе города был изображен горноста́й, бегущий по зеленому полю.

Татары и казахи пригоняли сюда табуны разномастных степных лошадей, овечьи отары, пестрых приземистых коровенок-сибирок, а иной раз заодно со скотом «в разбое похищенных женок, девок, детишек».

С северных окраин тарского воеводства приходили таежные охотники со связками звериных шкур. Рыбаки с Васюганья привозили истекающих жиром нельм, осетров, шокуров.

Приезжали в Тару и торговые гости из Средней Азии. Бухарские купцы пользовались особыми льготами. Им был разрешен свободный доступ, беспошлинный торг «в посаде или за посадом, где будет пригоже».

Тара вела большой торг.

Вместе с торговыми караванами на каюках, если эти караваны плыли по реке, или в крытых коврами повозках, если шли они степными дорогами, приезжали в Тару важные гости — послы из сопредельных восточных стран.

Принимала у себя Тара послов из Бухары, Китая, Шеврана.

Когда отошли бои с Кучумом и джунгарскими тайшами и далеко на юг отодвинулась русская граница в Сибирь, близ устья тихой Оми возник новый город-крепость Омск, Тара потеряла свое стратегическое и торговое значение, захирела, стала захолустным городком.

К югу через Тюкалу—Каинск, в обход Тары, отклонился и большой торговый Московско-Сибирский тракт. Правда, тарские купцы торговали хлебом, пушниной, рыбой, отправляли масло в Екатеринбург, кожи — в Ирбит.

Три раза в году на большой торговой площади в городе собирались ярмарки. Но это был уже не тот торг, какой знала Тара в XVII столетии.

Академик Фальк, посетивший Тару в 1763 году, в своих «Записках путешествия» отметил, что в городе живет 640 купцов, 1178 душ государственных крестьян, 39 дворовых и 129 ремесленников-кузнецов, медников, кожевников, сыромятников, плотников, столяров, мыловаров, портных, сапожников.

Как и в других местах, купцы держали тут в кабале всю округу, нещадно эксплуатировали трудовое население — ремесленников, крестьян, рыбаков, охотников-звероловов.

Купцы неохотно вкладывали свои капиталы в промышленность. Они предпочитали скупать по дешевке и потом сбывать втридорога хлеб, рыбу, пшеницу, продавать местному населению с высокой наценкой товары, привезенные из центра, заниматься ростовщичеством.

Медленно развивалась промышленность, вяло рос город и в последующие годы. Сказывалась отдаленность от торгового пути и крупных промышленных центров.

Из статистического обзора за 1870 год видно, что в Таре были винокуренный завод, 4 кожевенных, 2 салотопни и кирпичный.

На 4 кожевенных заводах работали 19 рабочих, на мыловаренном — 2 рабочих, на кирпичном — 3, на самом большом тарском заводе — винокуренном было 60 человек.

Рабочие на этих предприятиях занимались по вольному найму, но работали «по каторжному положению» — от зари до зари (с 4 утра до 10 вечера). Зарабатывали же по 15—20 копеек в день.

Даже авторы официальных обзоров отмечали, что «мастеровые тут едва сыскивали себе на пропитание и влачили нищенское существование».

Проведение Сибирской железной дороги внесло много перемен в жизнь края. Но Тара осталась далеко в стороне от железнодорожной магистрали, и это не могло не сказаться на развитии экономики города.

«В прежнее время Тара считалась одним из богатых городов Тобольской губернии. Теперь же сравнительно с городами, расположенными по железнодорожной линии, значение ее пало», — отмечается в «России — полном географическом описании нашего отечества», изданном в 1903 году.

В этой же книге приводятся такие данные: заводов в городе — 4 (винокуренный с оборотом в 100 тысяч рублей и 3 кожевенных, оборот которых равняется 50 тысячам рублей).

Кроме того, в Таре работает несколько маслоделен, кузниц. Далее сообщается, что на самом крупном тарском предприятии — винокуренном заводе Щербакова — рабочие получают поденную оплату по 35—40 копеек в день. «Никаких учреждений в пользу рабочих при заводе нет».

В «Обзорах Тобольской губернии» по Таре из года в год повторяются почти одни и те же цифры.

Царское правительство не было заинтересовано в развитии экономики в отдаленных районах Сибири. Для русских капиталистов и иноземных предпринимателей, хлынувших в Зауралье после проведения железной дороги, Сибирь была лишь источником дешевого сырья и обширным рынком сбыта.

Правда, в 900-х годах в волостях Тарского уезда, как и во всей Западной Сибири, стала развиваться маслодельная промышленность. В 1905 году тарские маслозаводы выработали продукции на 929 496 рублей.

Владельцами этих маслозаводов, или, как их прозвали в народе, «молоканок», были в большинстве своем предприимчивые иностранцы — датчане, немцы: Поллизен, Эйсмонт, Беккер, Раунберг, — ловко орудовавшие в удаленном от железнодорожной магистрали уезде.

К началу первой мировой войны в Таре насчитывалось всего 6 предприятий.

Заработная плата рабочих, несмотря на рост цен на рынке, оставалась той же — 35—40 копеек в день.

Зато расширилось и росло в Таре питейное дело. В 1914 году в городе насчитывалось уже 35 питейных заведений.

На народное образование в том же 1914 году было израсходовано 3 866 рублей; 87 процентов населения в уезде было неграмотно.

Вместе с тем, Тара была единственным торговым и для своего времени культурным центром обширного подтаежного района Прииртышья. Она снабжала окрестное население промышленными товарами, направляла продукты местного изделия по торговым каналам Сибири и России.

Не только водка, но ружье и порох, топор и пила, коса и плуг и даже букварь, а порой и томик Пушкина, Некрасова попадали в глухие урманые деревушки через Тару.

Царское правительство превратило Тару, почти с первых лет ее существования, в место ссылки и каторги.

Первыми ссыльными были крестьяне, мастеровые, провинившиеся стрельцы, посадские люди, полоненные в войнах литовцы, поляки.

В царских грамотах XVII столетия о ссыльных, направленных в Сибирь «за разные вины», часто упоминается город Тарский как место для поселения опасных людей, колодников.

Поселяемые в Тарском уезде ссыльные образовали целые села. Таковы например, Могильно-Посельское, Копьево, Баженово, Резинская и другие.

На обрывистом правом берегу Иртыша, в 12 километрах от Тары, расположено село Екатерининское.

Екатерининская дача — чудеснейший, едва ли не самый живописный уголок Тарского района. Зеленым кольцом охватили Екатерининскую дачу сосны, ели, раскидистые кедры, нежные березы и осины. Под их пологом пышно раскинулись заросли узорчатых папоротников, черемухи, шиповника.

За околицей села протекает извилистая рыбная речка Абросимовка с берегами, обильно поросшими малиной, черной и красной смородиной и другой лесной ягодой.

И вот в этом чудесном уголке в XVIII веке был построен большой винокурный завод. По всей Тобольской губернии, на тысячу верст кругом, расходились пенник, спирт и полугар екатерининского завода. А выкуривал он до двухсот тысяч ведер в год.

Работали на заводе исключительно каторжане. Триста человек отбывало каторгу на екатерининской винокульне. И был для них зеленый лесной рай Екатерининской дачи сущим адом.

На заводе отбывала каторгу группа поляков, осужденных за участие в польском восстании 1831 года, пестрашевец Ястрежимский, высланный в Сибирь вместе с писателем Достоевским.

Тут же отбывал свой каторжный срок польский постанец Руфим Пиотровский, наделавший много шума

своим побегом из Тары в Париж. Позднее он описал этот побег в книге «История Сибирского изгнания».

В 1850 году на Екатерининскую каторгу был доставлен доктор Файнберг. Русский подданный, доктор филологии Файнберг принимал участие в германской революции 1848 года и был выдан пруссаками царскому правительству. Несколько лет тянул доктор каторжную лямку в Екатерининском и кончил тем, что сошел с ума.

Много трагических страниц в истории Екатерининской каторги. Много человеческих жизней было изуродовано и загублено на этой красивой лесной даче под Тарой.

Много передовых, лучших людей своего времени, борцов за счастье народа прошло и по этапному тарскому тракту.

В 1791 году был проездом в Таре и остановился на постоялом дворе «бунтовщик хуже Пугачева» — писатель Александр Радищев, приговоренный «за склонение к возмущению крестьян противу помещиков» к смертной казни, замененной затем ссылкой в Илимский острог.

«Какая богатая страна эта Сибирь, какой мощный край! Понадобится еще столетие, но когда со временем она будет заселена, то сыграет великую роль в анналах мира», — писал Радищев из своего сибирского заточения.

На обратном пути в Россию Радищев снова остановился в Таре и прожил там 12 дней (с 14 по 26 марта 1796 года).

В 1826 году по этапному тарскому тракту проехали декабристы. Тарский полицмейстер Степанов, старый боевой офицер времен Отечественной войны 1812 года, с почетом встретил «государственных преступников» в своем городе. За это гостеприимство старику пришлось потом долго расплачиваться. Губернатор привлек Степанова к ответу.

А за околицей города, на большой дороге, по старой сибирской традиции, осужденных поджидал простой люд. Долгие часы простаивали тарчане на тракте, ожидая проезда каторжных, чтобы подать им «милостыню». Были в этой милостыне и теплые шерстяные носки и варежки, и пышные сибирские шанежки.

Группа декабристов отбывала ссылку в самой Таре. Один из них — Владимир Иванович Штейнгель, видный

деятель «Северного Союза», автор известных очерков «Сибирские сатрапы» и «Записок».

Восемь лет прожил Штейнгель в Таре и только в 1851 году, уже совсем глубоким стариком, был переведен в Тобольск.

Декабрист Флегонт Миронович Башмаков, бывший полковник артиллерии, еще до восстания был разжалован в рядовые, а за участие в мятеже 1825 года сослан на вечное поселение в Сибирь. Башмакова определили на жительство в Рыбинскую волость, Тарского уезда, но «по неспособности к занятиям земледелием и вообще к труду и по преклонному возрасту» перевели в Тару.

Волею шефа жандармов не минули Тары и последующие за декабристами поколения борцов против самодержавия.

В 70—80-х годах тут отбывала ссылку большая группа революционеров-разночинцев.

Политические ссыльные создавали в Таре товарищества, мастерские: сапожные, столярные, переплетные, слесарные.

Широкою известностью среди политссыльных всей Западной Сибири пользовалась тарская коммуна, основанная в начале 80-х годов учительницей-полтавчанкой Комаровской. В эту коммуны входили политссыльные В. Перовский*, одесский рабочий-машинист О. Николаев и другие.

Тарчане с большим сочувствием относились к «коммунам», как прозвали в народе политссыльных, приходили к ним за советами, брали семена для разведения новых овощных культур, учились ухаживать за этими растениями.

На пороге XX столетия в Тарскую ссылку начинают прибывать члены социал-демократической организации, а вслед за ними и рабочие, высланные в Сибирь за участие в забастовках. Такими ссыльными рабочими в Таре был столяр Левицкий, ткач Манюков из Орехово-Зуева, портной Соколов из города Сапожки, Рязанской губернии.

Из большевиков в Тарской ссылке, по воспоминаниям тарского старожилы Ф. Пушкарева, побывали Куп-

* Брат Софьи Перовской, казненной за участие в убийстве Александра II.

рич, слесарь Кромин, расстрелянные колчаковцами в 1918 году, солдат Нетеси, Антон Валек, ставший в годы гражданской войны одним из руководителей Сибирского большевистского подполья и замученный в колчаковском застенке.

В годы первой революции Тара была одним из центров политической ссылки в Западной Сибири. Достаточно сказать, что в 1906 году в Таре насчитывалось 2300 ссыльных. Всего же было жителей 7600 человек.

В городе работало нелегальное центральное бюро политссыльных.

Политические ссыльные оказали большое влияние на развитие революционного движения в уезде.

1905 год ознаменовался в Таре первыми революционными выступлениями — демонстрациями, массовыми митингами.

Организаторами и руководителями этих выступлений были, по воспоминаниям тарских старожилы, политические ссыльные, рабочие-большевики, высланные в Тару из Перми, Иванова, Твери.

Они вели пропагандистскую работу среди рабочих местных предприятий, служащих, учащейся молодежи, создали первый социал-демократический кружок. Этот кружок был связан с Омским комитетом РСДРП, где в то время работал В. В. Куйбышев. Из Омска в Тару доставлялась политическая литература, прокламации, листовки, напечатанные в подпольной типографии Омского комитета РСДРП.

День Первого мая 1905 года был отмечен в Таре большой городской маевкой.

В дни всеобщей политической стачки, в октябре 1905 года, в Таре была проведена большая демонстрация.

Участниками этой демонстрации были рабочие винокуренного завода Щербакова, кожевенных, мыловаренных, маслодельных предприятий, служащие, приказчики и ученики старших классов городского училища.

После короткого митинга у здания клуба приказчиков демонстранты прошли по городу с пением революционных песен и призывали: «Долой самодержавие!».

Тарский исправник выслал «на усмирение» демонстрантов отряд конной полиции и подразделение солдат местной команды.

Спустя несколько дней, на винокуренном заводе была объявлена забастовка.

В городе распростиались революционные прокламации, листовки. Их рассылали по почте, разбрасывали, расклеивали на стенах домов, в мастерских, магазинах.

Революционная борьба всколыхнула и сибирскую деревню. В волостях Тарского уезда вспыхнули аграрные волнения. Крестьяне захватывали казенные деланки, рубили лес, отказывались платить налоги и штрафы, требовали смещения так называемых крестьянских начальников (чиновников, преимущественно из дворян, ведавших крестьянскими делами).

Большое влияние на крестьян оказывали политические ссыльные, жившие в селах уезда.

В селе Самсоново, Тарского уезда, под влиянием политссыльных крестьянский сход постановил: «Изменить существующий режим», т. е. свергнуть самодержавие. В этом селе была арестована и предана суду группа крестьян.

В июле—августе 1906 года аграрные волнения охватили почти весь Тарский уезд. Тарская администрация уже не справлялась «силами полицейского участка» и просила помощи у военных властей.

Весть о великих событиях Октября 1917 года дошла в Тару в конце ноября. На помощь тарским большевикам была прислана из Омска группа коммунистов.

9 марта 1918 года в городе открылся уездный съезд Советов. На этом съезде эсеры и меньшевики потерпели полное поражение.

«Вся власть как в городе, так и на местах должна принадлежать Советам крестьянских, рабочих и солдатских депутатов», — говорилось в решении этого съезда.

В годы гражданской войны, когда Омск захватил ставленник англо-американских интервентов Колчак, Тарский уезд стал одним из центров партизанского движения в Западной Сибири.

Тара — город партизанской славы.

Молва о тарских партизанах шла по всей Сибири. Это о их подвигах народ сложил легенды, песни.

Имя командира тарских партизан Артема Избышева вошло в историю героической борьбы сибиряков с врагами революции.

Простой крестьянский парень, солдат-фронтовик, он стал во главе большого народного войска.

Поначалу в отряде Избышева было пятнадцать человек. Вместе с Избышевым ушли в урман его товарищи, такие же солдаты-фронтовики: Сергей Абрамов, Петр Литвинов, братья Дубко.

Прошел месяц-другой, и из окрестных прииртышских деревень потянулись потайными урманскими тропами в партизанский стан на берегу Уя люди. И уже не отряд, а целое соединение, состоящее из многих отрядов, выступило против колчаковцев.

Целыми деревнями уходили в урман, становились партизанами, и колчаковская администрация не решалась туда заглядывать.

Уже партизаны вступали в открытые бои с отборными колчаковскими частями, сами завязывали сражения, уничтожали карательные отряды, посланные для расправы в мятежные урманские деревни, освобождали пленных.

Официально Тарским уездом управляли колчаковцы. Но была тут и другая власть. Эта власть пользовалась уважением и любовью народа, ее приказы неукоснительно выполнялись. Для этой власти всегда находились у крестьян и хлеб, и мясо, и добрые лошади. Всем готов был поделиться трудовой люд с партизанами. И партизаны сильны были этой народной поддержкой.

Тарская колчаковская администрация требовала у верховной ставки правительственных войск. Она сообщала, что в тарских урманах действует целая партизанская дивизия, называла села, занятые партизанскими отрядами, предупреждала, что партизаны угрожают Тевризю, Таре и могут двинуться в обход на Омск.

В селе Ново-Михайловском партизаны создали бондарную мастерскую. Бондари этой мастерской не только мастерили и чинили кадки и лохани для новомихайловских хозяек, но и занимались ремонтом оружия для партизан. Тут реставрировались старые охотничьи ружья, винтовки, револьверы, собранные партизанами в окрестных деревнях, проводились подпольные партизанские сборы, отсюда несли свое пламенное слово в народ большевистские агитаторы.

Партизанам помогли омские большевики. В Тарский урман был послан из Омска комиссар — токарь желез-

нодорожных мастерских, коммунист Григорий Федосевич Захаренко.

В дальнюю таежную деревню Сухимки, где была одна из подпольных квартир партизан, из Омска шли письма, листовки, литература. Специальные «нарочные» доставляли сюда посылки с оружием, медикаментами.

Первого мая 1919 года партизаны вышли на демонстрацию. Это было в селе Сухимки. Накануне тут у партизана Семена Хвоща был большой партизанский сбор. Комиссар Григорий Захаренко назвал его конференцией.

На конференцию съехались делегаты из таежных деревень — Михайловки, Унар, Кейзесса, Рогозино — со всего урмана: колчаковцы объявили мобилизацию в свою армию, и партизаны готовились дать отпор. Все мужики поднялись. Вот на этой конференции и решили провести первомайскую демонстрацию.

— А что ж, — сказал Захаренко, — будем пролетарский праздник у себя отмечать. В Омске еще в 1905 году рабочие Первое мая праздновали...

Женщины собрали, какие у кого были, красные платки, шали. Партизаны прибили эти полотна к древкам, вздели на копыя. Избышев, Захаренко, Абрамов подняли знамена.

Избышев, вставший во главе колонны, затынул: «Смело, товарищи, в ногу...» Голос у него был густой, сильный. Песню подхватили, подняли, понесли по рядам. И разом Сухимки ожили. В избах настужь раскрывались окна, двери, ворота. Все село высыпало на улицу.

Женщины, старики, ребятишки — и стар и мал — все пристраивались к колонне, размахивали красными флажками, лентами.

Так, со знаменами, с песнями дошли до конца, прямо к реке Ую.

Представьте замшелое урманное село. Глухомань. Тишь. Крикнешь у себя на огороде — и по урману эхо пройдет.

И вдруг... целая колонна людей. Знамена. И незнакомая, неразученная еще песня: «Смело, товарищи, в ногу...»

На берегу Уя партизаны дали залп из ружей — салют празднику, пролетарскому Первомаю.

Так прошла первая партизанская первомайская демонстрация.

А через несколько дней началось... Кулаки донесли колчаковцам, в Сухимки пришли каратели. Пороли женщин, детей, стариков — допытывали, куда ушел Избышев, где партизанский стан. Но никто не выдал партизан.

В июле 1919 года партизаны вышли из урмана и начали открытое наступление. Тринадцать дней шли тяжелые бои с отборными колчаковскими частями, вооруженными американскими винтовками, английскими пулеметами. И все-таки партизанские отряды взяли села Кейзесс, Ново-Михайловку, Рогозино, Унары, разгромили большой карательный отряд под Сухимками.

Управуездом Барановский срочно вызвал воинские части из Омска. И вот колчаковцы начали свое наступление. Командовал карателями сам полковник Франко (бестия из бестий, вся Тара проклинала его).

27 июля партизанская разведка донесла, что Франко движется к Унарскому мосту, перекинутому через Уй.

Избышеву показалось, что разведчики чего-то напутали в направлениях, и он сам решил пробраться в Седельниково и там все разузнать, как следует. Он частенько сам ходил в разведку. Комиссар ругал его за это, но Избышева переспорить было трудно — раз решил, уж обязательно сделает. Так и в Седельниково пошел. А вслед за ним, по пятам, каратели ворвались. Видно, кто-то выследил Артема и донес, потому что колчаковцы сразу кинулись к избе, где находился Избышев, и окружили ее.

— Сдавайся — помилуем. Адмирал умеет прощать, — сказал ему офицер.

В ответ Избышев разрядил винтовку. А глаз и рука у него были верные — охотник-бельчатник.

Рассвирепевший офицер приказал открыть шквальный огонь. Пули изрешетили всю дверь.

Избышев стрелял редко, но уже когда прицелится, то верно. Рассказывают, будто пятнадцать карателей уложил.

Его ранили в плечо, перешибли руку, а он все продолжал отстреливаться. Последний патрон израсходовал на себя — не хотел живым сдаваться. Так и погиб с оружием в руках.

Рассказывают, что перед гибелью он крикнул: «И все-таки народ одолеет вас».

Все урманские села восстали тогда. Колчаковцы дальше Тары носа показывать не смели.

Об Избышеве и его партизанах складывались легенды. Говорили, что Избышев обладает сверхчеловеческой силой, что в тарском урмане оперирует целая партизанская дивизия и есть у партизан крупнокалиберная пушка. На деле пушка была обыкновенной водосточной трубой, которую однажды в шутку поставили на телегу партизаны и так напугали карателей, что те поспешно бежали из деревни. И дивизии не было у партизан. В одном не ошиблись враги. Не ошиблись они, наделяя Избышева и его товарищей непомерной силой. Сила эта была вполне человеческой, но — неиссякаемой, непреклонной силой борцов, уверенных в правоте своего дела, силой, которой вооружает своих сынов народ.

...16 ноября 1919 года красноармейские части при активной поддержке партизан изгнали колчаковцев из Тары.

В Таре навсегда установилась Советская власть.

Три с половиной века существует Тара.

Походы, сражения, осады, восстания — все это было здесь...

Но памятников старины в городе не осталось. Деревянная Тара часто горела. Только затейливая «облая» резьба на карнизах и наличниках некоторых домов напоминает об искусстве старинных тарских умельцев — резчиков, переданном потомкам.

А вот новых домов тут много. Как и в других наших городах, в удаленной от железных дорог Таре почти на каждой улице, каждом квартале можно увидеть строящиеся или недавно отстроенные дома. Эти новые дома выделяются светлой тесовой обшивкой и, кажется, пахнут сосной, лесом. Почти все они в два этажа.

Новые кварталы выросли на улицах Советской, Луговой, Лермонтова, Коммунальной. Новые учебные корпуса отстроены для педагогического училища, областной культпросветшколы. Новое жилое здание получили воспитанники детского дома, в новых домах поселились рабочие промкомбината, литейно-механического завода, пристани.

На углу улиц имени Бебеля и Луначарского — Дом культуры.

Из вестибюля вы попадаете в просторное фойе, зрительный зал. За сценой — костюмерная, гримерная. На втором этаже — читальный зал, комната отдыха, комнаты для работ самодеятельных кружков.

В строительстве Дома культуры принимала участие вся Тара. Сюда, на его строительную площадку, приходили студенты тарского педучилища и медицинской школы, курсанты школы механизации, рабочие леспромхоза, промкомбината, местных промышленных артелей, учителя, агрономы, медицинские работники, электрики и трактористы, комсомольцы из ближних колхозов.

Все тарчане считали своим долгом вложить долю труда в строительство нового очага культуры в городе.

При Доме культуры создан самодеятельный драматический народный театр.

В городе проложен водопровод, строится большая асфальтированная магистраль. Она соединит южную окраину — Калашников мост с северной — пристанью.

С каждым годом все меньше остается от той пыльной, грязной, захолустной Тары, о которой один из местных мемуаристов писал: «Городишко, в котором не живут, а прозябают. Унылый, грязный, пыльный. На улицах ни кустика, ни деревца».

Перемены. Они во всем. Улицы города меняют свой облик не только потому, что на них вырастают новые дома. Улицы города одеваются в зеленый наряд топовых и яблоневых аллей. Город озеленяется. Каждую весну тарчане выходят на улицы своего города с заступами, мотыжками и высаживают тысячи деревьев, кустарников. Это уже стало хорошей традицией. Начала этот «озеленительный поход» в Таре заслуженная учительница Татьяна Матвеевна Куянова. Она первая со своими учениками высадила яблони у школы — целый фруктовый сад.

У молодых деревьев много друзей. Над садами, уже охватившими зеленым кольцом город, шефствуют юные натуралисты, комсомольцы местных предприятий, студенты, учителя.

У памятника Ленину, на площади Карла Маркса, около школы механизации сельского хозяйства, по улицам Свердлова, Советской разбиты тенистые скверы. Большой склон холма, сбегаящий к Советской улице, весь в яблонях. 60 тысяч саженцев высадили тарчане на

улицах в 1958 году. Там, где были пустыри, места свалок, сейчас растут яблоневые сады.

Перемены... Они не только во внешнем облике города. Зайдите в библиотеки, клубы, школы, на предприятия и вы поймете, как многогранна, интересна, богата жизнь небольшого прииртышского города.

...Допоздна горит электрический свет в библиотеке политического просвещения райкома КПСС. В просторном зале по вечерамлюдно и тихо. Стоит хорошая рабочая тишина. Лишь изредка прошелестит перевернутая страница, скрипнет перо. Здесь в светлых, уютных комнатах люди приобщаются к сокровищнице марксизма-ленинизма.

При тарской библиотеке работают лекторий, семинар для самостоятельного изучающих марксизм-ленинизм. Слушатели школы, семинаров — учителя, врачи, агрономы, рабочие, служащие местных предприятий.

Сюда, в партийную библиотеку, по вечерам сходятся лучшие представители тарской общественности.

Здесь подготавливают пропагандистов, руководителей политшкол, кружков, семинаров.

Свыше 3 000 коммунистов и беспартийных изучают в Таре историю партии, практическую экономику, произведения классиков марксизма-ленинизма.

В Таре любят и ценят книгу, каждая хорошая книжная новинка — событие. О ней говорят, спорят, ее обсуждают на многолюдных конференциях.

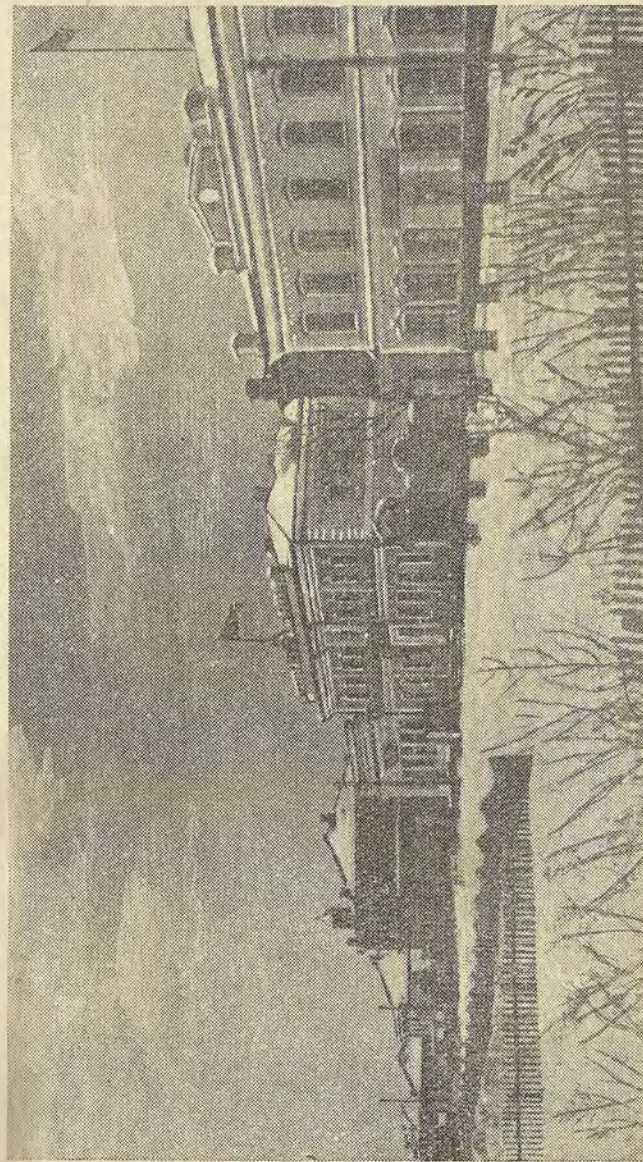
В городе 12 библиотек. По неполным подсчетам, в этих библиотеках больше 100 тысяч книг.

В Тарском районе нет ни одного колхоза, который не имел бы своей библиотеки.

За годы Советской власти Тара выросла в крупный культурный центр севера нашей области.

Тарское педагогическое училище — одно из старейших в Сибири. Оно подготовило в своих стенах тысячи учителей для сельских школ. Питомцы Тарского педучилища учительствуют в районах Омской и Тюменской областей, в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком округах, на Дальнем Востоке, Сахалине.

Целым городком раскинулась на улице имени Свердлова культпросветшкола — учебные корпуса, общежития. Школа имеет свой клуб, обширную библиотеку, кабинет культпросветработы.

Улица Советская в Таре.

Тут учатся будущие культпросветработники районных домов культуры, сельских и колхозных клубов, инструкторы и методисты, массовики.

Они и сейчас тесно связаны с сельскими клубами района, руководят колхозной самодеятельностью.

На берегу Аркарки, среди тенистых тополей, стоит белое каменное здание — одно из лучших в городе. Это — училище механизаторов сельского хозяйства. Его учебные лаборатории, мастерские оснащены новейшей сельскохозяйственной техникой, облегчающей труд людей на полях и животноводческих фермах.

Училище готовит механизаторов широкого профиля — новых специалистов, призванных в корне изменить наше сельскохозяйственное производство.

В Таре есть еще зооветтехникум, фельдшерско-акушерская школа, двенадцать общеобразовательных школ.

В этих школах и техникумах учится около 8 000 школьников и студентов. В дореволюционной Таре было меньше жителей, чем в современной — одних учащихся.

Долгое время в Таре работал районный музей. Его создали тарские любители-краеведы, учителя, ученики. Тут можно было познакомиться с прошлым и настоящим города и края, увидеть и копии царских грамот первому тарскому воеводе Андрею Елецкому, и чертеж града Тарского, сделанный Семеном Ремезовым, и заржавленные кандалы, найденные учениками в окрестностях бывшей Екатерининской дачи, деревянные косули, которыми в старину обрабатывали землю тарчане. Тут хранилось боевое знамя тарских партизан, тут можно было познакомиться с сегодняшним днем Тары, продукцией ее предприятий, увидеть искусно сделанные юными техниками модели машин, работающих на колхозных полях, на животноводческих фермах.

Сюда приходили школьники, студенты, учителя, агрономы, рабочие тарских предприятий, колхозники, приезжавшие из ближних и дальних сел в Тару.

К сожалению, этот интересный, нужный очаг культуры — единственный в районных городах нашей области краеведческий музей — был закрыт областным управлением культуры. И часто можно слышать, как тарские учителя сетуют: «Вот в музее можно было бы наглядно познакомить учеников, показать им...» и т. д.

Да и не только учителя. Вся общественность Тары считает, что краеведческий музей нужно возродить.

Тара — центр крупного сельскохозяйственного и лесопромышленного района.

В статистическо-экономическом паспорте города значится 23 предприятия. Тут выросли металлообрабатывающие, деревообделочные, пищевые, кожевенные, пинокатные, швейные производства, мощный леспромхоз.

Тарский литейно-механический завод имени Чкалова — самое большое металлообрабатывающее предприятие на севере нашей области. За год он выпускает почти на 13 миллионов рублей продукции, снабжает ею Усть-Ишимский, Тевризский, Васисский, Муромцевский, Большееуковский, Большереченский районы.

Далеко за пределами города известна продукция Атакского деревообделочного комбината. Зерноочистительными машинами, веялками, деталями к комбайнам, которые изготовлялись в цехах комбината, пользуются хлеборобы Барабы, Кулунды, Дальнего Востока.

Здесь производятся различные столярные инструменты, запасные части для обозов, пчелиные ульи, транспортеры для животноводческих ферм.

Километрах в двадцати от Тары, на правом берегу Иртыша, стоит деревня Рычапово. Она издавна славилась своими умельцами-судостроителями. Тут мастерили рыбацьи лодки, паузки, баржи. Работали целыми семьями; всю зиму от зари до зари гнули спины рычаповцы, а по весне наезжали в деревню скупщики и за гроши забирали продукцию судостроителей.

Иной раз и расплатиться с долгами не хватало.

В поисках лучшей доли уходили рычаповские умельцы на заработки в Тюмень, Омск, Ново-Николаевск, но и там ее не находили.

Убого, глухо жила затерянная в тарском урмане тарская деревенька.

...Теперь Рычапово — большой заводской поселок с клубом, школой, детским садом, амбулаторией, магазинами.

Первое, что вы увидите, подъезжая к Рычапово по Иртышу, — стапеля с корпусами строящихся судов. За ними высятся трубы лесопильного завода, электростанции, штабеля заготовленного леса.

В судостроительных мастерских мерно шумят станки. Почти все трудоемкие работы тут механизированы.

Рычаповцы ежегодно пополняют новыми судами наш малый речной флот, баржами, лесовозами, паузками, самоходными паромы, понтонами.

Лесовозы, построенные судостроителями Рычапова, транспортируют древесину с усть-ишимских, тевризских рейдов в Омск. Понтоны в Омске на Иртыше, большие самоходные паромы в Таре, Большеречье, Тевризе строились также на рычаповской верфи.

Караваны рабочих паузков также сделаны руками рычаповских умельцев-судостроителей. Сейчас это основная продукция рычаповской судовой верфи. Кроме верфи, рычаповский деревообрабатывающий комбинат имеет цехи щепных изделий, бочарный, пиломатериалов.

От Иртыша до Васюганья тянутся лесоучастки Тарского леспромхоза.

На огромных пространствах раскинулся тут урман — зеленое золото края. Стенами стоят по береговым увалам приточных речек статные сосны. Дремлют рыжеватые ели, опустив до самой земли тяжелые подола своих нижних ветвей. Широко раскинула пушистые лапы пихта. В темную хвою густо вкраплена нежная зелень берез, осин.

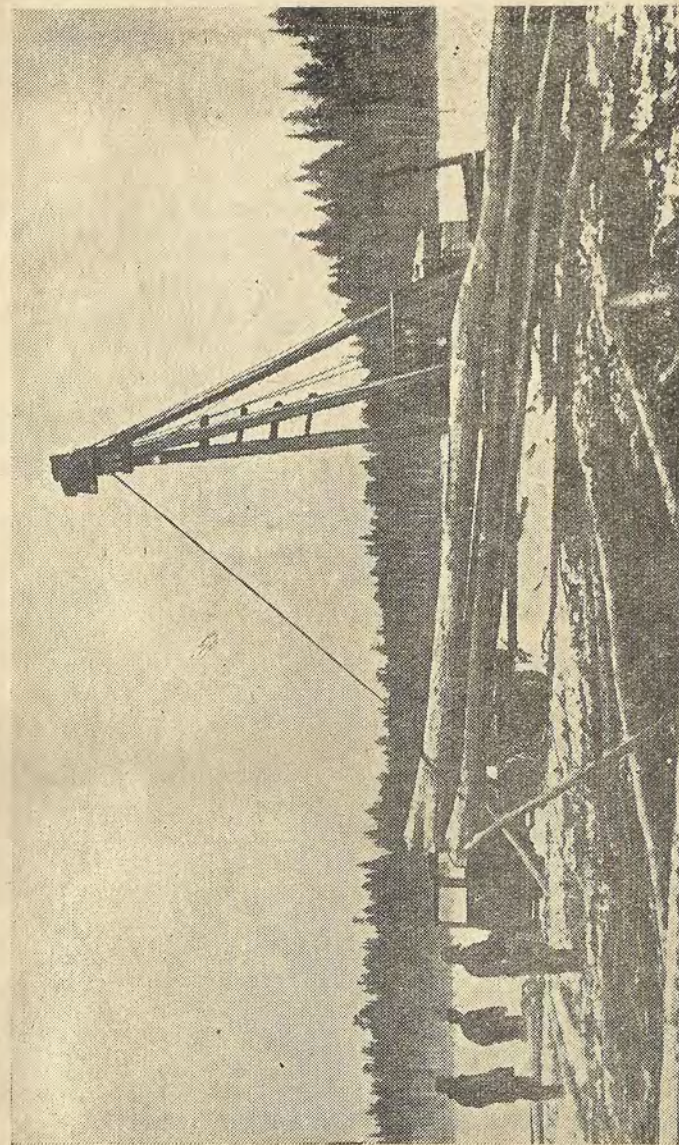
...Тихо в урмане. Местами, кажется, не ступала тут еще нога человека. Не тронуты, не хожены здесь травы, не пуганы птицы и звери.

Даже в самые погожие солнечные дни здесь стоит зеленоватый сумрак. Слово воздух, настоенный на хвое, впитал в себя ее цвет и густой смолистый запах.

Но вот где-то в глубине тонко заныл, запел... нет, не птичий голос — металл... Монотонно зарокотал мотор, завывала сирена автомобиля, пронзительно взвизнул свисток локомотива. Смолистый лесной воздух наполнился шумами завода.

Пойдите на эти шумы, и извилистая урманная тропа приведет к широкому, прямому, как стрела, трелевочному волоку, проложенному машинами.

Машины неизмеримо облегчили труд лесозаготовителей: пятьсот людей выполняли сейчас такой объем работ, который лет десять назад потребовал бы трех тысяч человек. В лесных поселках, как о далеком про-

В Тарском леспромхозе. Погрузка леса на автомашину.

шлом, вспоминают о лесорубе с топориком и ручной поперечной пилой. Молодые мотористы-вальщики только понаслышке знают, как лютой сибирской зимой лесорубы, скинув овчинные полушубки, работали в одних пиджаках, рубашках, «чтобы не застудиться в поту», и все-таки частенько застуживались. Воспаление легких считалось профессиональной болезнью.

Теперь-то и слово лесоруб исчезло из обихода. Лесорубов сменили мотористы-вальщики. Они именуют себя «друзбистами» — это по названию новой высокопроизводительной пилы «Дружба», которую недавно внедрили в леспромхозах.

«Друзбист» прислоняет пилу к стволу, включает мотор и через минуту-другую, поддаваясь силе машины, могучее дерево — лесной великан — никнет долу вершиной, рушится.

Моторист-вальщик сделал свое дело и перешел уже к другому дереву. А вслед за вальщиком по пасеке движутся со своими машинами трелевщики. Они, как по конвейеру, принимают поваленный ствол.

Круто развернувшись задним мостом к поваленным деревьям, трелевочный трактор выбрасывает трос своей лебедки, и рабочий накидывает на этот трос крючья чокеров — крепежных приспособлений, цепляющих хлысты за вершину.

Подтянув лебедкой на свой щит десять-пятнадцать хлыстов — целую рощу — трелевщик отвозит их на разделочную площадку верхнего склада.

Почти все операции тут механизированы — электропилка, обрубка сучьев (их обрубает кольцевой нож — электросучкорез), погрузка, трелевка.

Глядишь на слаженную работу лесного конвейера и кажется: ты в большом цехе. И впрямь, каждый участок леспромхоза — цех со своим ритмом работы, где все процессы труда взаимно связаны.

Там, где глухими стенами стояли вековые сосны и пихты да пролегали узкие охотничьи тропы — «танги-зы», раскинулись теперь поселки леспромхоза — Черноярский, Верхнетуйский, Тугринский, Имшагальский. Широкие прямые улицы застроены добротными домами.

Здесь есть школы, детские сады, клубы, красные уголки, библиотеки, радиоузлы, медицинские пункты, магазины.

Новые участки все глубже и глубже врезаются в основные и пихтовые «стены», вековая тайга отступает.

Все ярче горят в урмане огни передвижных электростанций, шире становится фронт работ.

Сотни тысяч кубометров леса дают ежегодно тарские лесозаготовители для новостроек страны.

В Таре есть городская электростанция.

Электрические огни озаряют цехи заводов, фабрик, библиотечные залы, аудитории техникумов, школьные классы, жилые дома.

Десятки тонких извилистых жилок прорезают карту Тарского района. Эти жилки, так называемые «боковые» речки и речушки, — притоки Иртыша, Тары: Уй, Уба, Шиш, Оша, Аёв.

Светлыми треугольниками обозначены на карте колхозные электростанции на этих речках. С каждым годом все больше и больше светлых треугольников появлялось на извилистых жилках-речках.

На берегах быстротечной Оши, там, где раньше были только густые заросли краснотала, выросли здания колхозных электростанций. Плотины преградили путь воде, направив ее энергию по проводам в дома колхозников, клубы, на животноводческие фермы, к полевым станам.

Первой вступила в строй Ложниковская межколхозная гидроэлектростанция на Оше. Ее начали строить в первый год послевоенной пятилетки.

В сооружении станции принимали участие семь колхозов. На берегу Оши раскинулся шумный, многолюдный лагерь строителей. Сюда выезжали целыми семьями. И день, когда дала ток первая колхозная ГЭС, был большим народным праздником.

Электричество вошло в производство, в быт тарских колхозов. 28 электростанций и 24 подстанции в Тарском районе.

Если подняться вечером на самолете над Тарой, то можно увидеть: светлые нити огней, словно реки на огромной карте, прорезают Тару, разбегаются во все стороны, перекидываются через Иртыш. И все же электричества для города и района не хватает. Вопрос о снабжении электроэнергией тарчане считают «узким местом». (Это «узкое место» — все возрастающая потребность в

электроэнергии — выразительный показатель роста народного хозяйства в районе!). Многочисленные карликовые электростанции теперь уже не могут удовлетворить тарские предприятия и колхозы. Они малоэкономичны для производства.

Но «узкое место» уже «расширяется» семилетним планом Омского экономического района. В Тару будет проложена высоковольтная линия электропередач. Длинные опоры, несущие на своих плечах нити проводов, внесут много нового в жизнь города, района.

К 1962 году Тарский район получит электроэнергию из Омска.

Тара готовится к этому большому событию. В нынешнем семилетии тут — в центре северных льноводческих районов области — будет выстроена брезентовая фабрика — крупное механизированное предприятие. Ежегодно оно будет выпускать 11 миллионов метров ткани.

Закладываются корпуса мясоконсервного комбината — первого предприятия по производству мясных консервов в Омской области, нового завода сухого молока.

К 1960 году в Таре будут сооружены заводы сборного железобетона, известковый.

Промкомбинат строит два кирпичных завода с мощными тоннельными печами. Ежегодно они дадут тарским стройкам восемь миллионов кирпичей.

В древней Таре создается своя строительная индустрия.

Многое предстоит выстроить тарчанам за семилетие: корпуса цехов, школы, клубы, широкоэкранный кинотеатр, жилые дома. Больше 6 миллионов рублей отпущено правительством на культурное и жилищное строительство в этом небольшом районном городе.

На левобережье Иртыша на многие тысячи гектаров протянулись заболоченные пустоши.

...Пышная зеленая луговина, вздыбленная грядой холмиков-кочек, поросших богульником, вейником, андролоидой, золотистой колузницей...

Такие уголья были почти в каждом тарском колхозе. Сочные травы, причудливые, яркие болотные цветы заткали землю. Но ступишь на такой травяной ковер — и он сразу поддается, осядет; сочно зачавкает под ногой

кочка, выпуская темную гнилую воду. Эти пышные на вид луговины — мертвые для хозяйства, полоненные болотом земли — «пустые места», как называют их местные жители.

И самое страшное: эти «пустые места» разрастались, болота надвигались на луга, пашни, селения. Возле деревень вместо лугов образовывались кочкарники.

Не одно поколение сибирских хлебопашцев мечтало превратить эти заболоченные места в пахотные земли. Рыли канавы, пытались срезать кочкарник, но мелкие, плохо отрытые канавы быстро зарастали, и только увеличивали заболоченность; плуг и соха не брали кочек. Не под силу было крестьянину-одиночке бороться с болотом.

Но вот могучая техника начала свое наступление на гнилые «пустые места».

Тысячи гектаров земли ежегодно отвоевывают мелиораторы для колхозных пашен и пастбищ.

На вооружении у мелиораторов гусеничные болотные тракторы, экскаваторы, многоковшовые канавокопатели, гигантские плуги-кусторезы.

Вековая топь залегла под деревней Шкуново, отравляя своими ядовитыми испарениями воздух, рассылая окрест тучи гнуса, малярийных комаров. Из поколения в поколение передавались в селе страшные предания о людях, погибших в трясилах мохового болота.

Но вот к болоту пришли мелиораторы. Трактористы привели на своих тракторах экскаваторы, канавокопатели, болотный кустарниковый плуг.

Там, где недавно были топкие кочкарники да мхи, теперь зреет рожь, овес, турнепс, бурно разрастается сеяная трава — тимофеевка.

Свыше 6 000 гектаров земли осушено и раскорчевано для колхозов Тарского района за два года.

Нет больше глухого болота в Ложниково, исчезли болота Индустово, Круглое, Куяново, Ермаковское. На бывшем Карагановском болоте посеяны кормовые травы, овес, лен.

В колхозе имени Ленина на осушенной площади посеяли корнеплоды и собрали урожай по 26—30 центнеров с гектара. Эти участки выделены как опытные. Благодарные колхозники называют возрожденные земли именами тех мелиораторов, кто отвоевал их у болота.

Так преобразуются подтаежные земли, меняется облик зоны.

Тарские мелнораторы осушают болота в Васисском, Тевризском, Муромцевском, Седельниковском, Усть-Ишимском районах, преобразуют почвенный рельеф подтайги. Тысячи гектаров земли отвоевывают они ежегодно у болот для колхозных пашен и пастбищ.

Большую, очень нужную работу проводит в колхозах Тарская опытная станция. На опытных полях станции испытываются различные сорта зерновых, бобовых, масличных, овощных и кормовых культур.

Тут скрещиваются местные, приспособленные к условиям подтаежной зоны растения с более устойчивыми, но не привычными к суровому климату сортами, тут проводится, как говорят селекционеры, направленное воспитание растений, создаются новые, высокоурожайные, морозоустойчивые сорта.

Отсюда, с опытных полосок, выведенные тарскими селекционерами сорта переселяются на колхозные поля подтаежной зоны Западной Сибири. Так был создан высокоурожайный сорт пшеницы — «тарская».

«Тарская» уже широко распространяется на колхозных полях. Ее возделывают не только в Тарском районе. Хлеборобы Усть-Ишима, Муромцево, Васисса, Тевриза — всей подтаежной зоны области внедряют этот сорт яровой пшеницы в производство.

Границы возделывания пшеницы продвигаются все дальше на север.

Тарская опытная сельскохозяйственная станция тесно связана с колхозами. Научные работники — агрономы-селекционеры, агротехники чутко прислушиваются ко всему новому, что рождает колхозная практика, изучают и обобщают передовой опыт.

Когда колхоз имени Жданова начал расширять посевы льна-долгунца, агрономы станции разработали агротехнику этой культуры в условиях подтайги и помогли колхозным льноводам вырастить высокие урожаи.

Сейчас Тарский район славится своим высоким урожаем льна и стал одним из ведущих льноводческих районов в области. В этом есть и доля труда тарских ученых.

На опытных полях этой станции впервые в Прииртышской подтайге появилась и прижилась «королева

полей» — кукуруза. Тут была создана агротехника возделывания этой культуры на северных подтаежных подзолах, отсюда она переселилась на колхозные поля.

В тесном содружестве с практикой научные работники Тарской опытной станции осуществляют на своем небольшом участке общий великий план переделки природы.

Тара удалена от железной дороги на 337 километров. Но здесь пересекаются северные автомагистрали нашей области.

Из Тары ходят пассажирские автобусы, грузовые машины в районные центры — Седельниково, Колосовское, Большие Уки, Знаменское, Васисс, в Омск.

Воздушная трасса связала город с центром области. Большая речная дорога — Иртыш ведет на север и юг Западной Сибири. У причалов большой механизированной тарской пристани останавливаются суда, караваны барж, грузовые теплоходы.

Все эти пути приблизили Тару к главной Сибирской железнодорожной магистрали.

Тара, как и другие города нашей области, — не только районный территориальный центр. Тара — экономический и культурный центр всей подтаежной зоны Прииртышья.

Тарская опытная сельскохозяйственная станция — центр сельскохозяйственной культуры этой зоны.

Тарские техникумы, училища готовят кадры специалистов — учителей, медиков, зоотехников, механизаторов, культработников — для всех районов области.

Тарские предприятия снабжают своей продукцией весь омский север и граничащие с ним районы Тюменской области.

За годы Советской власти древний город помолодел, напитался новыми жизненными соками.

За сорокалетие он вырос намного больше, чем за всю свою предыдущую, трехсотлетнюю историю.

На северо-западе Омской области раскинулось обширное Ишимо-Иртышское междуречье. Тут тоже лесостепь — всхолмленная широкими волнами увалов равнина. Но по ландшафту она несколько отличается от южной лесостепи. Березовых колков здесь больше. Местами они сливаются и создают впечатление сплошных светлых березовых лесов.

Больше здесь и озер. На географической карте эти места испещрены целой сетью голубых озерных глазков.

Большие и малые, соединенные нитями протоков и обособленные озерные «ванны», молодые и уже отжившие свой век. Кажется, все стадии жизни озер можно здесь проследить!

По берегам озер, в низинах между гривами, на многие тысячи гектаров протянулись прекрасные разнотравно-злаковые луга, пастбища. Они занимают добрую половину всей территории.

Это край молочного животноводства, одна из самых больших наших «молочанок». Тут производится четвертая часть всей молочной продукции Омской области.

В глубине Ишимо-Иртышского междуречья, в самом сердце озерного края, на берегу небольшой речушки Тюкалинки, вытекающей из озера Тенис, стоит Тюкалинск. Это старинный город. Когда в 1763 году Москов-

ско-Сибирский тракт свернул на юг от Тары — на Омск, на месте нынешнего Тюкалинска была создана ямская слободка. Назвали ее Тюкалой. Народное предание об этом названии рассказывает вот что: под косогором, на берегу безымянной тогда речки, хоронились разбойничьи ватаги. Они нападали на торговые обозы, проезжавшие по тракту. Место под косогором слыло окрест недоброе. Ямщики тут ехали «на рысях», без остановки «тюкали». Так речушку и косогор за нею прозвали Тюкалкою. Новая ямская слободка на тракте получила такое же название.

В 1878 году слобода была переименована в город, сначала в заштатный, потом — в уездный.

Тюкалинск стоял на бойком торговом месте. К Московско-Сибирскому тракту с севера тут примыкал Тарский тракт, с юго-востока шла дорога из казахских степей.

Три раза в году здесь собирались шумные ярмарки. Тюкалинские купцы вели большой торг мясом, маслом, рыбой, пушниной, крупным рогатым скотом, лошадьми.

«Сытно, пьяно и, по-своему, весело жилось купцам, чиновникам-казнокрадам в Тюкалинске. Они были хозяевами Тюкалинска, держали в своих руках торговлю мясом, маслом, хлебом, рыбой — всем тем, что производил трудовой народ. Как спрут, они всасывались в тело трудового народа, выжимали из него последние соки», — так описывал жизнь старого Тюкалинска в своих воспоминаниях один из местных старожилов Г. С. Туманов.

Купцы Афоиныны, Силины, Ивлевы, Блендовские вершили судьбы многих волостей, сел и деревень уезда. Это были перекупщики — самая алчная, хищная разновидность сибирского купечества. На шестидесяти семи ярмарках перепродавали тюкалинские купцы скупленные ими в селах уезда товары.

В Тюкалинске было сосредоточено управление уездом. А уезд этот был не малым.

Сюда была приписана нынешняя территория районов: Тюкалинского, Крутинского, Называевского, Любинского, Марьяновского. Даже северная окраина Омска — Захламино и нынешняя усадьба Сельхозинститута входили в состав Тюкалинского уезда, Тобольской губернии.

Но Тюкалинск, хотя и был уездным административным центром, не мог влиять на экономическую и культурную жизнь всего огромного уезда. Южные и восточные области больше тяготели к Омску и Калачинску.

В этом административном центре было всего два учебных заведения — одноклассная церковноприходская школа и приходское двухклассное училище, одна на весь уезд библиотека благотворительного «Общества попечения о народной нравственности». В этой библиотеке насчитывалось около 200 книг, преимущественно духовного содержания.

В дореволюционной России, по яркому ленинскому выражению, масса народа была «ограблена в смысле образования, света знания». Это ограбление «в смысле образования, света знания» особенно резко ощущалось в таких отдаленных уездах, как Тюкалинский.

Больница в городе была только тюремная для арестантов. Городское население обслуживали — «пользовали» два частных врача.

В «Памятной книге Западной Сибири» за ряд лет сообщалось, что одной из достопримечательностей Тюкалинска является тиф, который заносился партиями арестантов и сыльных поселенцев.

По ведомостям «Обзора Тобольской губернии» за 1914 год в Тюкалинске числилось 28 заводов и фабрик. На всех этих заводах было занято 119 человек.

На четырех свечносальных заводах работало семь человек, на двух маслодельных — двенадцать, на маслобойном — один рабочий.

Все эти 28 предприятий в течение года выпускали продукции на 49 350 рублей. Такие крохотные заводики, а точнее кустарные мастерские, разумеется, не могли играть значительной роли в экономике города, а тем более — уезда. «Основной фигурой», «королем» тут был купец-мирод — перекупщик, ростовщик. Именно он определял экономическое «лицо» торговых оборотов старой Тюкалы.

Тюкалинск мало напоминал город.

Самым приметным большим зданием тут была каменная тюрьма. Она высилась над приземистыми домишками и как бы увенчивала город, давила его улочки своей громадой.

Тюкалинск был одним из печально-памятных этапов на канальном тракте, том самом «пути сибирском дальнем», о котором народ сложил столько песен.

В тюкалинском тюремном замке содержались пересыльные партии каторжан; были тут и «свои» арестанты, — те, что отбывали наказание в тюкалинской тюрьме. Она, как и омская, числилась в разряде каторжных тюремных заведений.

После проведения Сибирской железной дороги отслужил свою службу древний Московско-Сибирский тракт, а вместе с ним потерял свое торговое значение Тюкалинск. 232 километра отделили его от железнодорожной линии Омск—Челябинск.

В 1911 году в 75 километрах на запад от Тюкалинска пролегла еще одна северная ветвь Великого Сибирского пути — Омск—Тюмень. И хотя эта линия была несколько ближе Челябинской, город по-прежнему оставался оторванным от главной торговой артерии. Купцы-перекупщики продолжали тут орудовать еще более хищно.

Между прочим, среди тюкалинцев бытуют такие рассказы...

Город остался в стороне от железной дороги потому, что тюкалинским местным Тит Титычам — купцам Афонину, Силину, Ивлеву, Блендовскому и другим — это было выгодно: они боялись конкуренции и дали миллионную взятку «кому следует». В результате железнодорожная линия обошла Тюкалу, уклонилась на запад. А первоначально магистраль проектировалась вдоль тракта — через Тюкалинск.

Разумеется, эта версия не очень правдоподобна. Она бытует почти во всех городах, обойденных железнодорожной магистралью. Купечество, как известно, извлекало огромные выгоды от строительства дороги, наживалось на подрядках, затем на экспортной торговле.

Но эта легенда отражает ненависть народа к купцам-миродам, наживавшимся на горе и нужде народа, высасывавшим жизненные соки у людей труда.

Тюкалинск был таким глухим, оторванным от жизни «медвежьим» углом, что о вооруженном восстании петроградского пролетариата, о великих событиях Октября 1917 года тут узнали почти через месяц.

Рабочих в городе было очень мало (118 человек из 5 070 жителей).

Власть во всех местных органах самоуправления после февральской революции захватили эсеры — в большинстве своем крупные тюкалинские купцы, домовладельцы. Они тщательно скрывали от народа правду о революции.

Весть о вооруженном восстании петроградского пролетариата первыми принесли в Тюкалинск возвратившиеся с фронта солдаты. Среди них были большевики, сами принимавшие участие в революционных событиях. Первым революционным органом в Тюкалинске был гарнизонный комитет, созданный солдатами местной команды и фронтовиками.

Комитет вынес решение об аресте уездного исправника и его помощника, полицмейстера, коменданта и прочего начальства, направил в села своих представителей, осуществлял в городе и уезде первые революционные преобразования. Вокруг него сплотились рабочие местных предприятий, батраки, крестьянская беднота.

По воспоминаниям старожилов, в декабре 1917 года в Тюкалинске была создана большевистская ячейка. Руководил ею солдат-фронтвик Павел Андреевич Усольцев; в партию он вступил еще на фронте.

Под руководством большевиков 25 января 1918 года в Тюкалинске был созван первый съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Съезд избрал исполком Совета. Председателем этого первого Тюкалинского Совдепа был избран Павел Усольцев.

Под влиянием большевиков съезд принял решение:

«Съезд считает, что в настоящее время вся власть, за которую отдали свою кровь и жизнь рабочие и крестьяне, находится в руках Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов... Съезд заверяет Омский Совет, что трудовой народ Тюкалинского уезда, руководимый партией большевиков, не щадя своей жизни, будет поддерживать установившуюся на местах власть рабочих и крестьян».

Омский большевистский комитет командировал в Тюкалу своих представителей. Омичи помогли провести уездный съезд, организовать сельские волостные комите-

ты. Тогда же в Тюкалинске был создан отряд Красной Гвардии.

От омских большевиков тюкалинцы узнали о призыве ЦК партии помочь голодающим рабочим Петрограда и Москвы.

И этот призыв нашел горячий отклик среди бедноты, трудового населения уезда. Из глубинных тюкалинских сел потянулись к железной дороге обозы с хлебом, мясом, маслом.

Тюкалинский уезд один из первых в губернии начал посылать продовольствие для специальных «хлебных» поездов, отправляемых из Сибири в революционные центры — Москву, Петроград, хотя местное кулачество оказывало яростное сопротивление этому: гноило хлеб, перегоняло на самогон, истребляло скот, терроризировало продотряды.

В годы гражданской войны Тюкалинский уезд стал одним из центров партизанского движения в Омской губернии.

Ночью 11 июля 1918 года в Тюкалу ворвался чешский батальон. Командовал им французский полковник Мокри.

Члены Совдепа — Павел Усольцев, Андрей Щипачев, Людвиг Марацевич и другие — были арестованы. В тюрьме их жестоко пытали, но никто из коммунистов не стал предателем.

Оставшиеся на свободе большевики ушли в подполье и создали подпольную группу, ее назвали революционным штабом.

Этот штаб был связан с Омской подпольной большевистской организацией. Члены штаба вели агитационную работу в селах и деревнях уезда, создавали там партизанские группы.

Партизаны, по воспоминаниям Туманова, имели даже свою небольшую типографию, выпускали листовки, призывавшие тюкалинцев к борьбе с врагами революции, к восстанию.

Белогвардейцы объявили мобилизацию в свою армию «для защиты России от коммунистов», — как говорилось в приказе. Всех уклонившихся от мобилизации предлагалось расстреливать на месте. В ответ подпольный партизанский штаб постановил начать восстание. Первыми выступили партизаны села Гагарино,

Для подавления повстанцев из Тюкалинска был выслан карательный отряд. В колках близ Гагарино (их народ прозвал Гагаринскими лесами) произошел бой. Он длился почти целые сутки. Вооруженные охотничьими дробовиками, самодельными огнестрелами, вилами партизаны разбили карателей, заставили их отступить. В Гагарино была брошена вторая, еще более многочисленная белогвардейская часть, вызванная из Омска. И только получив такое солидное подкрепление, каратели решились снова вступить в мятежное село. Там они учинили жестокую расправу: жгли избы, пороли, расстреливали, вешали стариков, женщин, детей, живыми закапывали людей в землю.

Весть о зверствах в Гагарино облетела весь уезд, крестьяне целыми семьями уходили в леса, многие двинулись на север, в избышевские партизанские отряды.

В конце августа 1918 года Тюкалинский воинский начальник назначил явку мобилизованных на главный сборный пункт в Тюкалинске.

Но подпольная большевистская группа бросила призыв: «Ни одного солдата белой армии».

29 августа большая колонна повстанцев двинулась по тракту в Тюкалинск.

Вооружены были люди топорами да вилами. На всю тюкалинскую «дивизию», как называли себя повстанцы, из огнестрельного оружия было несколько револьверов и охотничьих ружей.

В город вступили в полдень. Белогвардейцы поначалу думали, что это прибыли мобилизованные на призывной пункт, как того требовал воинский начальник.

Повстанцы захватили почту, телеграф.

Спohватившиеся белогвардейцы и расквартированный в Тюкалинске чешский отряд открыли огонь. Вооружены они были первоклассными английскими пулеметами, американскими винтовками Ремингтон-Армо Юнион, прибывшими из Бридж-порта.

И нужны были большое мужество, великая сила народного гнева, чтобы вступить в открытую схватку с таким врагом — с вилами и топорами против дальнобойным «Гочкисов», «Ремингтонов».

Повстанцам удалось прорваться к площади, где был сборный пункт мобилизованных.

Бывшие солдаты-фронтовики братья Голубевы, Егор Вострухин открыли митинг. Они призывали новобранцев поддержать большевиков в их борьбе с интервентами, присоединиться к партизанам.

Многие парни из тюкалинских сел и деревень откликнулись на этот призыв, пополнили отряды из партизан, остальные разошлись по домам. И хотя повстанцам пришлось отступить из Тюкалинска, мобилизация в белогвардейскую армию в уезде была сорвана.

Тюкалинское восстание вошло героической страницей в историю гражданской войны в Сибири.

Никакие репрессии, пытки, расстрелы, виселицы не могли подавить воли народа к борьбе.

А с запада приближались части Красной Армии. Перед отступлением из Тюкалинска колчаковцы учинили зверскую расправу с заключенными.

В ночь на 11 ноября 1919 года распахнулись тяжелые тюремные ворота, и палачи начали выводить узников.

...Полуживых людей сбрасывали в яму, вырытую за тюремной стеной.

Первыми погибли после тяжелых пыток в одиночках Павел Усольцев и Людвиг Марацевич.

В ту страшную ночь палачи вынесли на штыках и сбросили в могилу сорок семь заключенных. Окровавленные тела перекладывали соломой и пытались поджечь. Но всю ночь шел мокрый снег, солома так и не загорелась. Яму, в которой шевелились, стонали люди, закидали землей, притоптали копытами лошадей.

А утром 11 ноября в Тюкалинск вошли части Красной Армии.

В этот день на площади города состоялся большой народный митинг. Тела замученных колчаковцами людей похоронили в братской могиле — в центре Тюкалинска. Теперь вокруг могилы пышно разросся сад.

На месте страшной казни установили памятник борцам революции. Именами большевиков Павла Усольцева, Людвиг Марацевича названы улицы города. Добрая память живет в народе!

Каким стал Тюкалинск в наши дни?

Прежде всего этот город — один из культурных центров области — кузница кадров для сельского хозяйства.

Когда в Сибири, в Омской области, была завершена коллективизация, когда начали расти колхозы, в Тюкалинске были созданы сельскохозяйственный техникум и одно из первых в области училище механизации сельского хозяйства.

На улице Кирова высится большое светлое каменное здание. В летнюю пору оно утопает в зелени сада, в пышных цветниках.

Приезжие неизменно спрашивают — не санаторий ли здесь?

Нет, это не санаторий, а главный корпус сельскохозяйственного техникума. Он был открыт в 1931 году в бывшем тюремном замке. Собственно, от мрачного тюремного замка тут ничего не осталось.

После освобождения Тюкалинска от Колчака жители города решили разрушить ненавистные народу казематы.

На работу вышли торжественно, со знаменами, песнями. Все — от старца до мала — взялись за заступы, кирки, ломы. Взламывали переплеты железных решеток, за которыми некогда томились узники, тяжелые тюремные двери с «глазками», расширяли проемы окон, разбирали толстые стены узких, похожих на склепы камер-одиночек. Мрачное здание открылось воздуху, свету, солнцу.

Это был один из первых коммунистических субботников в городе. Так, в трудную, голодную зиму начал рождаться новый Тюкалинск.

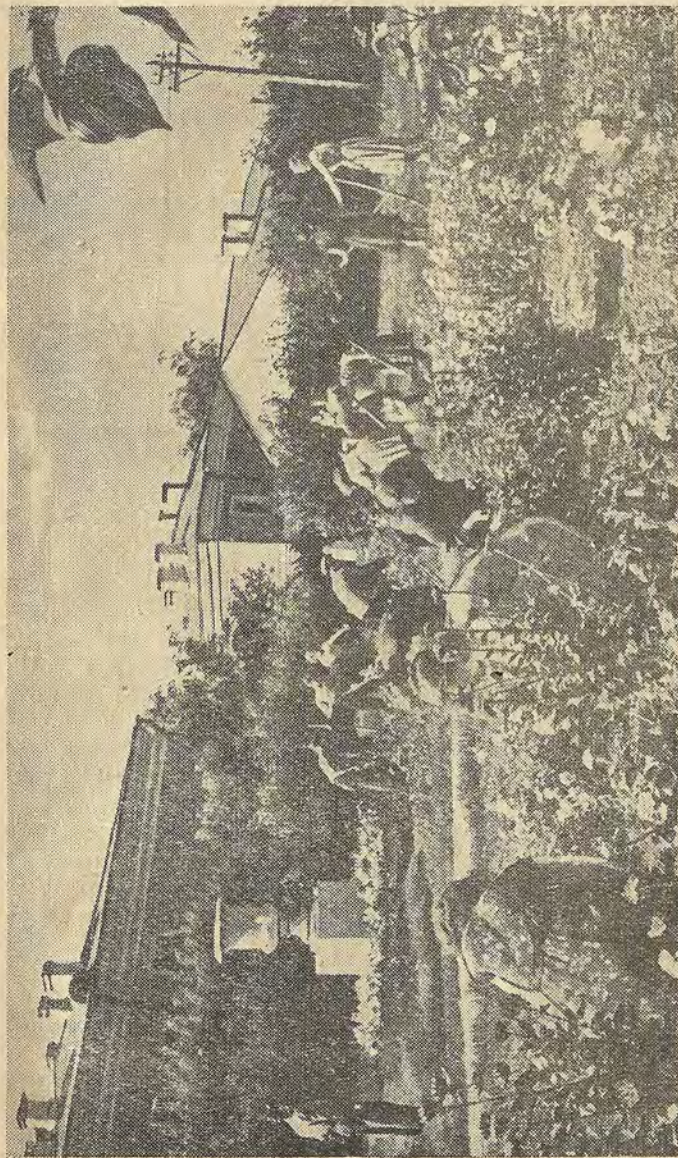
В этом преображенном здании разместили школу, а затем первое среднее учебное заведение Тюкалинска — сельскохозяйственный техникум.

Сейчас его белокаменные стены в летнюю пору утопают в зелени. На бывшем тюремном плацу, где некогда проводили экзекуции, пышно цветут на клумбах астры, георгины, гладиолусы, канны — цветы, каких не знал старый Тюкалинск.

Больше четверти века существует в этих стенах техникум.

Вначале он готовил агрономов-полеводов и пловодов — новую тогда для Сибири специальность.

В послевоенные годы здесь открылось отделение механиков-техников, в которых так нуждались наши колхозы и совхозы, обогатившиеся сложными машинами, большой сельскохозяйственной техникой.

Тюкалинский сельскохозяйственный техникум утопает в зелени сада.

Спустя несколько лет в тюкалинском техникуме были созданы еще два отделения: зоотехническое и бухгалтерское. Крупные наши хозяйства уже не могут удовлетвориться самоучками-счетоводами. Для ведения финансовых дел нужны дипломированные бухгалтеры, знакомые со спецификой сельского хозяйства. Таких и готовит тюкалинский техникум.

На истории развития этого сельскохозяйственного учебного заведения можно проследить рост сельского хозяйства в нашей области.

Студенты техникума тесно связаны с сельскохозяйственным производством. Недаром же здесь говорят:

— Наша учебная база — весь район, все его совхозы и колхозы.

За годы своего существования техникум подготовил для колхозов и совхозов около 4 000 специалистов сельского хозяйства: агрономов-полеводов, плодоовощеводов, техников-механиков, зоотехников, счетных работников.

Тюкалинск готовит для всей области кадры среднего командного состава — этого основного звена специалистов сельского хозяйства совхозов и колхозов.

Питомцы тюкалинского сельскохозяйственного техникума работают на юге области в молодых совхозах степных районов, созданных на целинных землях, в тяжелых колхозах Муромцевского, Васисского, Седельниковского, Усть-Ишимского, Тевризского районов.

Большой известностью в колхозах и совхозах области пользуется тюкалинское училище механизации сельского хозяйства.

...На окраине Тюкалинска стоит старинное кирпичное здание, построенное еще в начале прошлого столетия для воинских казарм. Здесь крестьянские парни, одетые в шинели, проходили строевую муштру, здесь делалось все, чтобы оторвать солдат от народа, воспитать почкорных слуг царю.

Но здесь же, в казармах, в бурном 1917 году, во весь голос прозвучало первое в Тюкалинске революционное слово, здесь солдатами-большевиками был создан первый революционный орган в городе — Гарнизонный комитет.

В 1935 году это памятное тюкалинцам здание было перестроено, переоборудовано. В бывших казармах

разместились классы, лаборатории, библиотека, читальный зал училища механизации сельского хозяйства.

Вокруг старинного кирпичного дома разросся целый городок — гаражи, склады, учебные мастерские, цехи.

Свыше четырех миллионов рублей расходует ежегодно государство на содержание этого учебного заведения.

В гаражах училища — большой парк новейших сельскохозяйственных машин. Тут можно увидеть самые мощные наши тракторы различных марок, самоходные и специализированные комбайны — кукурузные, картофельные, силосные, кукурузосажалки, картофелесажалки, зерноочистительные машины.

Училище имеет свою электростанцию, токарный, слесарный, кузнечный цехи, прекрасные лаборатории по тракторам, комбайнам, сельскохозяйственным машинам, механизации трудоемких работ в животноводстве, тренировочный корпус, клуб, обширную библиотеку, свою спортивную базу.

Словом, здесь созданы все условия для подготовки квалифицированных механизаторов сельского хозяйства.

Не так давно тут был организован кабинет технического творчества.

В кабинете можно увидеть действующий макет механизированной животноводческой фермы, модель кукурузосажалки, кормозапарника. Эти модели, сделанные руками курсантов — будущих механизаторов, экспонировались на областной выставке технического творчества в Омске. За модель кукурузосажалки училище получило диплом 1-й степени.

Нет в нашей области района, где бы ни работали выпускники этого училища.

Около 12 тысяч комбайнеров, трактористов-машинистов широкого профиля, бригадиров подготовило оно. Труд многих выпускников училища отмечен высокими правительственными наградами.

На полях Русско-Полянского района водит свою машину выпускник тюкалинского училища Алексей Соглазов — один из героических участников освоения целинных земель, награжденный орденом Ленина.

На юге области, в новом совхозе, созданном на целинных землях, работает комбайнер Владимир Смольников, также награжденный орденом Ленина.

В Называевском районе трудятся выпускники Тюкалинского училища: Герой Социалистического Труда Дмитрий Бочанов, орденосцы бригадир тракторной бригады Ольга Деляц, тракторист Семен Горчаков.

Вот какими людьми, какими специальными учебными заведениями знаменит ныне Тюкалинск — большая кузница кадров механизаторов сельского хозяйства нашей области.

Кроме этих учебных заведений, в Тюкалинске шесть общеобразовательных школ, музыкальная школа. Три тысячи учащихся сейчас насчитывается в городе, где до революции было две начальных школы, в которых учились всего 60 учеников.

В Тюкалинске работает пять библиотек. Тюкалинская районная библиотека — одна из самых крупных в области.

Но она примечательна не только количеством книг.

Местные статистики подсчитали: каждый третий житель Тюкалинска — ее читатель.

Это один из культурных центров города и всего района. Тут часто собираются читательские конференции, проводятся литературные вечера, интересные лекции, обсуждения книг.

Тюкалинская библиотека первой в области организовала тематическую конференцию читателей-садоводов.

В читальный зал пришли знатные колхозные садоводы-опытники — Дорожко, Музыка, Мисюра, пчеловоды — Королева, Шорко. Они рассказали, как книги помогают им в работе.

Уж не первый год в библиотеке рядом с книжными выставками организуются выставки плодов, выращенных читателями в своих и колхозных садах. И эти выставки уже не кажутся необычными.

Эта же библиотека провела одну из первых в области конференцию читателей-животноводов, в которой принимали активное участие знатные доярки, телятницы, пастухи тюкалинских колхозов и совхозов.

Заведует библиотекой Александра Ивановна Садохина. Больше тридцати лет прошло с тех пор, когда она шестнадцатилетней девушкой, прямо со школьной скамьи, пришла сюда и стала за библиотечную стойку, вы-

дала первую книгу читателю, заполнила первый читательский формуляр.

Сколько за эти годы книг прошло через ее руки, скольким читателям, и юным, и зрелым, она помогла! Для скольких стала добрым наставником, лоцманом в нелегком путешествии по безбрежному книжному морю!

В Тюкалинске есть кинотеатр, Дом культуры. На своей клубной сцене тюкалинцы видели в исполнении самодеятельных артистов «Лес», «На бойком месте» Островского, «Любовь Яровая» Тренева, «Платона Кречета» и «В степях Украины» Корнейчука, «Успех» Лаврентева.

Больше двадцати лет существует самодеятельный драматический коллектив в Тюкалинске. Имена актеров — участников самодеятельного драматического кружка — широко известны в городе. Это — учителя, учащиеся техникума, рабочие промкомбината, маслозавода, типографии, врачи, фельдшера, агрономы, лаборанты.

Несколько лет назад, в один из выходных дней, в Доме культуры было устроено не совсем обычное торжество. Тюкалинцы отмечали двадцатилетний сценический юбилей Виталия Васильевича Полторакина — преподавателя математики Тюкалинского сельскохозяйственного техникума.

Тюкалинцы видели его на сцене в «Грозе» жизнерадостным, разудалым Ваней Кудряшом, тревожившим своей раздольной, широкой песней сонный, замшелый городок; и нищим бродячим актером Несчастливцевым, совершающим свой бесконечный, безрадостный путь «из Вологды в Керчь и обратно»; и подхалимом-чиновником Юсовым в «Доходном месте»; и горьковским Климом Самгиным; и хитроватым, себе на уме, председателем колхоза Чесноком в «Степях Украины» Корнейчука; и смелым хирургом-новатором в «Платоне Кречете»; и капитаном Берсеневым в «Разломе» Лаврентева; и Глобой в «Русских людях» Симонова.

Двести ролей, двести образов создал актер-любитель на тюкалинской сцене.

И каждая роль, каждый образ в какой-то мере раздвигали мир его зрителей-земляков, открывали перед ними какие-то стороны жизни. Ведь не зря же тюкалинцы так широко отметили сценический юбилей любителя-актера Полторакина.

Тюкалинские драмкружковцы играют не только на своей сцене. Это уж стало доброй традицией: каждую новую постановку, каждый новый спектакль везти на село.

Тюкалинских самодеятельных актеров знают во многих наших колхозах и совхозах.

Самодеятельный коллектив давно перешагнул рамки своего района. Его спектакли видели на сценах домов культуры, сельских клубов, а иной раз — в полевых станах и животноводческих фермах Крутинского, Называевского, Колосовского районов.

Большая аудитория у тюкалинского драмкружка!

В центре города, возле городского сада, завершается строительство большого каменного здания — Дворца культуры. Таких зданий еще не было в этом городе. Два миллиона рублей отпустило государство на его сооружение.

Обширный зрительный зал (он вместит 500 человек), прекрасное фойе, комнаты отдыха, читальный зал, комнаты для кружковой работы — все здесь устроено так, чтобы человек мог хорошо, культурно провести свой досуг, отдохнуть.

При Дворце культуры создается народный драматический самодеятельный театр. Ядром его станет тюкалинский любительский драмкружок.

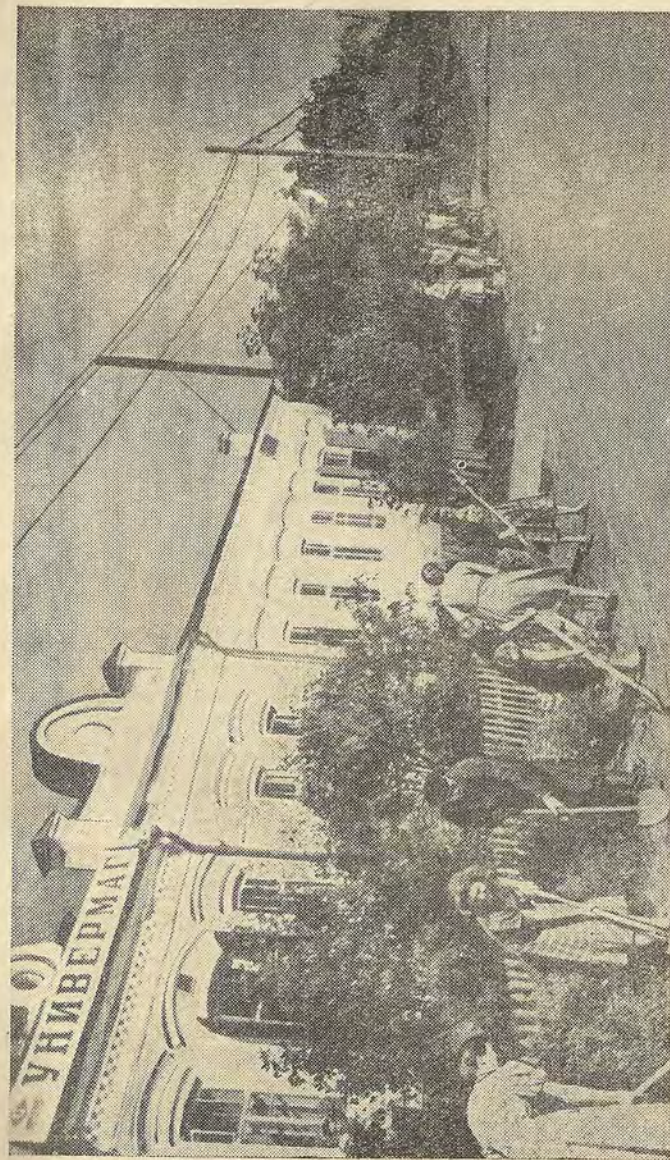
Дворец культуры — далеко не единственная новостройка города.

За годы семилетки Тюкалинск получит новое здание для библиотеки, летний кинотеатр, поликлинику, среднюю школу-интернат.

Эта школа будет одиннадцатилетней. Ее питомцы получат специальности электриков, столяров-краснодеревщиков.

В городе откроется грязелечебница (лечебные грязи для нее будут добывать в ближних Климинских озерах), новые детские сады, ясли, павильон бытового обслуживания, ресторан, прекрасный двухэтажный универмаг.

В горсаду появится новая летняя эстрада, на берегу озера Разлив будет устроен пляж, а в парке «Победа», что заложен тюкалинцами несколько лет назад, подле этого озера, появятся новые аллеи, цветники, павильоны, беседки, зеленый театр, спортивные площадки.

Тюкалинцы озеленяют улицы своего города.

Молодой парк обещает стать прекрасным местом летнего отдыха для тюкалинцев.

А сколько новых жилых домов вырастет за это время в городе! Больше пяти миллионов рублей отпускается на жилищное строительство Тюкалинска в нынешнем семилетии только отделу коммунального хозяйства. (А ведь жилые дома строят и предприятия, и индивидуальные застройщики).

За это семилетие жилищный фонд Тюкалинска увеличится вдвое. Этот небольшой старинный город обретает черты новых молодых городов.

В современном Тюкалинске пять предприятий. Но каждое из них больше всех «заводов» и «фабрик» старого Тюкалинска вместе взятых.

На Тюкалинском райпромкомбинате работает около 300 человек. Комбинат имеет четыре кирпичных завода, большое деревообрабатывающее предприятие с цехами — пиломатериалов, мебельным. Этот цех выпускает в год мебели на миллион рублей.

Тюкалинские мастера-краснодеревщики славятся далеко за пределами города. Тюкалинск снабжает своей мебелью жителей Называевского, Крутинского районов.

Продукция швейного цеха Тюкалинского промкомбината — теплая стеганая одежда, ватные одеяла — расходуется по всей области. Добрая половина ее идет в Омск.

В нынешнем семилетии в Тюкалинске будет выстроена крупная механизированная швейная фабрика. Она будет ежегодно давать швейных изделий на десять миллионов рублей.

Новый механизированный мебельный цех получат и тюкалинские мебельщики.

И еще обогатится Тюкалинск новым предприятием — картонной фабрикой. Строительство ее начнется во втором году семилетия.

Сырьем для этого первого в области производства бумажной промышленности послужат знаменитые тюкалинские камыши, которыми изобилуют побережья озер в районе.

Широко расходуется по району продукция Тюкалинского пищекомбината — кондитерские изделия, конфеты, фруктовые воды. Тут тоже идет большое строительство,

сооружаются новые цехи. Предприятие пополняется оборудованием, механизмуется. За годы семилетки продукция пищекомбината возрастет вдвое.

Самое крупное перспективное предприятие Тюкалинска — маслозавод. У него довольно давняя история. Еще в 900-х годах купец Носков построил в городе деревянную маслодельню. Работала она на конной тяге. Сепаратор ее пропускал в сутки 40 ведер молока...

А теперь в цехах завода — мощные сепараторы (каждый такой сепаратор перерабатывает за час 3 000 литров молока), маслодельные машины, сырны ванны с механизированными мешалками, хорошо оборудованные химические и бактериологические лаборатории.

Завод перерабатывает 63 тысячи центнеров молока в год. Основная его продукция — сливочное масло, голландские сыры, молочный сахар.

Директор этого завода Тимофей Михайлович Трошин — в прошлом ленинградский рабочий — двадцатипятилетний. В 1930 году коммунисты ленинградского завода «Электроприбор» направили его вместе с другими посланцами на работу в сибирскую деревню. В селе Кутырлы, близ Тюкалинска, он помогал организовать крупную в районе сельскохозяйственную коммуну «Вперед», работал директором кутырлинской машинно-конной станции.

Он может рассказать, как рождались первые колхозы в Тюкалинском районе, как росло, крепло колхозное хозяйство, может припомнить, как озверелые кулаки стреляли в него из обреза...

Всякое было...

Потом райком партии направил бывшего питерского рабочего на маслодельные предприятия.

Когда Тимофей Михайлович пришел на тюкалинский завод, в маслодельном цехе стоял один ветхий сепаратор. Сыроделы перемешивали молоко ручными граблями. Все здесь делалось вручную, с большой затратой труда.

Тимофей Михайлович помнит, как устанавливали на заводе первый движок — свою электростанцию. Потом появились мощные сепараторы. Вместо сыродельных граблей — специальные ванны с механизированными мешалками. Техника неизмеримо облегчила труд маслоделов.

На его глазах, при его деятельном участии завод рос, расширял свои цехи, пополнялся техникой.

Семилетка несет тюкалинским маслоделам большие перемены.

На юго-восточной окраине города сооружается новый завод. Это — самое крупное в области сыродельное предприятие, оснащенное новейшей техникой. За смену тут будет перерабатываться 400 тысяч литров молока.

Поголкуйте с Тимофеем Михайловичем, с мастерами, рабочими-маслоделами, и они вам расскажут в подробностях, каким будет этот будущий завод.

...Под высокими каменными сводами завода разместится новейшее оборудование.

Чуткие механизмы приборов-автоматов будут регулировать тут технологические процессы, «вести» технический контроль, сигнализировать звуком, светом.

А как неизмеримо облегчится труд на этом заводе! Все работы тут будут механизированы. И не только основные — производственные, но и вспомогательные.

Приемка молока, мойка посуды, дезинфекция молокопровода, мойка и соленье сыра в этажерах, расфасовка масла — все это будут выполнять механизмы, приборы. Рабочий только регулирует эти механизмы, их действия.

Все на этом предприятии проникнуто заботой о рабочем человеке, его удобствах — прекрасные душевые, гардеробные, комната отдыха, столовая.

Вместе с производственными корпусами строится квартал двухэтажных жилых домов, детские ясли, магазины, столовая. Тюкалинцы уже назвали его городком маслоделов.

В Тюкалинске рождается свой новый промышленный район.

Тюкалинский завод — головной. В его подчинении, под его контролем работают шесть маслозаводов района — «куст», как говорят маслоделы. Предприятия эти также механизированы, оборудованы современной аппаратурой.

Весь этот «маслодельный куст» перерабатывает ежегодно около 250 тысяч центнеров молока.

В 1958 году маслозаводы района дали стране молочной продукции на 40 миллионов рублей.

Тюкалинский район один из ведущих районов молочного животноводства нашей области — крупный поставщик знаменитого сибирского масла.

Тут тридцать шесть животноводческих колхозных ферм, пять молочно-мясных совхозов. Среди них — крупный Кошкульский совхоз. Его земли раскинулись более чем на 80 тысячах гектарах.

Маслозаводы района в 1965 году дадут молочной продукции на 100 миллионов рублей.

Производство голландского сыра увеличится в четыре раза, сливочного масла — почти в два раза.

Будущее старинного сибирского города Тюкалинска, его района — в дальнейшем развитии молочной промышленности, молочного животноводства.

В 1911 году на северо-западе Ишимо-Иртышского междуречья была проложена железнодорожная линия Омск—Тюмень. В том же году на 150-м километре от Омска построили небольшой разъезд.

Близ разъезда стояла маленькая деревушка Лебедки. Жили в ней крестьяне-переселенцы из Курской и Тамбовской губерний.

Новый разъезд находился от Тюкалинска в 75 километрах.

К этому разъезду потянулись обозы с хлебом, мясом, маслом. Он как бы стал приемником обойденного железной дорогой уездного города Тюкалинска, унаследовал его торговое значение.

По воспоминаниям старожилов, тюкалинцы даже предлагали назвать станцию Ново-Тюкалинском. Но железнодорожная администрация почему-то отклонила это предложение и временно (до подыскания подходящего названия) наименовала станцию Называевской. Так именовалась деревушка, находившаяся в 12 километрах от станции. Почти все ее жители работали на строительстве железной дороги.

Это название и закрепилось.

Вскоре в Указателе пассажирских сообщений Сибирской железной дороги появилось название «Называевская» стало печататься жирным шрифтом.

А рядом с наименованием станции стояло изображение рюмки, ножа и вилки — буфет и ресторация.

В маленьком пристанционном поселке было 17 питейных заведений.

«Через каждые четыре избы — кабак», — говорили о Называевске.

Зато школа была одна — начальная, двухклассная.

Судьба Называевска подобна судьбе многих наших селений, выросших у железнодорожного пути.

Новый поселок довольно быстро разрастался, население его увеличивалось.

Привлеченные выгодным торговым положением, к Называевску присосались купцы, кулаки из Тюкалы, Крутинки и других селений, обойденных железнодорожной магистралью, агенты иностранных фирм, торговавших сибирским маслом, хлебом. Тут обосновался агент известного датчанина Рандрупа — владельца плугостроительного завода в Омске. По «совместительству» он вел большую торговлю сибирским маслом. Здесь же имели свои конторы представители другой датской фирмы «Рандом и Рестроф», торгового дома «Вентин и К^о».

В 1913 году в Называевске был открыт небольшой склад сельскохозяйственных орудий переселенческого управления.

Из года в год в поселке увеличивалось количество лабазов, лавок, кабаков.

Почти вся земля в Называевске и вокруг него была закуплена владельцами этих лавок — купцами Антиловыми, Третьяковыми, Бородиными.

К новой станции тянулись в поисках счастья из окрестных деревень крестьянская беднота, батраки. Здесь оседали обнищавшие, разоренные долгим путем переселенцы из центральных губерний России. Они нанимались рабочими на железную дорогу, батрачили у купцов, кулаков.

Жили рабочие на окраинах Лебедок в землянках, хибарках, сколоченных из обломков старых шпал, ящиков.

В 1917 году в Называевске насчитывалось 70 домов.

Таковы короткие странички из прошлого Называевска.

Называевск стал городом в 1956 году — в первом году шестой пятилетки.

Это событие не было неожиданностью для называемцев. Оно было подготовлено всем ходом развития поселка, его ростом за годы Советской власти.

В Называемске — один из самых крупных в нашей области райпромкомбинат. Он выпускает ткани, трикотаж, швейные изделия, мебель, кирпич.

Изделия ткацкого и трикотажного цехов называемского промкомбината — узорчатая занавесочная ткань, нарядные пестротканые полшерстяные платки, полотенца, тарные ткани, трикотажное платированное полушелковое белье — мужское, женское, детское — широко известны не только омичам, но и жителям смежных областей — Тюменской, Северо-Казахстанской.

А ведь это предприятие начало свое существование в 1940 году с маленькой швейной мастерской, в которой работало семь человек.

В первые годы войны был организован небольшой ткацкий цех. Работали на ручных станках, насмешливо прозванных ткачами «самолетами». Ткали бязь для госпиталей.

В архиве промкомбината хранится старый годовой отчет: в 1945 году предприятие выпустило продукции на 200 тысяч рублей.

Эту цифру небезынтересно вспомнить, когда знакомишься с комбинатом сегодняшнего дня, его цехами, его продукцией. В 1958 году комбинат дал стране продукции на 12 миллионов рублей, а рационализаторы сэкономили за год более 150 тысяч.

Называемские текстильщики и трикотажницы, подчитав свои резервы, обязались семилетний план выполнить за шесть лет. А выпуск продукции за это семилетие должен возрасти вдвое.

Директор промкомбината — депутат райсовета Полина Иосифовна Кравченко (десять лет назад она пришла на комбинат рядовой работницей — учетчицей) с гордостью приводит такие цифры.

В 1958 году комбинат изготовил бельевого трикотажа 700 тысяч штук, а в 1965 году количество этой продукции увеличится до миллиона четырехсот тысяч штук.

Тканей в 1958 году потребители получили 550 тысяч метров, а в 1965 году получают более миллиона метров. Детской одежды будет выработано на 6 миллионов рублей.

Семилетка обогатит комбинат новыми производственными мощностями.

На предприятии разворачивается большое капитальное строительство.

В ближайшее время тут вступит в строй новая текстильная фабрика. Она будет вырабатывать миллион четьреста тысяч метров ткани в год.

Новый механизированный цех и электросушилку получают мебельщики. Для пошива детской одежды также сооружается специальный цех.

Новейшим оборудованием пополнится трикотажный цех, он будет расширен.

На кирпичном заводе устанавливается мощная тоннельная печь.

Большое внимание в семилетнем плане этого предприятия уделено бытовому строительству. Рабочие комбината получают новую благоустроенную столовую, клуб, жилые дома.

Таким видится это предприятие в семилетии.

На комбинате работает больше 500 человек. Добрая половина рабочих — молодежь. Среди них много выпускников называемских школ.

Не случайно это передовое предприятие стало участником социалистического соревнования в городе и во всем районе.

Тут была создана первая в Называемске бригада коммунистического труда. Бригадиром ее стала восемнадцатилетняя комсомолка Люба Коханова. Об этой девушке, о ее работе называемцы знали до того, как была создана бригада.

Когда комсомольская организация отмечала свое сорокалетие, на страницах районной газеты «Красная искра» были напечатаны портреты лучших называемских комсомольцев. Среди них — вязальщица Люба Коханова, крутолобая, смуглолицая девушка с широко раскрытыми, будто чему-то удивляющимися глазами и светлой улыбкой. Она пришла в цех несколько лет назад и с первых же дней обратила на себя внимание старых вязальщиц своей старательностью, страстной заинтересованностью работой, неудержимым стремлением выполнить порученное ей дело как можно лучше. И вот, спустя год, у нее появились свои ученики, такие же девушки, как она, пришедшие после школы на производство.

Она старательно обучала их работе на машине, передавала свой небольшой, но хороший опыт. Так постепенно сложился этот девичий коллектив — бригада.

Девушки работают на новых трикотажных машинах марки «МТ» — вяжут трикотажное полотно. Каждая обслуживает четыре цилиндра — четыре станка.

«МТ» — это машина сложная, капризная и, как говорит Люба, «нежная». Чтобы вязать на «МТ» полотно без дефектов, без брака, нужно тщательно ухаживать за ней, хорошо знать ее устройство, ее «повадки», маленькие, но коварные «хитрости». Нужны большая четкость, неослабное наблюдение за работой механизмов. Чуть зазеваешься, просмотришь — значит, провяз, поперечная полосатость — брак в полотне.

Молодежная бригада Кохановой освоила это нелегкое дело, добилась бесперебойной работы доверенных ей станков.

Нет, не зря взяли девушки обязательства: «сознательно, по-коммунистически относиться к эксплуатации машин, давать продукцию высокого качества».

Полотно, которое изготавливает бригада Кохановой, не имеет дефектов.

Тут экономят во всем. Вот такая мелочь, как иглы к машине «МТ»... На килограмм выработанного полотна их положено четыре, а в бригаде Кохановой расходуется только две. И эта маленькая экономия дает производству общей годовой экономии на тысячи рублей.

На таких мелочах тоже проявляется то большое, новое, что принесло с собой людям коммунистическое соревнование.

«Всех нас объединяет сознательное отношение к труду. Труд для нас — не только средство к существованию, а физическая и духовная потребность, форма активного участия в дальнейшем развитии общества. Закон бригады: один за всех, все за одного. Все радости и горести делить сообща».

Так записали называемские вязальщицы в своем обязательстве.

Девушки дали слово ежедневно вырабатывать трикотажного полотна на 30—40 процентов больше, чем положено по норме. Бригада тщательно подсчитала: она сумеет сжать сроки — семилетку выполнить за пять лет.

Бригадир бригады коммунистического труда промкомбината
Любовь Коханова,

За эти пять лет каждый член бригады должен повысить свою квалификацию, получить среднее образование, должен учиться и учиться.

«Отказ от учебы считать отсутствием сознательности», — вот как ставят вопрос вязальщицы бригады Любы Кохановой. Так и записали в своем обязательстве и уже выполняют его.

«Сегодня мы передовики производства. Но не о своей славе, а о славе всего предприятия думаем мы», — говорила Люба, выступая перед рабочими своего цеха. И это было сказано от чистого сердца. Смысл своих успехов, производственных побед бригада видит в том, чтобы они распространялись возможно шире.

Передовые трикотажницы с готовностью делятся своим опытом, своими производственными «секретами» с товарищами по работе.

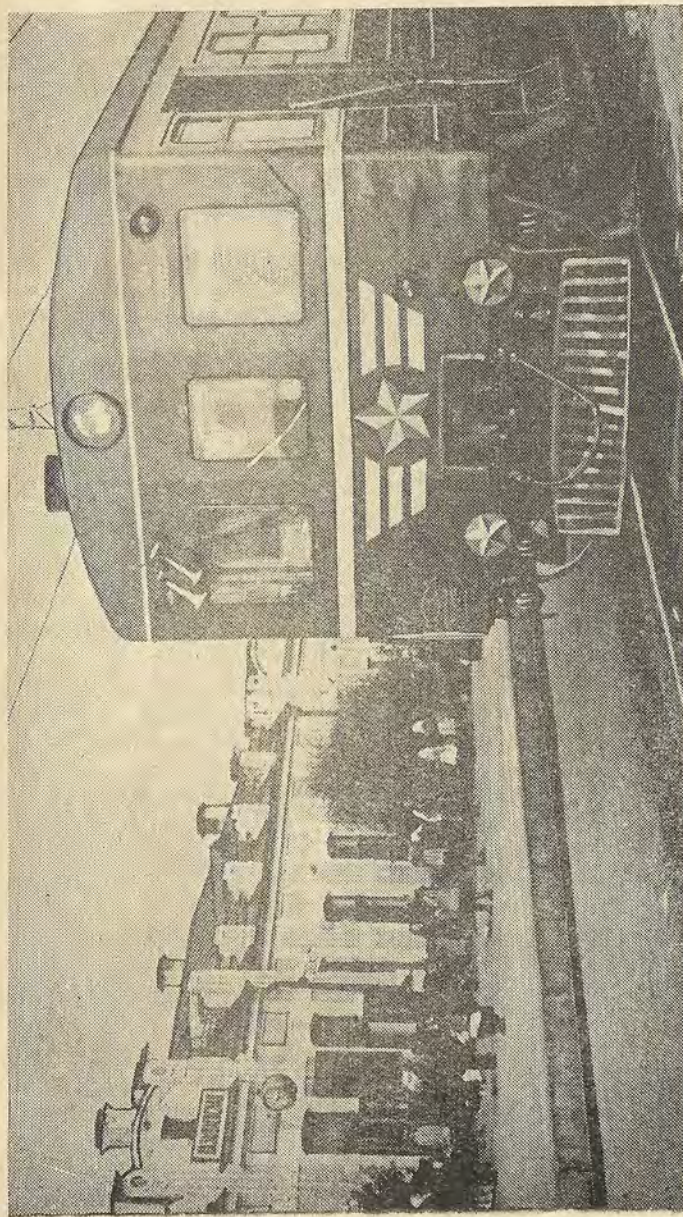
Глядя на подруг, подтягиваются, берут повышенные обязательства, лучше работают все трикотажницы, текстильщицы, все рабочие комбината.

Коммунистическое соревнование ширится на всех предприятиях города...

Кроме промышленного комбината, в Называевске есть еще мясокомбинат, перерабатывающий ежегодно тысячи тонн мяса; птицекомбинат с инкубаторной станцией; кожзавод — он поставляет свою продукцию двум московским фабрикам и омским обувным предприятиям; пищекомбинат; хлебный элеватор; маслозавод, изготовляющий высококачественное масло «экстра», сухое молоко, «сгущенку». Завод этот реконструируется, расширяется, отстраивает новые цехи. В скором времени называевские маслоделы будут вырабатывать сыры.

Называевский маслозавод, как и тюкалинский, — головной. Под его «началом» работают все маслозаводы района. Они дают ежегодно более чем на десять миллионов рублей молочной продукции.

Называевский район, так же как и Тюкалинский, — зона развитого молочно-мясного животноводства и занимает одно из первых мест в области по производству молока. Называевские колхозы и совхозы славятся своими прекрасными молочными стадами. Молочно-мясная специализация колхозного и совхозного производства и определила развитие маслодельной и мясной промышленности Называевска.

К перрону Называевского вокзала подходят электропоезда.

Большое место в жизни Называевска занимают железнодорожные предприятия: 3-я дистанция пути, депо, энергоучасток с его мощной тяговой подстанцией, дистанцией контактной сети, с обширным сложным электрохозяйством.

Тут сосредоточены кадры железнодорожников — рабочих, инженерно-технической интеллигенции, создано научно-техническое общество, прекрасный технический кабинет при депо, библиотека, которые ведут большую работу по пропаганде технических знаний.

Тут один из центров технической культуры города. Электрификация железнодорожного участка Омск—Называевск была завершена в 1956 году.

К 1960 году будет осуществлена сплошная электрификация города.

Современная география Называевска такова, что этот город играет большую роль в экономике не только своего района, но становится одним из экономических центров всего северо-запада области.

От Называевской железнодорожной станции расходятся автомагистрали в северном направлении — в Крутинский, Тюкалинский районы.

Но Называевск не только перевалочная база для соседей. Предприятия города перерабатывают продукты животноводства и полеводства тяготеющих к нему районов.

Тысячи тонн мяса, кож, молока, хлеба проходят через называевские мясокомбинат, маслозавод, кожзавод, элеватор. Промышленность города уже не может справиться с переработкой из года в год все возрастающего потока сельскохозяйственных продуктов.

Экономические сдвиги последних лет — поднятие целинных земель (только в одном Называевском районе за последние годы поднято около 50 тысяч гектаров целины), бурное развитие общественного животноводства — все это обеспечило небывалый рост сельскохозяйственного производства. Теперь местная промышленность не в состоянии переработать продукты животноводства даже одного своего района.

Сырьевая база в районе обгоняет промышленную. Но семилетний план выравнивает эти своеобразные «ножницы».

Семилетка обогатит Называевск новыми большими промышленными предприятиями.

На окраине города возводится крупнейший на северо-западе Омской области механизированный мясокомбинат, мощный холодильник новейшей конструкции. К будущему предприятию прокладывается колея железной дороги, водопроводные магистрали.

На это строительство государство ассигновало 20 миллионов рублей.

А неподалеку другая самая большая стройка Называевска — огромный элеватор.

На пятидесятичетырехметровую высоту поднялась его рабочая башня. Отсюда зерно по соединительным галереям будет поступать для хранения в силосные башни, вмещающие 12 тысяч тонн хлеба.

Над фундаментом будущего зерносклада плывет стрела подъемного крана. Вблизи ворчит экскаватор — роет котлован для приемного корпуса.

Индустриальный строительный пейзаж!

В одном из отстроенных уже корпусов организовано производство бетонных блоков.

Строительство тут ведет СМУ — строительномонтажное управление.

На стройке работают и омичи, и местные жители. Депутат Называевского горсовета Тамара Волкова работает здесь с первых дней создания СМУ. Вместо 20 кубометров по норме ее бригада укладывает 27—30 кубометров бетона за смену.

Да, в Называевске появились новые строительные профессии! Плотника на индустриальной стройке заменил монтажник, крановщик, бетонщик.

Элеватор и мясокомбинат — большие стройки семилетки в Называевске. Но в городе еще много строительных площадок. Почти все предприятия в нынешнем семилетии реконструируются, сооружаются новые корпуса, новые цехи.

Называевский пищекомбинат строит кондитерский, маслобойный, бондарно-тарный, хлебобулочный и другие цехи.

Большая реконструкция идет на маслозаводе. Этот завод фактически отстраивается вновь, здесь устанавливается новая аппаратура.

Такая же капитальная реконструкция, перевооружение всей техники — на кожзаводе, который к концу семилетия увеличит выпуск своей продукции в четыре раза, будет ежегодно изготавливать кожаных изделий на 12 миллионов рублей.

Завершается сооружение новой ткацкой фабрики промкомбината. О том, как широко развернется строительство на этом предприятии, мы уже говорили.

Железнодорожное хозяйство Называевска обогатится новым цехом периодического ремонта при депо. Будут реконструированы станционные пути, установлена автоматическая блокировка.

Все эти новые и реконструированные предприятия обеспечит промышленным током железная дорога, ее энергоучасток.

Электрификация Называевска, его предприятий за счет высоковольтной линии железной дороги открывает широкие перспективы для индустриального развития города и всего района в нынешнем семилетии.

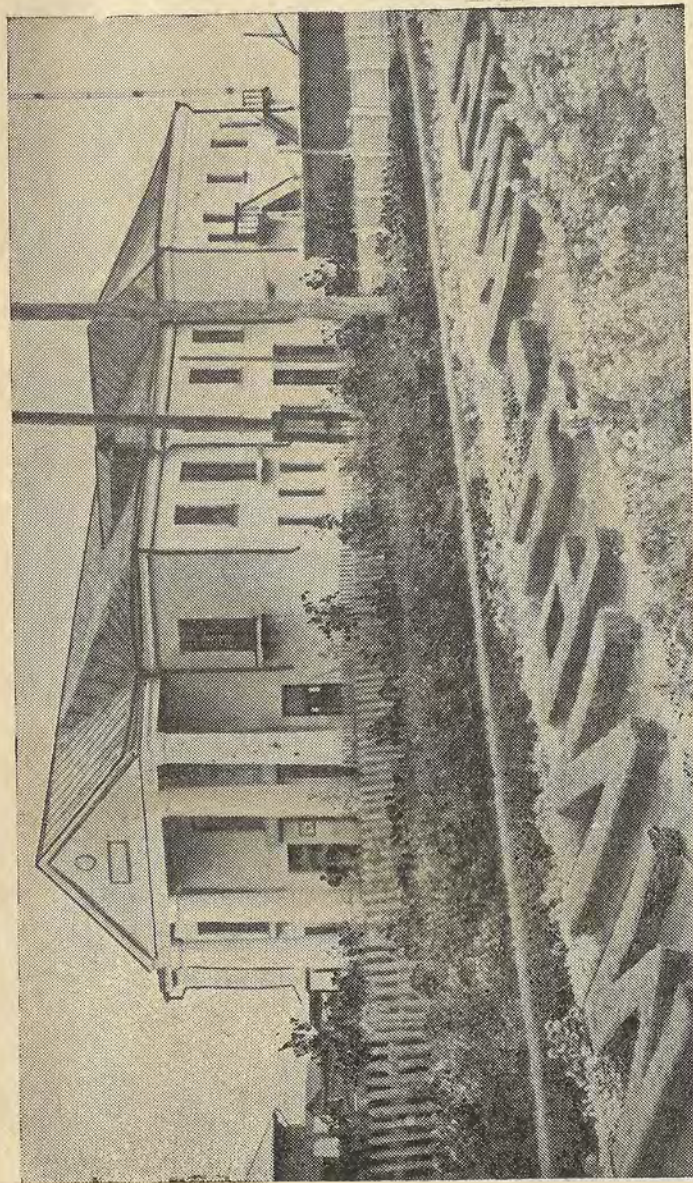
Называевск стал крупным культурным центром района.

Тут шесть школ, в них около 2 000 учащихся, училище механизации, созданное в 1954 году и успешнее за этот срок подготовить 1 200 механизаторов для колхозов и совхозов области.

В городе шесть библиотек, пять клубов, два кинотеатра. Средоточием культурной жизни Называевска стал Дом культуры. Это новое белокаменное здание привлекает многих называевцев, особенно молодежь. Среди участников художественной самодеятельности Дома культуры и руководитель бригады коммунистического труда Люба Коханова, и закройщица промкомбината Лида Брук, и будущие трактористы-машинисты курсанты училища механизации, и директор железнодорожной школы № 3 Алексей Васильевич Вологин, и секретарь-машинистка Валентина Сенека.

Много лет играют на самодеятельной сцене телеграфистка-железнодорожница Клавдия Александровна Рассадкина, художник Леонид Зарва-Собко, электрик энергоучастка Федор Панков.

Тут свои устоявшиеся «кадры» любителей драматического искусства, пения, народного танца.

Называевский дом культуры.

Больше ста человек принимают участие в художественной самодеятельности называевского Дома культуры.

В исполнении самодеятельных актеров горожане видели здесь такие спектакли, как «Платон Кречет», «Калиновая роща» Корнейчука, «Шельменко-денщик» Квитко-Основяненко, «В поисках радости» Розова, «Чужой ребенок» Шкваркина, «Человек в отставке» Сафронова, «Одна» Алешина, «Голос Америки» Лавренева, «Я хочу домой» Михалкова. Даже этот далеко не полный перечень постановок дает представление о разнообразии репертуара Называевского самодеятельного драматического коллектива.

По отзывам омских режиссеров-профессионалов, эти самодеятельные спектакли поставлены на уровне профессиональных театров. Вот почему почти каждая из этих постановок шла десятки раз при переполненном зале.

Актив Дома культуры стремится разнообразить свою работу. Кроме обычных концертов, тут устраиваются так называемые тематические вечера.

Надолго запомнились называевцам майский «ситцевый бал» молодежи, «вечер девушек», на котором были устроены интересные выставки вышивок, вязаний, домашнего шитья. Лучшие рукодельницы получили призы.

Называевский Дом культуры тесно связан с сельскими клубами, красными уголками. Его драматический коллектив, хор, струнный оркестр часто выезжают в совхозы, колхозы района. Все спектакли, поставленные называевским драмкружком, с успехом прошли на сценах совхозных и колхозных клубов.

Агитбригада Дома культуры (а в ее состав вошли лучшие силы самодеятельных коллективов) только в пору уборочной 1958 года выступила с 70 концертами на полевых станах.

На Всероссийском смотре культучреждений Называевский Дом культуры получил диплом «Лучшему Дому культуры Российской Федерации».

Молодой город быстро расширяет свои границы.

За последние годы тут появилось много новых красивых общественных и жилых домов, изменивших облик улиц.

Там, где недавно был пустырь, поднялось белокаменное здание с колоннадой у парадного входа — новый Дом культуры. А вокруг него разбит прекрасный сквер с цветниками.

Пройдемтесь дальше — по смежным улицам города, и вы увидите новое здание городской библиотеки, просторный корпус терапевтического отделения больницы, баню, новые жилые дома.

К северу, за полотном железной дороги, вырос квартал жилых двухэтажных домов железнодорожников, здание средней школы, строится интернат.

Только за последние два года называевский коммунальный хоз зарегистрировал в городе 400 новых жилых домов.

Как и в других городах, в Называевске много строительных площадок. Больше четырех миллионов рублей ассигновано в нынешнем семилетии на одно лишь жилищное строительство.

А сколько новых общественных зданий появится тут за это время?

На Базарной площади поднимется широкоэкранный кинотеатр. Это будет одно из красивейших, как утверждают называевские строители, зданий в городе.

За годы семилетия в Называевске будут выстроены Дом связи, Дом пионеров, средняя школа, интернат, поликлиника, двухэтажный универмаг, книжный магазин, комбинат бытового обслуживания, детский сад, ясли.

Это, конечно, далеко не все новостройки, но и они дают представление о размахе строительства в Называевске, о том, как преобразится облик города за семилетие.

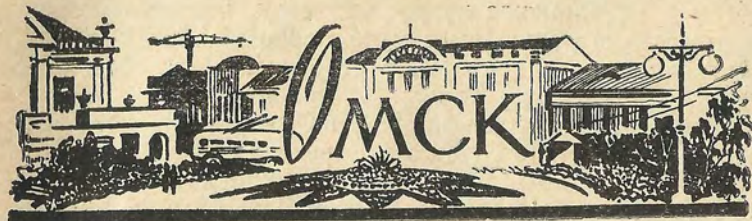
Оденется в асфальт привокзальная площадь и главные магистрали, заасфальтированы будут тюкалинский и крутинский тракты.

Многое делается в Называевске для озеленения улиц, площадей. В 1958 году здесь было высажено до 30 тысяч деревьев, кустарников. Разбиты сады на площади возле здания новой библиотеки, Дома культуры, у городского стадиона. На бывшем сенопункте засаживаются аллеи Парка культуры и отдыха.

Называевск, конечно, нельзя еще назвать зеленым городом, но начало этому положено, хороший почин сделан. В два-три года в городе намечено высадить 80 тысяч деревьев и кустарников, опоясать Называевск зеленой

полосой. Эта полоса протянется от промкомбината до тюкалинского тракта и дальше по северной стороне до крутинского тракта. К концу семилетия эти старинные сибирские тракты будут заасфальтированы и озеленены.

Называевск только рождается как город. И называевцы готовят своего новорожденного к большому будущему. В этом будущем (а оно отчетливо вырисовывается в нынешнем семилетии) Называевск видится крупным центром мясо-молочной и легкой промышленности, большим транспортным узлом на северо-западе нашей области.

Старый Омск, как и все города Российской империи, имел свой герб. На этом гербе был начертан казахский надмогильник, увенчанный царской короной.

Сие означало по толкованию генерал-губернатора Шмидта: верноподданность степного края царствующей династии.

Да, эмблемой старой степи, Степного края, эмблемой его административного центра был надмогильник!

Много их было раскидано по степным кочевьям Прииртышья. Ничего другого не могли разглядеть учредители геральдики в бескрайних прииртышских просторах.

Если бы наши советские города имели свои гербы, в герб нового Омска прежде всего нужно было бы вплести как эмблему современного Прииртышья — новый Омский элеватор-гигант.

Высоко взметнул свои массивные железобетонные стены на крутом яру Иртышского левобережья Омский элеватор. Длинные его рукава протянуты к реке, к караванам барж у причалов.

Густые янтарные шуршащие зерна нескончаемым потоком текут из кузовов автомашин, из трюмов грузовых теплоходов, барж по пневматическим дорогам-трубона-

сосам в исполинское нутро элеватора, поднимаются на семидесятиметровую высоту по нориям рабочей башни, засыпаются в сепараторы, в огромные железобетонные колодцы — силосные башни. Миллион пудов хлеба перерабатывают за сутки механизмы Омского хлебного элеватора — самого большого в Европе и Азии.

Этот элеватор-великан, встречающий нас у въезда в город, — как бы эмблема, опознавательный знак Омска. Он указывает — наш город стоит в сердце богатой житницы Сибири. Множество нитей связывает его с фабриками зерна, созданными за последние годы в Прииртышье.

Он напоминает: сто миллионов пудов зерна дает ежегодно стране Омская область.

Но не только один элеватор-гигант определяет лицо современного Омска. В герб города можно было бы вписать серебристые колонны нефтеперерабатывающих установок, разные сложные машины, созданные руками омских рабочих, густую сеть высоковольтных электропередач, по которым течет энергия, вырабатываемая омскими теплоцентралями, и еще многое, многое.

Давайте же пройдемся по улицам современного Омска, посмотрим, каким он стал в наши дни.

Неотъемлемой частью омского пейзажа, как и других городов, стали строительные леса, длинные клювы башенных кранов, экскаваторы, роющие котлованы для фундаментов будущих зданий.

...Клетки лесов высоко возносятся над кварталами приземистых деревянных домишек, обгоняют старые «многоэтажки» города.

Не так давно освободилось от опалубок здание омского железнодорожного вокзала.

Вокзал реконструирован. Точнее, тут воздвигнуто новое монументальное здание — вокзал-дворец с обширными залами ожидания, гостиницей, рестораном, буфетами, детскими комнатами.

А к перронам вокзала прибывают с востока и запада электропоезда. Они проходят по самой протяженной в Советском Союзе — тысячекилометровой электролинии Новосибирск—Омск—Исиль-Куль.

Громяхающую, с одышкой, громаду паровоза сменил щеголеватый, поблескивающий цветным лаком электровоз.

За семилетие на электротягу перейдет вся огромная транссибирская линия.

Омская дорога — основная магистраль, связывающая на транссибирском пути западные районы страны с восточными, будет полностью электрифицирована в ближайšie два года. Депо ее пополнятся мощными электровозами новейшей конструкции.

Экономисты подсчитали: Омская железная дорога выполняет такой же объем перевозок, как дороги Англии, Бельгии, Голландии, Швеции, Норвегии, вместе взятые.

Только за один 1958 год она перевезла больше трех миллионов тонн зерна — урожаем сибирских целинных земель.

В Омске железнодорожная магистраль как бы смыкается с крупной водной артерией Сибири — Иртышом. Многие сотни тысяч грузов перебрасываются с омской железнодорожной станции к причалам порта, грузятся на суда, которые уходят на Крайний Север — в Ханты-Мансийск, Салехард, Новый Порт. Много грузов идет в верховья Иртыша и за пределы Советского Союза — в Северо-Западный Китай.

Вокзал находится от центра города на расстоянии семи километров. Когда-то это пространство было пустырем. Кривые балки, затянутые плесенью болота, тощие, обшипанные козами кустарники — вот что можно было тут увидеть.

Город встречал приезжих убогими «мариупольскими» землянками — так назывались кварталы, где ютились рабочие омского пивоваренного «короля» Мариупольского.

Старожилы Омска еще помнят эти убогие, похожие на могильные холмики, жилища.

В 1936 году пустырь прорезала трамвайная линия, соединившая вокзал с центром города. Тогда же тут появились первые многоэтажные дома.

В послевоенные годы в привокзальном Ленинском районе начали застраиваться целые кварталы многоэтажных домов. Рядом с трамвайной линией пролегла новая автострада. Широкое, одетое в асфальт полотно проходит через весь город (до конечной ее остановки более 40 километров — так далеко раздвинулись границы

Омска!) и, подобно многоводной реке, ответвляет притоки — боковые асфальтированные магистрали.

Вдоль автострады поднялись кварталы многоэтажных домов.

Новые здания теснят деревянные домишки, сметаю их на своем пути.

А с севера, на «соединение» с этими новостройками, наступают на захламленные улочки старого деревянного Омска новые здания улицы имени Карла Маркса. Эта улица радует глаз изящной отделкой, жизнерадостным архитектурным оформлением своих домов, россыпью каскадного фонтана в молодом саду имени 30-летия комсомола, разбитого на месте товарного двора.

Впрочем, омичи уже начинают забывать, что тут был товарный двор.

Все дома здесь пятиэтажные, выстроенные по единому типовому проекту.

Давайте зайдем внутрь одного из этих домов-новоселов.

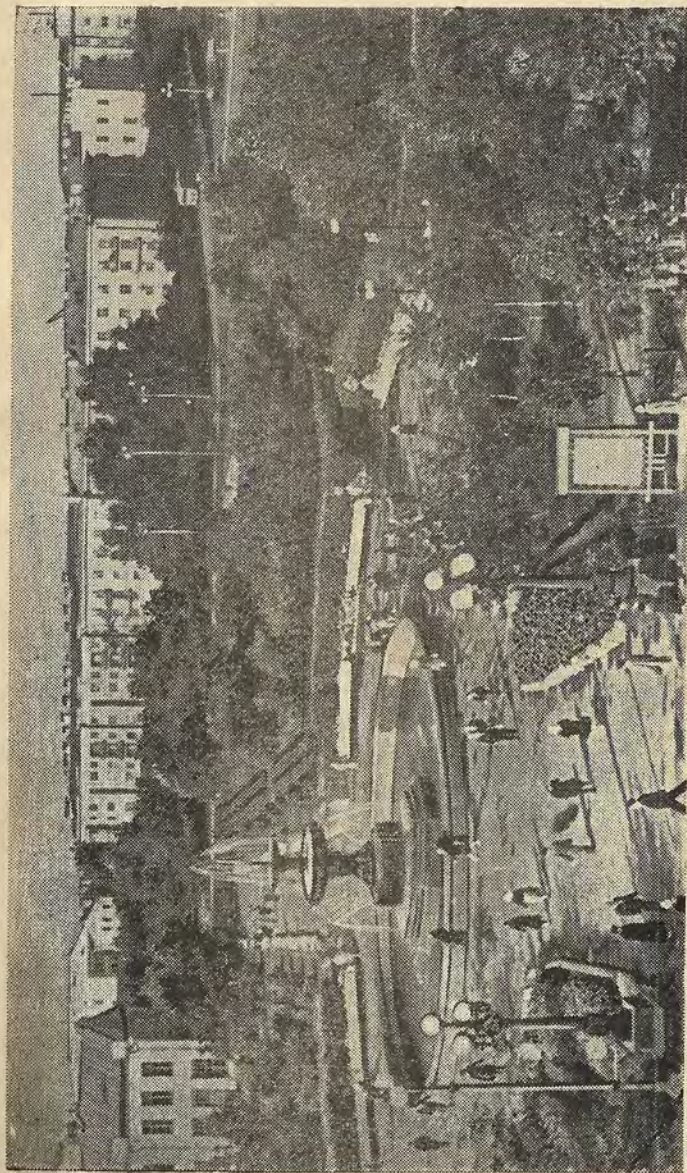
Поднимемся сразу на пятый этаж. В квартире две комнаты, кухня со шкафом для холодильника, газовой плитой, ванная с холодной и горячей водой. Есть все необходимое для того, чтобы людям тут хорошо, удобно жилось.

Решения партии и правительства, решения XXI съезда партии о расширении жилищного строительства, о благоустроенной квартире для каждой семьи принимают реальное воплощение, на глазах претворяются в действительность.

В исполкоме Омского горсовета можно познакомиться с такой статистикой.

Только за последние два года в Омске выстроено 700 тысяч квадратных метров жилой площади. Двадцать четыре тысячи омичей получили благоустроенные квартиры в новых домах. А за семилетие омичам предстоит соорудить в своем городе еще два с половиной миллиона квадратных метров. За эти семь лет тут, на берегу Иртыша, будет возведен второй город, превосходящий своими размерами существующий Омск (а Омску 243 года, и жилой фонд его достиг уже 2 миллионов 430 тысяч квадратных метров).

В городском отделе архитектуры есть «сектор генплана» — генерального плана города. Он чем-то напо-

Площадь Дзержинского.

минает сейчас штаб, готовящий свои полки к большому наступлению.

Тут, в этих лаконичных, беспокойно бегущих линиях, в рабочих синьках, рождается новый Омск великого семилетия.

Главный архитектор Борис Владимирович Антипов поведет вас по улицам будущего Омска.

На опорной карте, распластавшейся на стене, вы увидите правильные грани кварталов, вписанные в зеленые бульваров, парков, дворцы культуры, спорта, кинотеатры, школы, детские сады.

Два с половиной миллиона квадратных метров новой жилой площади! И семьдесят процентов из этих миллионов будут пятиэтажными домами.

Так записано в семилетнем плане Омска. Это экономнее, быстрее, красивее.

Начиная с 1959 года, в городе возводятся только многоэтажные здания. В этом характерная, отличительная черта жилищного строительства нынешнего семилетия в Омске. Омск должен стать многоэтажным городом!

И еще архитектор укажет вам на такую отличительную черту генплана.

Строительство проектируется и ведется широким фронтом, крупными площадками (недаром же архитекторы называют это большим наступлением на старый Омск).

А каждая такая «площадка» в будущем — целый городок.

Заглянем на одну из таких площадок. Она находится почти в центре города и называется «намывом». Совсем недавно тут были склады лесоперевалочной базы. Низкий, заболоченный берег, изрытый балками, оврагами, загроможденный штабелями леса. Что и говорить, — это место мало красило Омск!

Когда лесоперевалка убрала свое хозяйство, сюда пришли землесосы. Намыли новый грунт, затянули плещины болот, разгладили морщины оврагов.

И только после того, как был изменен «лик земли» — почвенный покров, начались строительные работы.

На этой «площадке» разместятся три крупнейших микрорайона города. А каждый такой микрорайон — это не только благоустроенные жилые дома, но и школы,

клубы, библиотеки, кинотеатры, спортивные павильоны, даже — пляжи.

Тут все предусмотрено для удобной жизни, быта, для отдыха, развлечения.

Эта «площадка намыва» в близком будущем обещает стать одним из красивейших уголков Омска.

Все это будет! А пока тут почти все побережье вздыблено железобетонными фермами, лесами, изрыто котлованами.

Каркасы стен, фундаменты будущих зданий... Их, кажется, здесь больше, чем домов.

330 тысяч квадратных метров жилой площади (двести пятиэтажных домов) возведут омские строители на одной этой «площадке намыва» за три года семилетки.

Тут будут жить сорок тысяч омичей.

Такие гигантские строительные «площадки» — очаги наступления на старый деревянный город — есть почти в каждом районе Омска.

Город строится с размахом и перспективой.

Омские архитекторы начинают забывать о том времени, когда проектировали отдельные здания, вкрапливали их в старые улицы. Сейчас проектируются целые ансамбли, кварталы типовых домов, меняющие планировку, перекраивающие город.

В этих новых типовых домах, рождающихся сегодня, строгость и простота форм сочетается с большой заботой о бытовых удобствах, экономичности строительства. Ведь типовое на языке строителей должно значить — лучшее из лучших, заслуживающее широкого распространения.

... Омский строительный трест № 2 возводит пятиэтажный дом за 115—120 дней. По старым понятиям — неслыханно, сказочно быстро! Так сжимает, сокращает сроки индустриальный метод строительства.

Фундаментные блоки, перекрытия из железобетонных плит, лестничные марши, площадки, балконы, карнизы, плиты — все это собирается, монтируется уже из готовых деталей — блоков, доставленных на строительную площадку контейнерами.

Пятитонные башенные краны подхватывают комнатную перегородку, и она въезжает на третий этаж. Рабочие только направляют, регулируют движение механизмов.

Дом тут собирается из деталей-блоков, как в сборочном цехе машина.

Эти детали изготавливаются на полигонах, в цехах омских заводов железобетонных конструкций. За последние годы в городе создана своя строительная индустрия — крупный трест строительно-промышленных предприятий Омского совнархоза. Он объединяет кирпичные заводы и бетонные заводы, деревообрабатывающие комбинаты, заводы железобетонных конструкций с их огромными полигонами, оснащенными новой, сложной техникой.

На стройках бытует термин «шаг потока». И строители всемерно стремятся укоротить этот «шаг».

Чем лучше организовано строительство, чем больше оно оснащено техникой, индустриализировано, тем короче «шаг потока», тем быстрее рождаются в городе новые дома.

Много нового можно увидеть на строительных площадках.

... Еще не закончена кладка этажа, а штукатуры уже начинают его отделывать. Это так называемая совмещенная кладка. А ведь исстари было заведено: штукатуры приходили в дом, когда он уже имел крышу. Не зря сложилась поговорка: «Каменщик со штукатуром встречаются, чтоб попрощаться».

Совмещенная кладка ликвидировала это, казалось бы, незыблемое правило стройки. Теперь каменщик работает рука об руку со штукатуром, ведет его за собой.

А вслед за штукатурами идут электрики, сантехники, маляры.

Так создается непрерывный поток: одна бригада идет по пятам другой, теснит ее, сжимает сроки, ускоряет «шаг потока», экономит затраты труда.

Много новых фундаментов заложено в Омске. Посмотрите, сколько башенных кранов вскинули над городом свои стрелы-клювы...

На Всемирной выставке в Брюсселе на стендах советского павильона, посвященных достижениям лучших людей нашей промышленности, можно было увидеть портрет омского каменщика, депутата горсовета Бориса Цементы. Тонкое, несколько резко очерченное, одухотворенное лицо. Под широкими раскрытыми бровей — темные, горячие глаза.

Такие лица обычно бывают у художников, музыкантов, людей творческого труда. И первое впечатление не обманывает. Этот сибирский каменщик, чей портрет экспонировался на Всемирной выставке, — человек творческого труда, художник своего дела. Короткая аннотация рассказывает, как он строит дома в далеком сибирском городе Омске на берегу Иртыша.

Цемент первым в городе организовал комплексную бригаду, включился в скоростной поток строительства. Он взял под свою руку и штукатуров. И они у него идут вслед за каменщиками, используя те же леса. Такая комплексная «совмещенная кладка» дает огромную экономию труда, материалов, сокращает сроки строительства, «шаг потока».

«Цементники» (так на строительстве называют эту бригаду — по фамилии ее бригадира) выполнили свой годовой план на 150 процентов. Они не только перекрывают производственные нормы, но и экономят на каждом кубометре кладки 30 кирпичей. Из кирпича, сэкономленного этой бригадой, уже строится многоэтажный дом.

Семнадцать лет работает Цемент на стройках Омска. Многие узы связывают его с этим сибирским городом.

Он приехал сюда совсем молоденьким парнишкой в трудные военные годы из Заднепровья.

Тут он впервые одел рабочую спецовку, взял в руки мастерок, кельму, вывел неумелой еще, неуверенной рукой первую свою «захватку» будущей стены.

Этот многоглазый паренек рос вместе с городом, поднимался все выше по лесам омских новостроек.

В годы войны он строил рабочие бараки, потом поднялся над одноэтажным Омском: вел кладку первых трехэтажных домов.

Какими исполинами они казались рядом с приземистыми соседями. Но и эти исполины стали карликами, когда Цемент перешел на пятиэтажные дома.

Как хорошо идти по улице города и узнавать свои дома! Пожалуй, только строитель может понять это!

Вот многоэтажный светлый красавец на Площади Серова. И дальше — весь новый квартал, и такой же квартал на улице Гусарова, и цехи Сибзавода, и корпуса кордной фабрики...

Таких «своих» домов у депутата горсовета каменщика Цементы несколько десятков.

Труд его нелегкий, заставляющий сполна испытать и лютость прииртышской стужи и знойное дыхание летней степи, кажется ему прекрасным.

Он хочет строить еще и еще. Чтобы весь Омск был в светлых новых домах, чтобы вовсе не осталось в городе хилых, сутулых домишек, скучных серых заборов.

... До чего же интересно бродить по городу, читать его как книгу.

Вот мы идем по улице Республики. На этой старинной улице можно проследить почти все стадии омского градостроительства.

Тут можно увидеть и старинный особняк, отстроенный наказным атаманом Сибирского казачьего войска в начале прошлого столетия, и вросшую в землю саманную избу, поставленную, видимо, для атамановой челяди, и рядом светлые кварталы новых домов 50-х годов нашего столетия, и только заложенные фундаменты будущих зданий, над которыми уже заботливо склонились старательные руки кранов, и в широком просвете меж кварталами — величавую панораму строительства нового огромного железобетонного моста через Иртыш. Этот мост соединит центр города с левобережьем, примет большую транссибирскую автомагистраль.

... Против городского сада высится колоннада бывшего Сибирского кадетского корпуса. Это здание было возведено в 1826 году. У главного входа мемориальная доска: «Здесь в 1898—1905 годах учился Валериан Владимирович Куйбышев».

В одной из комнат этого здания юный Куйбышев писал в 1905 году свой протест против январского расстрела рабочих в Петербурге.

Отсюда он в «форменной шинельке, при тесаче» приходил на конспиративную квартиру, в железнодорожные мастерские.

На массивной стене старинного здания установлена еще одна мемориальная доска — здесь учился, а позднее сам преподавал уроженец Омска Дмитрий Михайлович Карбышев.

Доктор военных наук, ученый и солдат, он отдал свою жизнь во имя Родины в годы Великой Отечествен-

ной войны. В далеком австрийском городе Маутхаузене стоит памятник — строгий мраморный обелиск. На постаменте короткая надпись:

«Герою Советского Союза генералу Дмитрию Михайловичу Карбышеву».

Фашисты хотели использовать знания выдающегося русского фортификатора. Ему предлагали возглавить военные инженерные работы в Германии, обещали чины, почести, богатство. Но на все уговоры он коротко отвечал: «Я — коммунист». Тогда его бросили в Маутхаузенский лагерь смерти, подвергли пыткам. Шестидесятилетнего человека жгли каленым железом, подымали на дыбу.

Но пытки не сломили воли коммуниста. И фашисты придумали для Карбышева изощренную казнь. В феврале 1945 года палачи вывели его на плац концлагеря и начали поливать из шлангов водой. Тяжелые струи обрушились на тело, застывали, сковывали ледяной корой. Человек был превращен в ледяное изваяние.

Целую неделю стояла ледяная статуя на Маутхаузенском плацу «для назидания непокорным». И она назидала: смертью своей русский генерал учил, как надо служить Родине. Это было бессмертие!

И еще одна мемориальная доска установлена на фронтоне этого же здания...

Начальник Омского пехотного училища, депутат Омского горсовета, Герой Советского Союза Леонтий Николаевич Гуртьев командовал прославленной дивизией сибиряков на большом Сталинградском рубеже. Его дивизия стояла на направлении главного удара и отразила сто семнадцать яростных фашистских атак. Гуртьев погиб в боях за Орел.

Воспитанники этого училища — Герои Советского Союза Юрий Тварковский и Николай Бенеш — отдали жизнь в боях за Родину.

... Улица Республики приводит к Оми, к старому железному мосту. Омские старожилы называют его «парижским».

Этот мост был приобретен омским городским головой Остапенко в 1896 году на Всемирной выставке в Париже. Но «парижанину» не повезло на сибирской реке. В первый же год пошатнулись его опоры. И пришлось си-

бирским инженерам срочно переделывать, перестраивать французский мост.

На эти переделки ушло столько денег, что омичи в свое время не без основания называли его «золотым».

Тонкие, в завитках перила моста похожи на спинки дешевых кроватей. Деревянный настил весь в пестрых заплатках. Теперь он именуется просто «старым».

А чуть повыше через Омь перекинут на могучих опорах новый мост. Он выстроен в 1954 году. Длинные лестничные марши ступенчатыми каскадами опускаются с крутых берегов к реке. Железобетонное полотно оторочено массивной литой чугунной оградой. Новый мост соединяет важнейшие магистрали города.

Здесь историческое «сердце» города — место, где 243 года назад были поставлены деревянные заплаты первой Омской крепости, а ныне на мраморном постаменте высятся памятник Владимиру Ильичу Ленину. Он далеко виден окрест и словно увенчивает город. Кажется, что Ильич отсюда видит весь наш Омск.

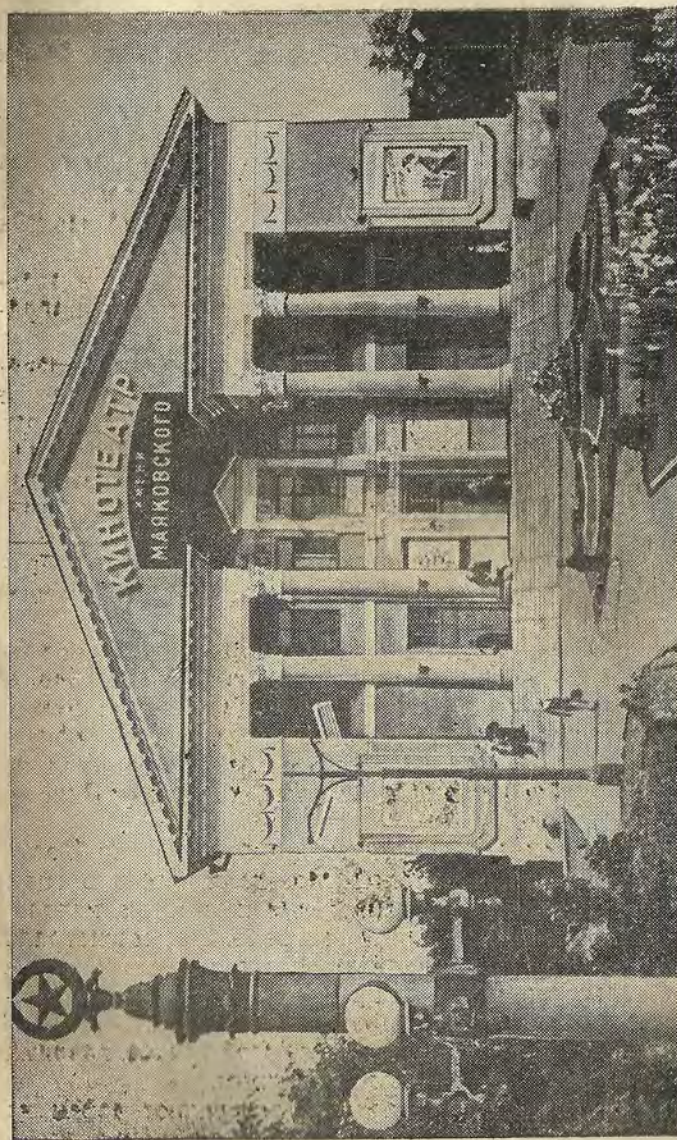
Неподалеку от памятника — старинное с островерхими куполами кирпичное здание — областная библиотека имени Пушкина. Это тоже одна из достопримечательностей города — большой очаг культуры. Достаточно привести такие цифры. В книжном фонде библиотеки около 400 тысяч томов. Тут собраны книги по всем отраслям человеческих знаний. Тут и уникальные научные издания XVIII—XIX столетий по истории Сибири, так называемая «Сибирика», и все новинки наших дней. Ежедневно в просторные, светлые читальные залы библиотеки приходят сотни читателей — рабочие, инженеры, ученые, студенты. Двадцать тысяч читателей имеет эта библиотека.

...Омск стоит на стыке двух рек.

Почти все магистрали города сбегают к Иртышу и Оми. В пролетах улиц, площадей виден струящийся водяной поток. И от этого в летнюю пору в городе особенно много света и все краски кажутся ярче.

Когда ходишь в такую пору по Омску, возникает ощущение, будто ты в морском порту.

В самом центре города, у устья Оми — на стрелке, стоят суда. Обычно это большие пассажирские пароходы и теплоходы с их легкими этажами-надстройками или

Кинотеатр имени Маяковского.

отдыхающие после рейсов буксиры дальнего плавания. Высокобортные, крутогрудые с длинными тонкими мачтами, сетью снастей, они похожи на морские корабли.

Эти суда так привычны в Омске, что стали как бы частью городского пейзажа, продолжением его архитектурного ансамбля. И когда их нет на рейде, у стрелки, как-то пусто становится в тесно застроенном городе.

Летом Омск живет дыханием реки, ее звуками, ее движением. Живой пояс Иртыша с юга на север охватывает город. И на всем протяжении, на добрый десяток километров, раскинулся рейд Омского порта.

Постойте на берегу у стрелки Оми и Иртыша в навигационную пору, и перед вами откроется большая, напряженная жизнь реки-труженицы.

Вы увидите караваны барж — целые пловучие города, грузовые теплоходы — «самоходки», светлые, легкие корпуса пассажирских пароходов и теплоходов. Все это почти новые суда, они пришли в бассейн в последние годы. Теплоходы уже вытесняют неуклюжие колесные паровые «кадильницы» с огромными пузатыми трубами, низвергающими потоки дыма и копоти. Стройные лихтеры, «композитики» пришли на смену уродливым старухам-баржам, прозванным речниками «курятниками», «корзинками», «солянками».

К причалам Омского порта приходят суда с юга — верховий Иртыша и с Крайнего Севера — Салехарда, Нового Порта. На омском рейде бросают якоря буксиры, испытывавшие свирепые полярные штормы: «Александр Суворов», «Михаил Кутузов», «Россия». Они не раз совершали рейсы в Обскую губу, к острову Диксон, на Новую Землю.

Сто с лишним лет существует пароходство на Иртыше, но только при Советской власти, особенно в годы послевоенных пятилеток, река стала полностью использоваться как транспортная магистраль. Эта магистраль начинается у границ Китая и выходит через низовье Оби к Северному морскому пути. Она связывает солнечные степи Казахстана с тундрами Заполярья.

Омск — самый большой порт на этой трассе, главный пульс на огромном теле реки-труженицы.

Суда Иртышского пароходства совершают рейсы на водных путях протяженностью 15 тысяч километров — на больших и малых реках бассейна.

За семилетие сеть речных трасс еще увеличится. Будут освоены, станут судоходными малые реки: Туй, Оша, Большой Аёв, Уй.

Больше чем вдвое возрастет грузооборот иртышских судов. Особенно увеличится поток таких грузов, как нефтепродукты, лес, строительные материалы, хлеб, товары народного потребления.

Флот Иртышского пароходства пополнят четыреста новых судов.

Уже в нынешнем году — первом году семилетки — на реках бассейна появятся комфортабельные грузопассажирские теплоходы с верфей тюменского судостроительного завода.

Выйдут в рейс рефрижераторные теплоходы, нефтеналивные суда, морские буксиры, быстроходные катера-ракеты.

Изменяют свой облик порт и пристань. На берегах Иртыша поднимутся прекрасные речные вокзалы, благоустроенные пассажирские дебаркадеры.

Река Омь пересекает город в самом его центре. За Омью, за старым железным мостом, взбегают на взгорье центральная улица Ленина — бывший Любинский проспект.

На целый квартал раскинулись двухэтажные каменные здания с когда-то модными пузатыми куполами «ананасами» на крышах, с широкими магазинными витринами — знаменитые московские ряды. Эти «ряды» были построены предприимчивыми московскими мануфактуристами в 900-х годах, когда Омск, по меткому слову Потанина, превратился в «купеческий пакгауз» и шелканье счетов окончательно вытеснило дробь крепостных барабанов.

В свое время это было одно из самых крупных строений в Сибири. Даже петербургская газета «Новое время» называла здание московских рядов в Омске «колоссальным».

Каким приземистым, неказистым выглядит оно по сравнению с новыми многоэтажными зданиями, воздвигнутыми за последние годы в разных частях города.

Квартал московских рядов, кажется, единственный в Омске, на котором нет пока новостроек. Только вместо булыжной мостовой и истертых кирпичных тротуаров

пролегли асфальтированные магистрали и широкие марши новых лестниц поднялись на взгорье, к Дому политического просвещения.

Но сверните влево, пройдите квартал, и на смежной Партизанской улице вы увидите: на месте ветхих складов поднялись корпуса педагогического института, финансового и швейно-технологического техникумов.

Партизанская улица пересекает территорию, которую омичи по старой памяти именуют крепостью. Но от крепости сохранилось лишь несколько небольших сумрачных зданий с узкими щелями окон, похожих на бойницы. Там, где тянулся крепостной вал и стоял омский каменный острог, пролегла Театральная улица.

К этой улице примыкает массивное каменное здание, украшенное фигурными вазами, затейливым лепным орнаментом в стиле позднего барокко — Омский драматический театр. Рядом с театром — тенистые аллеи сквера, в известной мере тоже исторического для омичей. Он был заложен на месте замусоренных обжорных рядов, мучных лабазов во время первого коммунистического субботника в Омске — весной 1920 года.

Емельян Ярославский — один из организаторов этого субботника — писал в издававшейся в Омске газете «Советская Сибирь»: «...Каждый зеленый листок на засаженных кустами бульварах будет славить наш первомайский труд даже тогда, когда никого из нас не будет в живых. Это навсегда!»

Да, это тоже памятник, оставленный первыми строителями советского Омска.

Но вернемся к театру. Он был воздвигнут в 1905 году. История его постройки весьма характерна для градостроительства царской России и старого Омска, не лишне ее припомнить. В течение ряда лет в Омской городской думе велись разговоры о необходимости иметь в городе театр. «Статочное ли дело: Омск имеет чуть не 40 тысяч жителей и в нем нет ни одного порядочного общественного здания: ни клуба, ни зала, ни театра», — писала газета «Степной край» 8 февраля 1896 года.

В 1898 году городская дума наконец-то признала, что нужно построить театр. Но ввиду... «недостаточности средств» (это у города, имевшего миллионные обороты!), сумела ассигновать на строительство лишь 100 тысяч рублей.

Была создана специальная комиссия, возглавил ее городской голова Остапенко. Свыше трех лет эта комиссия составляла смету, выбирала место для будущего театрального здания.

Наконец, в мае 1901 года на грязной шумной базарной площади состоялась закладка театра. Строительство его длилось пять лет. 24 сентября 1905 года новый театр открыл сезон бессмертной комедией Гоголя «Ревизор».

«Отцы города» изрядно поживились на этом строительстве. В 1906 году в омской газете «Иртыш» № 47 появилась заметка «Отчет театральной комиссии городского театра», начинавшаяся словами: «Наконец-то поднята стыдливая завеса с ореола славы городской думы прежнего состава...» Полное же разоблачение махинаций театральной комиссии дала ревизия, произведенная лишь спустя шесть лет — в 1912 году. Она обнаружила большие денежные хищения и преступную бесхозяйственность театральной комиссии во главе с городской головой Остапенко. Но виновники этих хищений так и не были привлечены к ответственности.

Но не только этим примечателен Омский драматический театр.

На подмостках своего театра омичи видели корифеев сцены — замечательных русских артистов: В. Ф. Комиссаржевскую, А. А. Яблочкину, К. К. Варламова, В. Н. Давыдова. Тут в годы первой русской революции впервые в Сибири зазвучали пьесы Горького. Здесь распространялись революционные прокламации, отпечатанные в подпольной типографии городского комитета РСДРП, проводились бурные собрания, митинги.

В наши дни Омский театр — один из ведущих театров Сибири. В его репертуаре выдающиеся произведения русской и мировой классики, лучшие пьесы советских драматургов.

Летом 1958 года Омский театр был приглашен на гастроли в Москву. На столичной сцене омичи показали свои постановки: «В старой Москве» В. Пановой, «Сердца должны гореть» Л. Митрофанова.

Москва тепло встретила гостей из Омска.

«Этот театр, вопреки всем тревогам, с честью выдержал испытание. Он «прошел» в Москве на сцене Малого театра как нельзя лучше: при полном зале, с аншла-

гами! Успех омичей — это успех хорошей, по-настоящему культурной труппы», — писала в дни омских гастролей газета «Советская культура».

В коллективе драматического театра крупные мастера нашей сцены — заслуженные артисты республики: Агеев, Баратова, Кржечковская, Потоцкий, Филиппов. Все это актеры разносторонних, ярких дарований.

Но особенной любовью в Омске пользуется народный артист РСФСР, старейший сибирский актер Петр Сергеевич Некрасов — бывший воспитанник «Омского убежища для бедных сирот», затем столяр поделочной театральной мастерской. К нему у омичей особое отношение.

Больше полувека назад, в 1906 году, Некрасов дебютировал на омской сцене в безудержно раздольной, вихревой русской пляске. Роль была «немая». С той поры Некрасов сыграл пятьсот ролей. За этой цифрой — пятьсот различных характеров, различных людей... Были среди них люди труда и алчные эксплуататоры, люди большого сердца, воли, мужественно боровшиеся за лучшую долю народа... Сколько жизней прожито!

Но самый любимый герой старого актера-коммуниста — наш современник. С вдохновением художника Петр Сергеевич изучает своего героя, улавливает рождение новых черт в моральном облике советского человека.

Некрасов живет не только жизнью театра. Его часто видят на фабриках, заводах, в железнодорожном депо, школах, институтах города. Он неоднократно избирался депутатом горсовета.

Крепкие узы давнишней дружбы связывают актера со зрителем. Эту дружбу Некрасов ощущает не только во время спектаклей. Идет ли он по улице города, садится ли в трамвай, заходит в рабочий клуб, заводской цех, школу, институт — всюду он чувствует теплое внимание земляков — своих зрителей.

Как-то среди актеров завязался разговор об оседлости. Говорили, что человеку искусства вредно засиживаться в одном городе. Притупляются де ощущения, актер привыкает к зрителю, успокаивается, начинает «лениться», перестает работать над собой, расти.

Петр Сергеевич обрушился на «кочевников»: — Вздорная теория!.. Чем дольше работаешь в одном городе, тем ближе узнаешь своего зрителя, тем дороже он тебе, тем

больше хочется ему сказать со сцены, оправдать его ожидания. А какое это хорошее чувство: идешь по улицам города и узнаешь своих зрителей, свою публику... Ты видишь, как растут люди. Те, что приходили в театр безусыми парнишками-школьниками, учениками ремесленных училищ, студентами, стали специалистами, знатными токарями, слесарями, инженерами, учеными. Ты узнаешь об их славных делах и думаешь: есть и доля твоего актерского труда в этом росте человека.

Кажется, актер Некрасов испытывает то же чувство, что и знатный каменщик Цемент. Он чувствует себя строителем нового Омска.

Да простит читатель это небольшое отступление от нашего путешествия по городу. Но такие люди, как Петр Сергеевич Некрасов, неотъемлемы от города и его истории.

И когда заходит разговор об Омске, его прошлом и настоящем, омичи непременно вспоминают старого актера.

Гордятся омичи своим русским народным хором. Это еще совсем молодой, но самобытный творческий коллектив был создан в 1950 году.

Песни Омского хора известны за пределами Омска, Сибири. Орбита его гастролей в стране от Москвы, Ленинграда, республик Прибалтики до Дальнего Востока. Украина, Белоруссия, Крым, Кавказ, Казахстан, — где только не побывали омские песенники!

Омская песня перешагнула границы страны, завоевала звание лауреата Всемирного фестиваля молодежи, золотую медаль, диплом 1-й степени. Ее слушали наши друзья в Румынии, в Германской Демократической республике, в городах Федеративной Республики Германии — Киле, Ганновере, Эссене, Мюнхене, Нюрнберге, Дортмуте. И всюду она, как писала одна немецкая газета, «пленила сердца и души своей широтой, свежестью яркостью красок».

В этих песнях воспеваются величавая краса земли сибирской, неоглядная ширь ее степей, тайги, могучая сила рек. В этих песнях — и это главное — сила, мужество, непреклонная воля наших людей в труде, в бою, их душевная красота, любовь к родине.

Свой репертуар Омский хор черпает из чудесного, неиссякаемого родника народного творчества Сибири.

Его песни рождаются в наших степях, на полевых станах, фермах, в лесосеках, цехах.

Омский хор силен этой своей кровной связью с народными песенниками, сказителями, собирателями сибирского фольклора. В его репертуаре более ста песен. Многие из этих песен записаны в районах Омской области и обработаны заслуженным деятелем искусств Е. В. Калугиной и заслуженным артистом РСФСР В. И. Ивановым. Немало песен создали артисты хора, талантливые народные песенники, бывшие колхозники — Аграфена Оленичева, Виктор Жуков.

Почти все актеры этого своеобразного ансамбля пришли на сцену из заводской и колхозной художественной самодеятельности.

Вчерашние колхозницы: Мария Рожкова, Софья Потапенко, тракторист Леонид Шароха, токарь Иван Загвоздкин — недавние участники хоровых, танцевальных кружков — стали профессиональными актерами-солистами.

Кажется, совсем недавно радист Анатолий Малахов передавал в эфир донесения с борта тихоокеанского корабля, работала на сапоговаляльной фабрике Тамара Гольцова, Виктор Иванов дирижировал небольшим клубным оркестром, пела на сцене гарнизонного клуба жена военнослужащего Мария Селиванова — и вот они уже заслуженные артисты республики.

И художественный руководитель хора, его душа, организатор, заслуженный деятель искусств РСФСР Елена Владимировна Калугина еще не так давно преподавала в Омской музыкальной школе, руководила клубным хором.

Растут люди, быстро растут, как и все в нашем городе, в нашей стране.

Но продолжим наше путешествие по омским улицам.

Омск меняет свой облик не только потому, что в нем поднимаются новые дома.

В сердце города — у главного почтамта — раскинулась площадь. Это было одно из самых унылых мест в Омске — запущенный, изрытый выбоинами пустырь. Весной и осенью здесь застаивались огромные лужи, непроходимая грязь; летом степные вихри, врывающиеся в город, поднимали столбы пыли.

Об уродливой площади-пустыре неоднократно писали в местных газетах, немало ядовитых строк посвятили ей омские мемуаристы. В послевоенные годы омичи разбили на этом пустыре большой бульвар. Там, где чавкала грязь, поднялись аллеи тополей, в зелень газонов и яркий ковер цветников оделась земля. Великолепный (и это без преувеличений) фонтан, облицованный мрамором, рассылет из своей литой чугунной фигурной вазы жемчужную россыпь каскадов.

Горячо рдеют мохнатые корзинки астр, тяжелые бархатные шапки георгинов всех оттенков — от темно-бордовых, почти черных, до нежнейших золотисто-розовых, словно пронизанных первым солнечным лучом. А гладиолусы, с листьями, похожими на свернутые лебединые крылья, пылающие канны, куртины флоксов, настурций...

Кажется, именно с этой площади и начали озеленительный поход омичи.

От площади пестрыми, горячими потоками-многоцветами растекаются по городу бульвары-эспланады; они сбегают к набережной Омн, сворачивают к Паромному переулку, к старым крепостным воротам, устремляются к Иртышу.

Кстати, о цветах. В старом Омске можно было увидеть цветы только в окнах домов. Издавна считалось, что в пыльном, степном, открытом всем ветрам сибирском городе цветы могут жить лишь в кадках, горшочках, за стеклами. И вот они пробили дорогу, вырвались из душных комнат; цветоводы вывели их на простор широких омских улиц, приучили к пронзительным иртышским ветрам, к непогоде, к зною.

Акклиматизировались в открытом грунте и зябкие южанки-розы, и гиацинты, и тюльпаны, и нежные гладиолусы. Уже появились свои омские сорта.

Нынче Омск славится на всю Сибирь своими «гладиолусовыми полями». Да, представьте себе — не клумбами, а целыми полями. В парках, садах, на бульварах, на улицах — разливы этих царственных и вместе с тем таких нежных цветов. Будто кто-то щедрый расплескал по земле краски утренних и вечерних иртышских зорь — мягкие и тревожащие.

Вот глядишь на них и хочется, чтобы все кругом было красивым. Рука не поднимается бросить окурочек.

В одном лишь коллекционном саду омского питомника выращиваются 350 тысяч гладиолусов и расходятся по городу и далеко за его пределы. Главный агроном омского питомника Аким Васильевич Сырвачев может показать вам письма из Одессы, Пятигорска, Кременчуга. Цветоводы этих южных городов просят прислать им семена омских гладиолусов. И послали, конечно. Теперь на бульварах юга зацветут гладиолусы-омичи.

А ведь началось все это с того, как в 1952 году один из депутатов горсовета привез из Москвы ведро с гладиолусовыми луковичками.

Агрономы с сомнением оглядывали их и вспоминали, что в журнале «Сад и огород» была напечатана статья сотрудников сибирского филиала Академии наук, утверждавшая: «Культура гладиолусов не приспособлена к степной и лесостепной зоне Западной Сибири».

И что же? Как видим, омские садоводы сумели приспособить, приучить эти капризные растения к иртышским землям, климату.

И не только гладиолусы.

Омск уже называют в Сибири городом цветов, городом-садом.

В Омском горсовете есть такие весьма интересные цифры (можно познакомиться с такой любопытной статистикой).

В 1959 году омичи высадили в садах, парках, на улицах города 11 миллионов цветов и больше миллиона деревьев и кустарников. Статистики подсчитали: теперь на каждого жителя Омска приходится десять цветов! Не правда ли, чудесная статистика?!

Тысячи жителей города стали завязаны садоводами, цветоводами.

Весной все омичи — от мала до велика — вооружаются заступами, граблями, мотыжками, выходят на традиционные весенние «субботники» и «воскресники».

Омские школьники посадили на «подшефных улицах» полтора миллиона цветов, рабочие омских заводов и фабрик — два миллиона.

У омской инспекции по охране зеленых насаждений — огромный «инспекторский штат» — все население города.

Почти все омские заводы и фабрики имеют свои оранжереи, теплицы и кое-где завели и целые питомники.

Там, где на заводских дворах годами лежали груды шлака, мусора, производственных отходов, разбиты сады, целые парки.

Рабочие машиностроительного завода посадили на заводской территории сто двадцать тысяч деревьев.

В летнюю пору цехов тут почти не видно. Они скрыты в живой чаще листвы, и кажется, не на завод попадаешь, а в парк. Да так оно и есть — это заводской парк. В этом парке есть тополевая «аллея командиров». Ее засадили несколько лет назад инженеры завода. Каждый начальник цеха, каждый инженер вырастил тут дерево.

Теперь на заводе становится традицией: каждый рабочий должен посадить и вырастить хотя бы одно дерево.

В бульвары, скверы превращены многие улицы Омска.

На языке работников коммунхоза это называется: перекрытие малопроезжих улиц. А на деле это выглядит так: посреди улицы появляются цветники, газоны, даже беседки, увитые хмелем. В тени деревьев глубокие садовые скамьи, круглые столы, детские площадки для игр. Улицы становятся бульваром — чудесным местом отдыха. Таких улиц-бульваров в городе уже 60.

В старом Омске было два чохлых сада, они именовались «губернаторскими», так как были в ведении генерал-губернатора и его свиты.

Теперь в Омске сто двадцать садов.

... Роняют листья, шумят аллеи тополей, кленов, лип, серебристых ив, яблонь, рябины.

На омских улицах появился бархат амурский, маньчжурский орех, карагач, сирень, жасмин, дрок.

Теперь об Омске в газетах, журналах пишут: «В летнее время Омск утопает в зелени».

И это сущая правда! Первое впечатление человека, приехавшего сюда летом, именно такое: город утопает в зелени.

Мы уже привыкли, что современный Омск называют городом-садом. В соревновании городов Российской Федерации он завоевал первое место, диплом 1-й степени по благоустройству и озеленению.

Чудесные перемены — они во всем.

... В краеведческом музее хранится старинная гравюра, воспроизводящая одну из омских улиц — Скорбященскую.

Была эта улица названа Скорбященской не только потому, что на ней воздвигнули церквушку скорбящей божьей матери.

... Медленно переступая закованными в кандалы ногами, тянулись по ней партии арестантов, перегоняемых в омский острог.

Тут помещался военно-арестантский госпиталь, тут на широком госпитальном плацу производились экзекуции. Под глухую дробь барабана людей гоняли «сквозь строй», пороли на «кобылах».

Сейчас эта улица носит имя первого председателя Омского городского Совета—врача-коммуниста Гусарова. За последние годы она распрямилась, стала шире, оделась в асфальт. Многоэтажные, хорошо архитектурно оформленные дома, школы, детские сады вытесняют темные, осевшие домишки. Ничто здесь не напоминает старой Скорбященской. Улица родилась вновь.

Таких возрожденных улиц в Омске немало. И все же, по сравнению с окраинами, центр города пока еще изменился мало, реконструкция его только начинается.

— Центр приезжайте смотреть через два-три года, — говорят омичи, — а сейчас интереснее поглядеть окраины города.

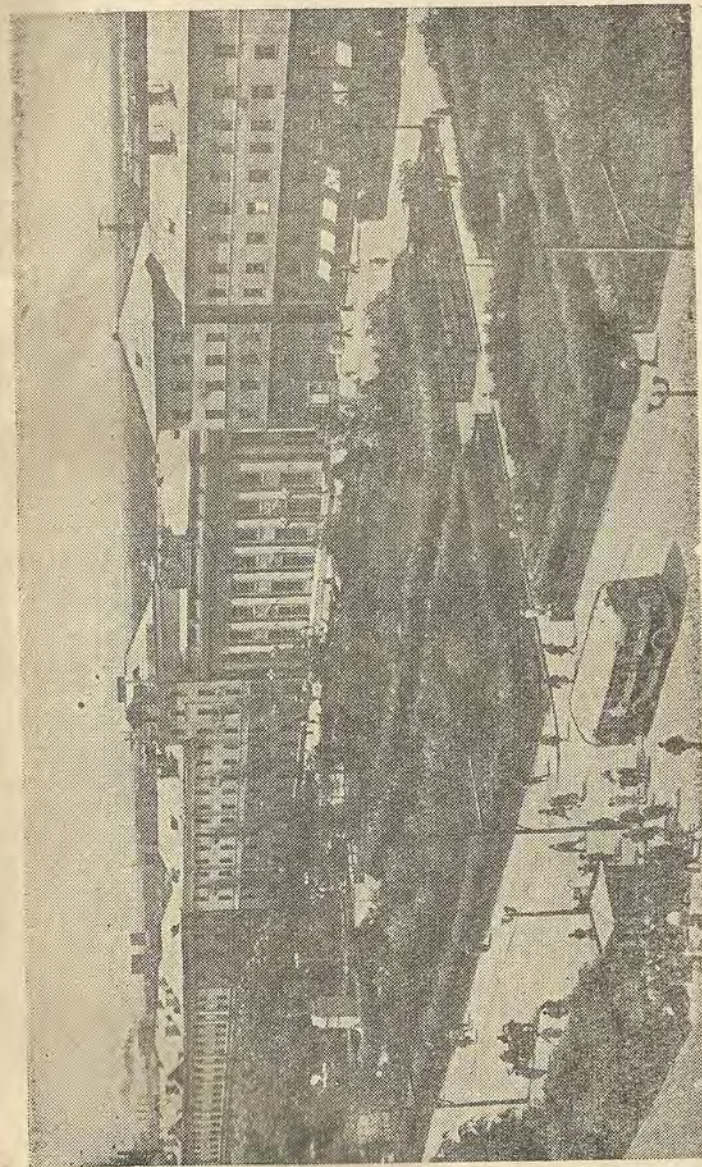
... На карте Омска, составленной в 1940 году, восточная окраина города была помечена штриховкой: «пустырь, заросший кустарником».

Когда-то омские рабочие собирались тут на тайные сходки, проводили маевки. Над тихим пустырем реяло запретное алое полотнище, звучала революционная песня. Заросли боярки и жимолости не раз «прочесывались» жандармами, оцеплялись конной казачьей цепью.

В годы Великой Отечественной войны тут поднялись первые строительные леса. Тогда на пустыре, за линиями, возникли заводские корпуса — тут разместились эвакуированные с запада предприятия, первые жилые дома.

Строили и капитальные здания, строили и бараки-«временки». И, пожалуй, «временок» здесь было больше. По-настоящему широкий размах строительство тут приобрело в последнее время.

Выросли новые улицы, возведены кварталы многоэтажных домов — 250 тысяч квадратных метров жилой площади.

Улица имени Богдана Хмельницкого.

Только в 1955—1958 годах в районе построено десяти новых школ, больничный городок, вечерний санаторий, три библиотеки, Дворец культуры — величественное здание, одно из красивейших в городе. Дня не хватит, чтобы осмотреть его великолепные залы, фойе, студии, все эти голубые, сиреневые, зеленые комнаты, где работают кружки художественной самодеятельности, гостинные для отдыха; налюбоваться росписью плафонов, мозаичными панно, картинами, скульптурами, коврами, комфортабельной мебелью. Здесь все создает у людей чувство праздничной приподнятости.

Таких дворцов Омск еще не знал.

Новый индустриальный район, родившийся на пустырях восточной окраины города, пожалуй, красивее центра. Улицы тут шире, дома отличаются легкостью линий, одностильностью. Соблюден единый архитектурный ансамбль.

Такова теперь одна из окраин Омска, место, еще недавно отмеченное на карте города, как пустырь.

В городе 219 предприятий. Экономисты подсчитали: за сорокалетие Советской власти объем промышленной продукции в городе увеличился в двести пятьдесят раз, а количество рабочих — в двадцать пять раз. Сейчас у нас вырабатывается столько электроэнергии, сколько ее вырабатывалось в 1913 году во всей России.

Основные отрасли промышленности Омска — машиностроение, нефтепереработка, химическая индустрия, энергетика, легкая, пищевая, мясо-молочная, лесная промышленность, производство строительных материалов.

Ведущее место среди этих предприятий занимают машиностроительные, металлообрабатывающие и нефтехимические заводы. Они определяют промышленный профиль города в наши дни, его экономику.

Шестая пятилетка была щедра к Сибири, в частности, к Омску. Большие народные деньги были даны партией и правительством для роста его экономики. Эти три года — промежуток между XX и XXI съездами партии — стали большим рубежом в жизни нашей страны.

За эти три года в Омске введены в строй 35 новых промышленных предприятий, создана большая энергетическая база, город стал центром нефтяной промышленности Сибири.

И еще штрих: за один лишь 1958 год омичи выпустили сверх плана продукции на 200 миллионов рублей.

Продукция омских заводов и фабрик расходуется по всей стране. Ее знают жители побережий Ледовитого и Тихого океанов, Прибалтики, Черноморья, Украины, Белоруссии.

В Совнархозе висит карта. На ней помечено, с какими краями, республиками, областями страны связаны омские предприятия.

Тонкие линии-лучи уходят на восток и на запад страны. Их так много, что кружок, обозначающий Омск, на этой карте со всех сторон опутан густой паутиной лучей.

На востоке эти линии-лучи приводят в Хабаровск, Владивосток, Комсомольск-на-Амуре, Южный Сахалин; на западе — в Латвию, Литву, Эстонию, Карельскую АССР; на юге они устремляются к Черноморскому побережью — в Одессу; на юго-востоке — в Ташкент, а на севере уходят в Салехард, Новый Порт, Магадан.

Омский Совнархоз поставляет продукцию своих предприятий сотне экономических районов Советского Союза.

Уже одна эта цифра свидетельствует о многообразии экономических связей города, его значении в хозяйственной жизни страны.

Сельскохозяйственные машины, оборудование, изготовленные на омских заводах, работают на полях всей Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, Казахстана, Урала. А запасные части к тракторам и автомобилям Сибзавода расходятся буквально по всей стране. В длинном списке сибзаводских потребителей нет ни одной республики, области, края, куда бы ни послал этот завод свои изделия.

По бескрайним дорогам Сибири, Казахстана, Бурятии, Белоруссии, Украины, Молдавии колесят автомобили, одетые в омские шины — продукцию Омского шинного завода.

Зона обслуживания Омского нефтеперерабатывающего завода — все Зауралье.

Легкая и пищевая промышленность Омска также давно перешагнула границы области.

От Казахстана до Сахалина расходуется продукция Омской суконной фабрики.

Изящные модельные дамские и мужские туфли, ботинки, рабочая обувь, изготовленные на омских обувных фабриках, верхняя одежда — пальто, костюмы, сшитые омскими швейниками (в Омске три швейных фабрики), также расходятся по всему Зауралью.

Продукция Омского мясокомбината, маслозаводов, любинского завода молочных консервов (популярная в стране «сгущенка») поставляется в Москву, Ленинград. в крупнейшие наши промышленные центры, на Крайний Север — в Заполярье и за границу.

Да, география распространения продукции омских предприятий обширна. Очень дальние путешествия совершают машины, различное оборудование, предметы широкого потребления, изготовленные руками омских рабочих.

Изделия омской промышленности широко известны не только в Советском Союзе, но и далеко за пределами нашей Родины. Они уходят в Китай, Корею, Монголию, Болгарию, Чехословакию, Польшу, Германскую Демократическую Республику, в Индию, Китай, Мексику.

Экономические связи Омска широки и многообразны.

А какая будущность, какие неоглядные горизонты открываются перед промышленностью нашего города в наступившем семилетии!

Зайдите в Омский совнархоз и познакомьтесь с семилетним планом развития Омского экономического района.

Вот вдумайтесь в эти цифры...

Общий объем капитальных вложений на развитие народного хозяйства области на семь лет намечен в сумме 15 миллиардов 830 миллионов рублей, что почти вдвое больше, чем за предыдущее семилетие.

Капиталовложения по предприятиям Омского совнархоза составят 8 миллиардов 800 миллионов рублей.

За это время намечено построить 50 крупных промышленных предприятий, проложить ряд новых железнодорожных магистралей, линий высоковольтных электростанций.

В Омске почти в три раза увеличится выработка электроэнергии, в два раза — производство химической продукции и в четыре раза — нефтеперерабатывающей.

В сущности, за эти семь лет омичам предстоит создать еще один промышленный Омск, еще более мощный, чем существующий.

Для Омского экономического района главное в нынешнем семилетии — ускоренное развитие нефтехимических предприятий — ключевой отрасли промышленности.

Это — генеральное направление нашего семилетнего плана.

Такое крупное химическое предприятие, как шинный завод, не только в два раза увеличит выпуск продукции, но намного улучшит ее качество, коренным образом перестроит свою технологию.

Кроме шинного завода, в Омске целый «узел» предприятий, связанных с этим производством: крупнейшая в Сибири кордная фабрика, сажевый завод.

Этот завод первым в нашей стране в 1961 году начнет выпуск так называемой активной сажи — аморфного углерода, необходимого для изготовления шин.

В Омске — крупном центре шинной промышленности — в 1958 году был создан научно-исследовательский конструкторско-технологический институт резиновой промышленности — первое в своем роде научно-исследовательское учреждение в зоне Сибири и Дальнего Востока.

В молодом институте рождаются конструкции новых машин, приборов, разрабатывается более совершенная технология для шинных предприятий.

На Омском шинном заводе впервые в стране установлены мощные резиносмесители новой конструкции, которую создали ученые института в содружестве с производственниками.

Гигантски шагнет, вырастет за семилетие Омский нефтеперерабатывающий завод. Его мощность увеличится в четыре раза. К 1965 году он догонит самый большой в нашей стране знаменитый Бакинский завод.

По соседству с нефтезаводом растет большая стройка семилетки — завод синтетических материалов. Основным сырьем для этого предприятия будут газы — отходы нефтепереработки, очень дешевое сырье.

Новый завод будет таким рентабельным, что все капитальные затраты на его строительство окупятся через два года.

На базе этих гигантских заводов в Омске за семилетие будет создан крупный узел химической промышленности страны.

Видное место в семилетнем плане Омского экономического района отведено развитию легкой и пищевой промышленности, работающей на местном сырье.

Знакомись с вереницей цифр, показателей в разделе «Легкая и пищевая промышленность» и видишь перед собой яркую картину дальнейшего повышения жизненного уровня народа, его благосостояния.

Обувные фабрики Омска дадут за эти семь лет около тридцати миллионов пар обуви.

Выпуск шерстяных тканей к 1965 году в Омске возрастет в семь раз. План предусматривает не только увеличение количества, но и улучшение качества продукции. В производстве тканей будут широко использованы синтетические материалы.

В Омске несколько мебельных предприятий. Но за последние годы тут довольно остро ощущается «мебельный» голод. Ежегодно тысячи омичей справляют новоселье, получают новые квартиры, а наши мебельные предприятия не поспевают за все увеличивающимся, растущим спросом на их продукцию. Вот еще показатель роста благосостояния народа!

За семилетие производство мебели в Омске должно увеличиться в три раза. Кроме существующих мебельных комбинатов, тут будут выстроены два крупных, оборудованных новейшей техникой комбината, которые должны выпускать ежегодно продукции на 76 миллионов рублей.

Еще более широкие перспективы открываются в этом семилетии перед молочной и мясной промышленностью Омского экономического района.

Омская область — не только большая житница Сибири, ее называют и сибирской «молоканкой». Это край развитого молочного скотоводства. Омское масло, омские молочные продукты издавна славятся на всю страну.

Заглянем в семилетний план Омского экономического района, в раздел «Молочная и мясная промышленность». Познакомимся с некоторыми цифрами. Больше чем вдвое увеличится выпуск масла, молочных консервов, а сыра — в семь раз.

За это время (в экономическом районе) будет выстроено 45 новых маслодельных, сыродельных и 10 молочных заводов, 7 больших холодильников. В Омске вступит в строй еще один крупный молочный комбинат. На сооружение его ассигновано больше 400 миллионов рублей.

Иными словами, вырастет новая производственная база, по своей величине почти такая же, как уже существующая.

Мясная промышленность экономического района за семилетие должна увеличить выпуск своей продукции больше чем в три раза.

В Омске — на левобережье Иртыша уже развернулось строительство нового огромного мясокомбината.

В его цехах устанавливаются новейшие автоматы-пельменные, сосисочные, котлетные; автоматические приборы, учитывающие работу конвейеров, регулирующие температуру, расход сырья.

Еще три мясокомбината будут выстроены в районных центрах области.

До сих пор почти вся промышленность экономического района сосредоточивалась в Омске. Теперь пришла пора, назрела экономическая целесообразность разместить часть предприятий на периферии.

Омск, как щедрое дерево, ответвляет от себя побеги — новые заводы, фабрики, новые предприятия в другие города.

Из Омска протянется трехсоткилометровая линия высоковольтных передач на север — в Тару. На юг, в степные целинные районы, уходит от главной железнодорожной магистрали большая ветвь — Куломзино (левобережный район города), Иртышское, Карасук.

Язык цифр ярок и красноречив. За этими цифрами — величественная панорама близкого коммунистического завтра. Мы видим не только новые могучие заводские корпуса, автоматические линии, преобразующие уже существующие цехи, кварталы новых прекрасных домов, — мы видим великое изобилие материальных и культурных благ для человека.

Этой целью пронизан весь наш семилетний план развития хозяйства, начертанный XXI съездом партии.

В цифрах мы ощущаем большую, горячую душу нашей партии, для которой прежде всего — благо народа!

И эти планы, эти цифры уже претворяются в жизнь, облекаются в плоть, вещественно воплощаются в машины, станки, части к ним, в цистерны, заполненные продуктами нефтепереработки, в рулоны шерстяных тканей, в золотистые кубы сливочного масла и многое другое, что производят искусные руки омских рабочих.

Еще семилетний план Омского экономического района только обсуждался, а рабочие омского нефтеперерабатывающего завода, по-хозяйски подсчитав, взвесив свои резервы, взяли обязательство: к 1962 году завершить свою семилетку.

Ширится на предприятиях Омска замечательное движение нашей современности — коммунистическое соревнование.

Более тысячи бригад соревнуются за высокое право именоваться бригадами коммунистического труда. Двадцать тысяч юношей и девушек, как один, сказали: «Будем работать и жить по-коммунистически».

Разведчиками будущего с гордостью называют их у нас.

Вдохновленные большой мечтой, они обязались не только отлично работать, выполнять и перевыполнять свои производственные задания, но трудиться творчески, изобретать, стремиться к знаниям, непрерывно учиться, расти духовно, быть коммунистами не только в труде, но и в быту.

Они, эти простые парни и девушки, работающие у станков, стремятся сдвинуть время, широко шагнуть в коммунизм, заглянуть в будущий день.

Вчитайтесь, вдумайтесь в обязательства бригад коммунистического труда.

«Вступая в семилетку коммунистического строительства, мы хотим жить и работать так, чтобы быть достойными величественных планов, которые дала нам партия, мы хотим быть достойными коммунизма».

Это пишут работницы-затяжницы бригады Тамары Борисовой с омской обувной фабрики «40 лет Октября». А быть достойными в понимании этих девушек — значит прежде всего «дорожить каждой минутой и сменное задание выполнять за семь часов, а восьмой час работать сверх плана».

Сменная норма затяжниц на конвейере — 600 пар обуви. Бригада Тамары Борисовой затягивает 900. И

так изо дня в день. Это стало для них нормой. Девушки предложили закрепить эту новую норму за сменой.

Бригада подсчитала: семилетку она выполнит за пять лет.

Читаешь эти лаконичные строки и ощущаешь: каждая работница этой бригады остро осознает — на своем рабочем месте она решает частицу общего народного дела.

Коммунизм для нас становится делом практическим. Быть достойным — значит трудиться творчески, не топтаться на месте, не довольствоваться достигнутым, а непрестанно двигаться вперед, стремиться к лучшему.

В бригаде появились свои рационализаторы, искатели нового. Все приняли живейшее участие в совершенствовании приемов работы на конвейере, совершенствовании техники, находящейся в их распоряжении.

Работая напряженно, считая у конвейера секунды, они выкроили время для того, чтобы освоить вторую сложную специальность.

Быть достойными — значит непрерывно учиться. В своем обязательстве бригада записала: «Каждый без отрыва от производства должен учиться, должен стать образованным человеком». И не только записала. Девушки из бригады Борисовой учатся — все, как одна. Бригадир — на курсах подготовки в институт легкой промышленности, четверо готовятся в вечерний техникум легкой промышленности. Остальные учатся в школе рабочей молодежи. К концу семилетия каждая из них должна получить высшее или среднее техническое образование. Такое обязательство взяли девушки этой бригады.

Но они не только учатся сами, а выкраивают время для того, чтобы свое умение, свои знания производственники передали другим, еще более юным.

Бригада шефствует над десятым классом средней школы. Каждая работница взялась обучить двух десятиклассников обувному делу. Завязалась хорошая дружба между обувщицами и выпускниками десятилетки. Ребята по-настоящему увлеклись производством, и многие из них решили после окончания школы пойти работать на обувную фабрику, создать вот такую же бригаду коммунистического труда, как у Тамары Борисовой.

На областном слете участников коммунистического соревнования Тамара Борисова сказала: «Мы стремимся не уронить высокого звания члена бригады коммунистического труда. И это как-то подтянуло каждую из нас, возвысило, сделало требовательнее и строже!».

И это общее ощущение всех участников коммунистического соревнования.

«... Изменилось ли что с тех пор, как наша бригада стала называться бригадой коммунистического труда? — задал себе вопрос бригадир бригады коммунистического труда, мастер электровозного депо Юрий Лелеков. — Как будто и люди прежние и работаем на старом месте, а ощущение приподнятости, постоянного стремления сделать намного лучше, больше — не покидает. Но те ли люди? Нет, другими мы стали. Наверное, никогда еще не было у нас такого дружного коллектива. Вот нас 37 человек, и характеры разные, и стремления, и способности, а живем душа в душу. И сблизило нас общее дело, общая цель — работать и жить по-коммунистически».

Коммунистическое соревнование молодежных бригад захватило, увлекло омичей. Люди разных возрастов, профессий — инженеры, ученые, художники, артисты, старые кадровики заводов стремятся поддержать это замечательное движение.

Инженеры берут шефство над бригадами, прививают молодым рабочим вкус к творчеству, к рационализаторской работе.

Лучшие библиотеки города посылают сюда скомплектованные по заявкам бригад «передвижки». В этих «передвижках» — специальная техническая, политическая и художественная литература. Омские театры устраивают для участников коммунистического соревнования творческие вечера.

Художники приглашают их на свои отчетные выставки.

Над членами бригад взяли шефство старые кадровые рабочие. Они приходят в цехи, беседуют с молодежью, делятся своим большим опытом.

Вся общественность города поднялась в благородном стремлении помочь участникам коммунистического соревнования поддержать высокое горение молодых сердец.

... Побываем на одном из старейших омских заводов, познакомимся с его прошлым и сегодняшним днем. Это Сибзавод.

Его в городе любовно именуют «путиловским внуком». Этот завод — первенец советской индустрии Омска. Он возник в 1917 году. Основали его питерские рабочие-путиловцы, переселившиеся, или как тогда говорили, перебазировавшиеся в Сибирь.

Путиловский завод, отправляя своих рабочих в дальние сибирские края, дал им «на зубок» двенадцать токарных и слесарных станков, два паровых молота, локомотив и инструмент, нужный в обиходе металлиста.

Этот путиловский «зубок» и стал первой производственной базой рождающегося завода.

...В Омске новоселов-питерцев встретили радушно.

Особенно приветствовали это боевое пополнение рабочего класса омские большевики.

Путиловцам отвели ремонтные мастерские бывшего переселенческого управления. В этих мастерских и разместили привезенные из Петрограда станки. Силами самих рабочих достроили второй этаж, оборудовали небольшие цехи — механический, литейный, слесарный, кузницу.

Новый завод называли «Сельским работником». Выпускал он запасные части для веялок, молотилок, плугов, ремонтировал простейшие сельскохозяйственные машины. Руководило заводом правление, избранное рабочими.

В ту пору в Омске было лишь одно предприятие, работавшее «на село», обслуживающее нужды сельского хозяйства — завод датчанина Рандрупа.

Он производил плуги и снабжал ими почти всю Сибирь, закабалия долговыми обязательствами целые села. Про эти плуги сибирские крестьяне говорили: «Ермака панцирь загубил, а мужика Рандруп».

Рандруп в то время еще цепко держался за свое предприятие, надеясь, что «большевики продержатся недолго». Он бурно протестовал против контрибуции и угрожал омскому Совету международными осложнениями. Вот с этим самым Рандрупом, почитавшим себя монополистом — «королем» сельскохозяйственных машин в Сибири, начал конкурировать юный «путиловский внучек».

Заказчики-крестьяне из окрестных сел охотнее обращались на «Сельский работник», чем к датчанину. Молодой завод ремонтировал инвентарь быстрее и дешевле, тут всегда можно было купить нужную деталь.

Вскоре Рандруп бежал за границу.

В 1925 году «Сельский работник» соединился с фабрикой веялок «Энергия». Новое укрупненное предприятие назвали Сибирским заводом сельскохозяйственного машиностроения — Сибзаводом. В том же году Сибзавод выпустил первую молотилку «Колос».

Шли годы, завод рос, строил новые цехи, новые корпуса, обогащался техникой.

За успешное выполнение производственных заданий Сибзавод был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В наши дни это — одно из крупнейших в Сибири предприятий сельскохозяйственного машиностроения. Его продукцию — тракторные и автомобильные детали — получают все республики Советского Союза, многие страны народной демократии.

Если в Омске вы спросите, чем примечателен этот завод, вам сразу ответят: рационализаторами. Рационализация получила на заводе массовое распространение.

Потолкуйте с рабочими — слесарями, токарями, фрезеровщиками, их учениками, и вы убедитесь, что каждый из них считает своим кровным делом, своим долгом совершенствовать технику, которая находится в его распоряжении. Это уж стало доброй заводской традицией.

— Сколько у вас рационализаторов? — спросили как-то инженера Князева.

— Ползавода, — ответил он и тут же поправил себя, — нет, пожалуй, больше.

Сам Князев один из этих «ярких сердцем», никогда не унывающих, неустанно ищущих людей.

Сибзавод осваивал производство важной детали — коленчатого вала трактора «ДТ-54». Для этого нужны были новые станки. Заказывать оборудование станкостроителям было делом долгим. А машинно-тракторные станции Сибири нуждались в коленчатом вале. Тысячи тракторов, готовившихся выйти на целинные земли, ждали этой детали.

И вот инженер Князев предложил изготовить такие

станки своими силами. Его горячо поддержали товарищи по работе.

Три месяца трудились инженеры и рабочие, конструировали, делали станок. Были и неудачи, и большие огорчения, но люди ни разу не пожалели о том, что взялись за такое трудное дело. И станок для закалки упорного бурта был изготовлен. Своими силами смонтировали также и закалочный участок токов высокой частоты с его сложной схемой автоматического управления.

Так завод получил возможность наладить массовый выпуск коленчатого вала.

Но это уже прошлое, хоть очень недалекое. Сибзаводцы первыми в Советском Союзе освоили производство новой конструкции коленчатого вала без противовесов.

О такой конструкции давно мечтали и машиностроители, и механизаторы — эксплуатационники. И вот, наконец, она родилась в недрах конструкторской ХТЗ — знаменитого в нашей стране Харьковского тракторного завода.

Омицам предложили освоить ее производство.

Но, оказалось, харьковская конструкция имела существенные недостатки — вал не балансировался. И тут пришла на помощь уже испытанная сибзаводцами смекалка, рационализаторское дарование его людей. Омские инженеры, рабочие-изобретатели доработали конструкцию харьковчан.

Тысячу тонн металла в год экономит предприятию эта новая конструкция.

Теперь столь долгожданный коленчатый вал без противовесов уже в массовом производстве, уже в машинах, что работают на полях страны.

На заводе сейчас идет бурный процесс роста культуры производства, большое перевооружение техники.

За семилетие тут будет установлено шесть автоматических линий. Миллион штук деталей-шестерен дадут они ежегодно.

Но в цехах еще остается большой парк изношенных универсальных станков. Конечно, проще было бы их заменить новейшим оборудованием. Однако сибзаводцы предпочли более трудный, но экономичный для предприятия путь. Они своими силами перевооружают «универсалы», автоматизируют станки. Тут уже созда-

ны токарно-копировальные, фрезерные, сверлильные автоматы своей конструкции.

У Сибзавода свои большие, славные традиции.

На исходе 20-х годов здесь появились первые омские ударники, передовые рабочие, выполнявшие нормы на 150 процентов. Здесь родилось социалистическое соревнование в Омске.

... С побуревших страниц старой газеты встает это прошлое, ставшее уже для нас историей: в октябре 1928 года сибзаводовцы досрочно выполнили заказ на изготовление запасных частей для тракторов «Интернационал» и обратились ко всем рабочим города с призывом «перевыполнить производственные планы и этим самым внести свой вклад в общее великое дело социалистической индустриализации». Так рождалось в городе социалистическое соревнование. Запевалой его в Омске был Сибзавод.

В годы Великой Отечественной войны тут возникли первые в городе бригады гвардейцев тыла, героические гвардейские вахты.

В наши дни в цехах Сибзавода созданы первые бригады коммунистического труда. В многолюдном Омске хорошо известны имена молодых сибзаводовских рабочих-бригадиров: Сергея Скатова, Любы Михайловой, Дины Фурман — зачинателей этого замечательного движения на заводе.

Здесь же на заводе первым в Омске вступил в коммунистическое соревнование целый цеховой коллектив.

Литейщики записали в своем обязательстве: «Жить и трудиться по-коммунистически, воспитывать в себе качества коммунистического общества, быть примером на производстве, в быту, поведении и отношении к общественному долгу».

Они обязались: «Семилетнее задание по повышению производительности труда выполнить за пять лет, обеспечить выполнение сменного задания за шесть часов. Добиться от снижения себестоимости продукции сверхплановой прибыли 800 тысяч рублей».

Это все практические вклады производственников в семилетку, в коммунизм.

«Каждый из нас будет дорожить честью нашего коллектива, уважать традиции цеха, считать общественные интересы выше личных, твердо соблюдать трудовую дис-

циплину и бережно относиться к социалистической собственности», — записано далее в этом обязательстве цеха. «Коммунизм — наше близкое будущее и нет выше чести быть активным строителем коммунистического общества».

Разве это не драгоценные документы больших всходов коммунизма в нашей стране? Они войдут в историю!

На этом же заводе родился еще один добрый почин, хорошая инициатива.

Инженеры-конструкторы коммунисты Федор Дмитриевич Мищенко, Александр Пантелеевич Зыков, Вениамин Николаевич Коротков (все они в свое время получили высшее техническое образование без отрыва от производства) взяли шефство над бригадами коммунистического труда.

Шефы обязались передавать молодым рабочим свои технические знания, помогать в повышении квалификации, развивать чувство новаторства, помогать им в рационализаторской работе, в учебе, консультировать студентов-производственников по курсовым и дипломным проектам, пропагандировать среди рабочих новинки технической литературы, прививать вкус к чтению, — словом, наметили большую, обширную и продуманную программу технического просвещения рабочих.

Каждый из конструкторов-шефов открыл и свой лицевой счет экономии и обязался внести в фонд семилетки за счет рационализации и внедрения новой техники сто тысяч рублей.

Начиная это новое дело, конструкторы Зыков, Коротков, Мищенко обратились с открытым письмом ко всем инженерам завода. Они призывали передавать свои знания и опыт молодым рабочим — участникам коммунистического соревнования.

Хороший пример всегда находит последователей. На Сибзаводе все инженеры откликнулись на этот призыв. А добрый почин уже перешагнул заводские стены, стал достоянием всего города. На многих предприятиях Омска инженеры, техники взяли шефство над бригадами коммунистического труда, открыли свои лицевые счета экономии.

Да, немало добрых начинаний рождалось в стенах этого завода — первенца советской индустрии в Омске!

У «путиловского внука» большие традиции, добрая слава в Сибири.

... От Сибзавода стянутая асфальтом дорога приводит к северной окраине Омска, в ту часть его, о которой омичи говорят: «городок на городке».

Тут, рядом с городком водников, где живут речники, в старой загородной роще — студенческий городок — знаменитая омская «Сibaка». Так омичи по старой памяти именуют территорию сельскохозяйственного института имени С. М. Кирова. Это первое в Зауралье высшее сельскохозяйственное учебное заведение возникло в 1918 году — накануне вторжения в Омск интервентов.

В 20-х годах институт был переименован в Сибирскую академию. И хотя академией он именовался недолго, но название «Сibaка» закрепилось.

«Сibaка» помещалась в единственном тогда здании бывшего сельскохозяйственного училища. Здание это сохранилось до настоящих дней. Его так и называют — старый корпус.

А вокруг старого корпуса раскинулась молодая поросль: многоэтажные учебные корпуса, мастерские, студенческие общежития — целый город.

В Омском сельскохозяйственном институте учится более 5 000 студентов. Это один из крупнейших вузов страны. Он выпускает специалистов для всех отраслей сельского хозяйства — агрономов-полеводов, овощеводов, зоотехников, экономистов-организаторов, геодезистов, землеустроителей, инженеров-механиков, гидромелиораторов, инженеров молочной промышленности.

В омскую «Сibaку» приезжает учиться молодежь с Обского Севера, из Якутии, Киргизии, Монголии, Кореи, Китая. Среди студентов представители 23 национальностей.

Питомцы института несут высокую сельскохозяйственную культуру в самые отдаленные уголки нашей Родины.

Многие годы при институте работает факультет заочного образования. Тут обучается 1 300 студентов. Все это растениеводы, животноводы, механизаторы наших совхозов и колхозов. За семилетие число студентов-заочников должно увеличиться вдвое. В районах области в крупных совхозах для заочников создаются опорные

пункты сельхозинститута. Сюда каждый месяц приезжают из Омска профессоры, доценты, здесь читаются лекции, проводятся консультации.

В институте такие видные ученые, как заслуженный деятель науки, лауреат Ленинской премии профессор К. П. Горшенин — крупнейший в нашей стране знаток почв Зауралья, создавший почвенную карту Сибири и богатейший музей почв; доктор биологических наук А. Д. Кизюрин — создатель стелющихся садов в Сибири и молодые ученые, выросшие в стенах этого института: доктор сельскохозяйственных наук Н. Д. Градобоев; Герой Социалистического Труда, недавний зоотехник-практик, доцент Ф. М. Кахомский; кандидат сельскохозяйственных наук Н. А. Фетисов, сконструировавший новую зерноочистительную машину, и многие другие.

Ученые института ведут большую работу по изучению производительных сил Западной Сибири, Казахстана, Средней Азии. Они исследовали Кулунду, Алтай, Саяны, предгорья Тянь-Шаня, долины рек — Иртыша, Оби, Лены, побережье Карского моря.

Таков этот студенческий городок «Сibaка».

Исполком городского Совета проектирует перевести в район «Сibaки» учебные корпуса и общежития других омских институтов и техникумов.

А в Омске семь институтов и двадцать техникумов и учатся в них свыше 35 000 студентов.

Когда этот проект осуществится, то здесь, на северной окраине, будет уже не городок, а целый город учащейся молодежи — будущих специалистов: инженеров-машиностроителей, автодорожников, врачей, зоотехников, учителей, строителей, химиков-технологов.

Современный Омск — крупный академический центр, очаг высших учебных заведений Западной Сибири.

А пока рядом с «Сibaкой», за старой загородной рощей, в кольце березовых и тополевых аллей, стоит еще один городок — городок ученых. И тут есть все, что полагается иметь такому городку: вокруг монументального главного корпуса института, с превосходно оборудованными лабораториями, — обширные опытные поля, парники, сады, животноводческие фермы.

Это Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства — Сибниисхоз — одно из старей-

ших известных научно-исследовательских учреждений страны.

Его родословная уводит в прошлое столетие.

... Осенью 1823 года на территории, где сейчас находится Сибниисхоз, Управой Сибирского казачьего войска было заложено опытное поле «для содействия распространению благодетельных начал земледелия».

Тогда это было первое в Сибири и одно из первых в России, да и во всем мире опытное хозяйство (раньше возник только Бутырский опытный хутор при Московском обществе сельского хозяйства).

В 1830 году «Земледельческий журнал» Московского общества сельского хозяйства уже сообщал своим читателям о том, что на омском опытном поле «совершаются различные посевы для узнавания свойств семян, требуемой для них почвы, грунта, периода произрастания, дабы после того безошибочно можно было разводить (буде сие потребуетя) испытание семян растения в большом виде по той или другой системе хозяйства, пригодной в том или ином клину».

Первыми агрономами опытного поля были казаки Обухов и Щербаков — питомцы земледельческой школы при Московском обществе сельского хозяйства, направленные туда из Омска для того, чтобы иметь «опытных указателей сельского хозяйства для блага общего».

Обухов и Щербаков были пионерами опытного дела в сельском хозяйстве Сибири. Они ставили перед собой задачу «разведения более свойственных сему краю растений и распространения по сей части сведений между поселениями казаков». Они считали, что основанием опытного поля «полагаются не выгоды частные, но общее благо поселений наших».

На опытном поле испытывались различные сорта зерновых и овощных культур, изучались приемы их возделывания и возможности выращивания их в Сибири. Проводились почвенные анализы.

Тут впервые в Сибири были введены севообороты.

Такова предыстория Сибниисхоза. Деятельность института преемственно связана с этими первыми омскими опытниками, стремившимися распространять «благодетельные начала земледелия в Сибири», создать приспособленные к местным суровым условиям сорта сельскохозяйственных растений.

Первым научным руководителем института был академик Н. В. Цицин. При нем омские ученые начали работы по созданию новых сортов зерновых растений.

Семь миллионов гектаров полей ежегодно засеваются сортами омской селекции.

Кто из сибирских земледельцев не знает знаменитой «мильтурум 321»? Этот самый распространенный в Сибири сорт пшеницы создан в Сибниисхозе. Здесь же родилась, отсюда начала свой путь пшеница «мильтурум 553», «цезиум 111», «омская 2078». Эти сорта возделываются теперь на полях Омской, Курганской, Свердловской областей, в Красноярском крае, Северном Казахстане.

А белозерная красавица «альбидум 3700» — гордость селекционеров Сибниисхоза.

Началось все с одного белозерного колоска.

На опытном поле высеяли местные сорта пшеницы, собранные в колхозах Западной Сибири.

Селекционер Елена Федоровна Волкова, наблюдавшая за этим полем, однажды заметила в пшеничных посевах одно растение с необычно крупным колосом. Зерно у него было светлое, почти молочно-белое.

Елена Федоровна сразу взяла это растение на селекционную «заметку». Семена от необычного белозерного пшеничного кустика были собраны и высеяны отдельно.

После нескольких лет упорной работы, направленной на воспитание потомства этого белозерного растения, селекционеры Сибниисхоза создали урожайный и единственный в Сибири белозерный сорт пшеницы — «альбидум 3700». Его семенами засеваются теперь миллион триста тысяч гектаров поля.

Новый сорт! Это годы упорного, кропотливого труда. Надежды, огорчения (если растение подводит, не оправдывает надежды), маленькие победы и снова кропотливые наблюдения, выбраковка, отбор...

Омские селекционеры создали для сибирских земель новые сорта подсолнечника «пионер Сибири», высокоурожайного картофеля «ермак», «омич», новые сорта ржи, овса, проса.

Научные работники института «воспитывают» для Западной Сибири царицу полей — кукурузу. Кукурузные поля опытного хозяйства Сибниисхоза похожи на

молодые леса — такие высокие, мощные стебли растений.

Ежегодно из Сибниисхоза отправляются в адрес колхозов, совхозов, селекционных станций тысячи посылок с семенами новых сортов зерновых и технических культур, кормовых трав, картофеля. Выведенные омскими селекционерами сорта растений переселяются на поля Сибири, Казахстана, Дальнего Востока, Бурятии.

В тридцати семи областях и краях нашей страны возделываются сельскохозяйственные культуры, созданные в Сибниисхозе. Тридцать процентов площади яровой пшеницы засеваются омскими сортами.

Животноводы Сибниисхоза вывели новую полукорунную породу овец — омская серая, разработали способы содержания животных в условиях степи и лесостепи Западной Сибири.

Много труда вложили ученые института в создание семилетних планов сельскохозяйственных районов области, отдельных хозяйств.

Каждый год (это уже стало традицией) в Сибниисхоз съезжаются ученые Сибири.

На этих совещаниях обсуждаются важнейшие вопросы сибирского земледелия и животноводства, делятся опытом творческой работы селекционеры — томичи, красноярцы, новосибирцы, иркутяне, опытники Кулунды, Нарыма, Забайкалья, Обского Севера.

И, как это полагается в главном боевом штабе, намечаются планы на будущее, потому что здесь — главный штаб, сердце сельскохозяйственной науки. В этих планах сибирских ученых все подчинено одной большой цели — осуществлению задач, поставленных партией XXI съездом в области сельского хозяйства.

В наступившем семилетии Сибниисхоз обогатился еще одним замечательным научно-исследовательским учреждением.

Тут начнется строительство первой в Сибири радиобиологической станции. Она будет заниматься исследованием в области применения изотопов в сельском хозяйстве Сибири, откроет новую страницу в его развитии.

Ученые Сибири подняли вопрос о том, что настало время слить Сибниисхоз с крупнейшим вузом Сибири — Омским сельскохозяйственным институтом и на этой

богатейшей базе создать единый центр науки и просвещения — Сибирскую сельскохозяйственную академию.

Резиденция ее должна быть именно здесь, в Омске, — сердце обширного хлебодородного края, где сосредоточены не только ученые силы, академическая база, но и большая промышленность, питающая сельское хозяйство Сибири техникой, энергией.

Кажется, есть нечто замечательное, почти символическое в том, что в нашем городе сельскохозяйственные институты даже территориально соседствуют с промышленными предприятиями...

За Сибниисхозом, ближе к Иртышу, стояла старинная деревенька — Захламино, современница омского опытного хутора.

Путешественник Иосиф Белов, побывавший в Омске в 50-х годах прошлого столетия, в своих «Путевых записках и впечатлениях по Западной Сибири» писал об этой деревеньке: «...К северу от города, окруженная ветряками, словно рогатками, стоит смиренная деревня Захламино».

Смиренное Захламино было примечательно не только ветряками, но и кабаками. Сюда ездили догуливать из городских ресторанов закутившие купчики и офицеры.

И хотя в наше время ветряки и кабаки исчезли, но Захламино до последних лет оставалось ветхой деревушкой, застроенной избами, которые, по всей вероятности, видал и Иосиф Белов.

В 1950 году сюда пришли строители. На берегу Иртыша развернулась панорама не совсем обычной в здешних местах стройки.

На строительных площадках росли не только корпуса, но и металлические колонны, обвитые трубами, — нефтеперерабатывающие установки первого в Сибири нефтезавода.

Вся территория завода в переплетении труб. Большие, похожие на длинные цистерны — в метр и более диаметром — и совсем узкие металлические нити проложены в земле, расплзаются на поверхности, повисают на опорах в воздухе. Это — артерии завода, по которым пульсирует его кровь — нефть.

Дальний, очень дальний путь проходит нефть, пока попадет в АВТ, установленные на берегу Иртыша.

Трасса этой нефтяной магистрали начинается в башкирском городе Туймазы. Там, у нефтепромыслов, ее истоки.

Гигантский трубопровод — ложе нефтяной реки, созданной человеком, пролег под трясинами Куинбарских болот, поднялся к Уральским горам, рассек их скальные грунты, прошел по дну рек Белой, Уфимки, Тобола, Ишима, Иртыша.

1332 километра путь этой магистрали. И за каждым километром — большой, умный человеческий труд, мощная техника нашего времени!

К Иртышу трубопроводчики подошли осенью, в пору, когда степные ветры замешивали в реке крупную штормовую волну.

Но каверзные стихии («вредоносная метеорология», как называл все эти воздушные и водяные вихри бригадир монтажников Василий Еремин) не остановили строителей, хотя и очень осложнили работу.

На помощь трубопроводчикам пришли иртышские речники.

Земснаряд «Сормовский 10» прокладывал в русле реки подводные траншеи, оберегал эти траншеи от заносов.

А в это время на левом и правом берегах Иртыша монтажники подготавливали трубы. Сварку двух самых длинных плетей предстояло провести на воде.

Под один конец трубопровода подвели понтон. К этому понтону подтянули на гусеничных тракторах вторую плеть с правобережья. Началась сварка, монтаж труб.

Но одно дело — проводить монтаж на твердой почве или даже в спокойной люльке на высоте нескольких десятков метров над землей, другое — на шатком понтонном перекрытии, когда под ногами перекачивается иртышская волна и руку на сварочном аппарате подбивает от непрерывных наскоков волн.

И все-таки монтажники справились с работами в установленные сроки!

После сварки гигантскую стальную плеть с привешенной к ней восьмидесятитонной железобетонной муфтой погрузили в подводные траншеи.

Иртыш был форсирован. Этот военный термин применяется строителями не случайно. Пядь за пядью, как

в трудном бою, пробивали они в гранитах, топях, на дне рек русло для нефтематриалы Туймазы—Омск.

И вот настал день, обычный прииртышский студеной зимний день, окутанный сизым маревом мороза, повитый иглистыми нитями куржи, пронизанный шорохом снегов, тонким звоном скованной льдом реки — 9 января 1956 года, когда в Омск пришла по трубопроводу первая нефть.

На широкой площади, у нефтезавода, собрался большой народный митинг. Это событие отметили не только нефтяники. Тысячи омичей заполнили заводскую территорию, растеклись по эстакадам, нависшим над землей.

Затаив дыхание, люди слушали рассказ секретаря обкома партии о трудовом подвиге строителей.

Омск — первый город в Сибири, где родилась новая отрасль промышленности — нефтеперерабатывающая, новая профессия — нефтяник.

... Все здесь поражает глаз огромностью размеров и вместе с тем какой-то исключительной легкостью, воздушностью конструкций.

Кажется, эти серебристые колонны-башни, высоко вскинувшие свои головы над Иртышом, эти резервуары-великаны, густая паутина труб, стальные пояса эстакад сотканы из светлых лучей.

Таких заводов еще не видала Сибирь. Но омичи уже привыкли к своему новорожденному исполину, тысячи горожан работают в его цехах. Уже вошли в обиход, бытуют в городе слова: ЭЛОУ, АВТ, крекинг.

Спросите любого омского мальчишку, и он со снисходительным к вашему невежеству видом пояснит, что такое красиво звучащее, похожее на девичье имя или на название цветка слово как ЭЛОУ обозначает электрообессоливающую установку, где нефть очищается от примесей, подготавливается для переработки.

А эти стройные, высокие колонны-исполины, опоясанные трубами АВТ (атмосферно-вакуумные трубчатки) — сердце завода. Каждая такая трубчатка — сложный комплекс различных устройств, сама по себе — завод. В ее колоннах происходит разделение нефти на составные части — бензин, керосин, дизельное топливо. Впрочем, нефтяник называет все это светлыми

продуктами. Именно так и говорят теперь омичи. А остатки перегонки (мазут) перекачивают в крекинги.

Еще недавно мазут собирали в особые цистерны и отправляли как продукцию завода потребителям.

Но вот вскинула свою стальную «этажерку» из переплетения труб термическая крекинг-установка.

В ее раскаленном исполинском нутре малоценный мазут под действием высоких температур и атмосферного давления химически расщепляется (крекируется) и выделяет автомобильный бензин. Крекинг — английское слово. Оно означает «расщепление». Но эту по-английски нареченную установку изобрел русский ученый Шухов.

Рождение первых крекингов в Омске тоже отмечалось как событие.

... Тонкие светлые облака паров висят над колоннами, резервуарами нефтезавода. Это значит — завод живет, работает, дышит. Последнее слово употребляется не для красоты, не для вящей образности. Это вполне узаконенный производственный термин. Оператор, приступая к работе, дает распоряжение своему помощнику проверить дыхание резервуара.

Завод дышит, живет...

Над высокими трубами его полыхает факел. Далеко в степи виден — ночью — багрово-алый, днем — светлой бронзы — острый язык пламени. Как живое, трепетное знамя реет он над иртышским берегом.

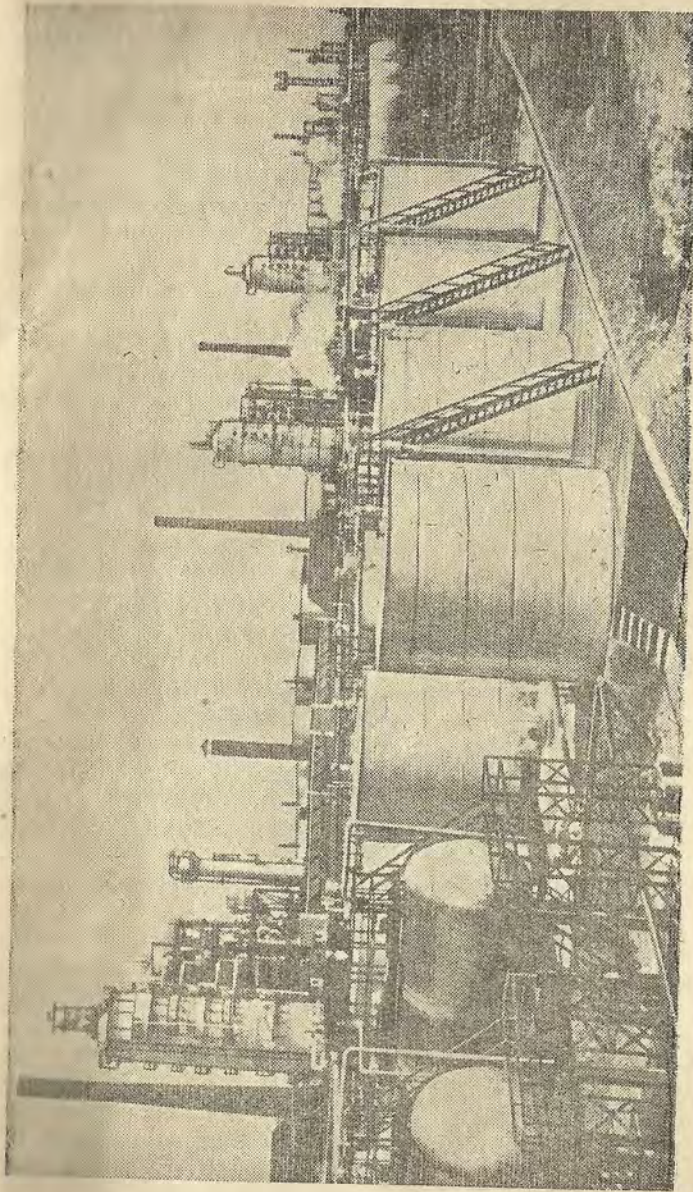
Этот факел, как и облака пара, тоже верный знак — завод работает. Горят выбрасываемые в воздух газы — спутники нефти.

Этим факелом восхищаются любители красоты, ему посвящают стихи омские поэты, зато омские нефтяники далеки от восторгов: зря пропадает народное добро, выбрасывается в воздух ценное химическое сырье.

Но скоро факел над Иртышом погаснет. Газ потечет в квартиры омичей, будет широко использован новым заводом синтетических материалов.

Омский нефтезавод примечателен не только своими гигантскими размерами.

Под величественными колоннами его технологических установок размещаются механизмы, аппаратура, воплощающая новейшие достижения мировой науки и техники.

Омский нефтеперерабатывающий завод.

Это новое омское предприятие можно назвать одним из тех выдающихся сооружений наших дней, которые являются составной производственной базой коммунизма.

Управление многочисленными механизмами тут автоматизировано, сблокировано в одну систему в одном центре операторной установки. А каждая такая установка — не цех, а, пожалуй, целый завод по богатству своего оборудования. И управляют этой машиной 5—6 человек.

Здесь, в операторной, вы столкнетесь с техникой высоких потенциалов, с новым характером труда.

Чуткие приборы-автоматы, как наделенные разумом существа, контролируют сложнейшие производственные операции, технологические процессы, придирчиво наблюдают за машинами, фиксируют их работу.

Рабочий-оператор осуществляет тут творческие функции (если так можно выразиться), творчески планирует ход производственного процесса на своем участке.

Работать на таком заводе-гиганте, управлять такой сложной аппаратурой могут только люди большой общественной культуры, высокой технологической грамотности.

Как сложились кадры этого завода?

Нефтяные предприятия строек прислали сюда своих специалистов. В Омске работают сейчас нефтяники Баку, Грозного, Уфы, Орска, Черниковска.

Но ведь не могли же эти заводы отдать Омску все свои кадры. Большинство рабочих тут все же сибиряки, омичи. И так же, как на строительстве, — почти вся молодежь, юноши и девушки, закончившие омские, тарские, тобольские школы.

Сибирь, Омск сумели дать таких рабочих со средним образованием.

Побывайте в бригаде коммунистического труда старшего оператора Михаила Бутенко. В Омск, на нефтезавод, этот молодой человек приехал из Называевска, где работал на маслозаводе.

Всего четыре года прошло с той поры, как он впервые ступил на заводскую территорию. С удивлением и, пожалуй, робостью, тревогой вглядывался в гигантские установки, в весь этот непривычный пейзаж. Потом он учился на курсах, работал помощником оператора, оператором. И вот он уже старший оператор, умелый спе-

циалист, отлично владеющий своей профессией, любящий ее.

За это время Бутенко закончил вечернюю среднюю школу с серебряной медалью, и теперь он — студент вечернего отделения нефтяного института.

Такой примерно путь прошли за эти недолгие годы жизни завода многие девушки и юноши, ставшие нефтяниками.

Так же, как и Бутенко, занимается в нефтяном институте другой член этой бригады — оператор Павел Желецкий.

Учатся в средней вечерней школе и все остальные члены бригады. Все они собираются получить специальное образование в нефтяном институте или техникуме.

Но дело не только в том, что они учатся без отрыва от производства, а в стиле работы всей бригады. У этих молодых парней неукротимая, страстная потребность к совершенствованию своего производства, техники, которая им доверена, потребность уметь и знать сегодня больше, чем вчера, горячая заинтересованность в делах своего завода.

Здесь все делается только на «отлично», хотя это «отлично» не приходит само собой, а добывается в тяжелом, упорном труде.

Тут экономят на большом и малом. Только за один лишь месяц за счет экономии дорогостоящих реагентов, за счет рационализации производства, проведения текущего ремонта оборудования без остановки бутенковцы сэкономили несколько десятков тысяч рублей. Бригада уже подсчитала (точно подсчитала!): за год она экономит государству не меньше трех миллионов рублей.

В очень трудную для завода пору, когда в Омске лютуют сорокаградусные морозы (ни один нефтеперерабатывающий завод страны не знал таких холодных режимов), молодые нефтяники бутенковской бригады не снижали качества своей работы, продолжали поддерживать у себя на установке режим на верхних пределах технологической карты.

Работали так, что на заводе о них говорили: своим дыханием отгоняют стужу, согревают аппаратуру, дышат одним дыханием с ней, чувствуется ее пульс, как свой собственный.

Такое приходит, когда знаешь до тонкости свое дело и не только знаешь, но и любишь.

Эта бригада была зачинателем коммунистического соревнования среди омских нефтяников. Сейчас на нефтезаводе 40 бригад соревнуются за право именоваться бригадами коммунистического труда.

За сравнительно короткий срок омские нефтяники овладели техникой, которую им доверило государство, сложной технологией своего производства. Больше того, они совершенствуют эту технологию, изыскивают новые резервы, повышают мощность действующих установок без крупных капитальных затрат. Так, здесь была осуществлена смелая техническая новинка: блокировка электрообессоливающей установки с атмосферно-вакуумными трубчатками. Нефть теперь идет на АВТ без охлаждения. Это экономит много средств, миллионы рублей.

Четыре с лишним миллиона рублей сэкономили заводу за один только год рабочие-рационализаторы.

... Однажды из заводской лаборатории в ЭЛОУ пришли сигналы тревоги, почти SOS! В нефти, по непонятным еще причинам, начал нарастать процент содержания солей. Это было настоящее бедствие, могли выйти из строя все АВТ (соли разъедают трубопровод, по которому идет нефть).

На электрообессоливающих установках пытались изменить режим очистки, но безрезультатно. Процент соли не уменьшился.

Спустя несколько дней загадка была расшифрована: вместо туймазинской на завод стала поступать бугульминская нефть из Татарии. Главк даже не предупредил завод о такой замене. А между тем эта нефть требует иного технологического режима. Обычным методам обессоливания она не поддается.

И вот для омских нефтяников начались страданные дни. Инженеры, лаборанты, операторы сутками не выходили из лабораторий, установок, где проводились исследования. Но «бугульминка», как омские нефтяники прозвали эту нежданную гостью, все упорствовала, не поддавалась обессоливанию. Ни на одном заводе страны в чистом виде она не перерабатывалась. Омичи должны были своими силами разработать свою, омскую технологию обессоливания «бугульминки».

А разрешить «бугульминскую проблему» необходимо было во что бы то ни стало.

Как известно, бугульминское, точнее ромашкинское, нефтяное месторождение в Бугульминском районе Татарской АССР — одно из самых богатейших не только в Союзе, но и во всем мире. В самое ближайшее время оно должно стать основным источником нефтеснабжения восточных районов страны. На долю омичей выпала честь освоить переработку этой нефти.

С упорством, достойным не только удивления, но и восхищения, омские нефтяники трудились над разрешением этой большой, имеющей народнохозяйственное значение проблемы. Искали для «бугульминки» эффективный дезмульгатор — вещество, которое способствует разрушению эмульсии — смеси нефти с водой. Наконец, в один исторический для исследовательской лаборатории омского нефтезавода день тут раздалось восклицание, приписываемое Архимеду: «Эврика!».

Дезмульгатор был найден.

Сейчас на завод поступает бугульминская нефть в смеси с туймазинской.

Но омские нефтяники не считают свою работу законченной и продолжают изыскивать способы еще более эффективного обессоливания бугульминской нефти.

Отсюда, из Омска, раздался призыв к рабочим всех нефтеперерабатывающих заводов Советского Союза: досрочно завершить семилетний план и в 1962 году достигнуть уровня переработки нефти, намеченного на 1965 год.

Это обращение омских нефтяников — интересный документ нашего времени. Большой рабочий коллектив, изыскав свои резервы, решил широко шагнуть вперед, обогнать, выиграть время. То, что намечено на семь лет, сделать за 4 года. И все это основано на строгом, скрупулезно точном расчете, на изысканных уже, выявленных новаторами резервах мощностей действующих технологических установок, по-хозяйски бережливо, без больших дополнительных капитальных затрат.

Омские нефтяники подсчитали, что сумеют за семилетие выработать нефтепродуктов для народного хозяйства сверх плана на полтора миллиарда рублей и сэкономить, внести в новаторский фонд семилетки 100 миллионов рублей.

... По нитям железнодорожных путей Зауралья движутся длинные составы цистерн с маркой ОНПЗ — продукцией омских нефтяников.

Нефтепродукты, вырабатываемые омским заводом, питают промышленность и сельское хозяйство всей Сибири и Дальнего Востока. Омский бензин, керосин, дизельное топливо идут на новые предприятия, в совхозы, созданные на землях казахского Прииртышья, в зарубежные страны.

Завод уже сейчас дает стране столько продукции, сколько все предприятия Грозного, вместе взятые. Но строительство его далеко не завершено. Об этом предприятию еще говорят, что оно в лесах.

Завод продолжает расти, продвигаться все дальше и дальше в степь, наращивать свои мощности.

Все новые и новые технологические установки вступают в строй. Каждый год здесь справляют торжества рождения цехов АВТ, крекингов. Вот уже поднялись «миллионники» — огромные атмосферно-вакуумные трубчатки (рядом с ними первые АВТ кажутся маленькими), перерабатывающие за год больше миллиона тонн нефти.

Вытянул свою пятидесятиметровую «этажерку» из труб каталитический крекинг. Скоро он начнет давать продукцию — высококачественный октановый бензин.

Сдана в эксплуатацию первая нить маслблока. Эта «нить» — огромное сооружение, комплекс технологических установок — протянулась на добрые полкилометра. И уже появились у нас в Сибири омские смазочные масла.

Здесь же будет вырабатываться парафин, синтетические жирные кислоты, так называемые моющие вещества, успешно заменяющие дорогой натуральный жир в мыловаренной промышленности. Из нефтяных остатков добывают битум. Уже сооружена битумная установка. Отсюда растекаются по городу полотна асфальта, одеваются омские улицы в серый панцирь.

А за нефтеперерабатывающими установками, маслблоком, зажглась красная звезда еще над одной строительной площадкой. Здесь сооружается завод синтетических материалов. Это одна из важнейших новостроек химической промышленности Сибири.

Сюда по призыву партии уже прибыли молодые строители — комсомольцы Московской, Калининской областей, Казахстана, Якутии, Украины. Но больше всего тут все же омичей, сибиряков. Решение нашей партии о развитии химической промышленности страны для Омского экономического района имеет особое значение.

Когда все запроектированное будет тут выстроено, в Омске откроются поистине неограниченные возможности для производства синтетических материалов.

К концу семилетия нефтетехнический комбинат-гигант на берегу Иртыша будет давать стране все виды нефтяной продукции, которые можно получить на современном этапе развития науки и техники.

Сейчас среди омичей широко распространена крылатая фраза гениального русского химика — земляка сибиряков Менделеева: «Нефть — это не только топливо. Топить можно и ассигнациями».

В будущем Омск видится как крупнейший центр химической индустрии Зауралья. Здесь будут производиться не только светлые нефтепродукты, смазочные масла, дизельное топливо, но и синтетические материалы, пластмассы, синтетические ткани, кожа, меха, одежда, обувь, предметы широкого потребления, строительные материалы.

Это не такое уж далекое будущее. Через семилетие то, что намечено в планах, осуществится, как осуществятся волей и трудом партии, народа все наши планы.

Рядом с новыми заводами встал новый городок, пожалуй, даже не городок, а целый большой городской район.

Здесь уже строили капитально, на долгие годы, соблюдая строгую планировку улиц, — чтобы населенный пункт мог правильно, красиво расти, чтобы люди не чувствовали себя тут временными жителями.

Омский архитектор Степанов писал в газете «Омская правда»:

«Омск солнечный город. Вспомните омские закаты — это же целая симфония красок. В архитектуре нашего города должно быть больше чистых, белых, золотистых, жизнерадостных цветов, несущих в себе ощущение солнечного света даже в пасмурные дни. Омск должен стать городом жизнерадостной белокаменной архитектуры, утопающей в зелени садов».

Когда ходишь по улицам нефтегородка, невольно вспоминаются слова омского архитектора.

В облике этого молодого Омска есть почти все то, о чем он мечтал. Открытые со всех сторон солнцу светлые, многоэтажные дома с легкими балконами, бульвары, сады.

Двести тысяч деревьев высадили нефтяники в своем городе.

Большой красивый социалистический город! Тут хорошо проникаешь в значение специального термина: жизнерадостная архитектура.

И еще неотъемлемая черта социалистической стройки: только легли первые плиты в фундаменты цехов, только были вырыты котлованы под первые технологические установки, а уже поднялись здания Дома культуры — нарядное, белокаменное, с торжественной колоннадой у парадного входа, сияющий белизной банно-прачечный комбинат, детские сады, школы.

Начальники строительных участков опытные, бывалые инженеры, которым приходилось обживать и песчаные пустыни, и нетронутую тайгу, называют все эти учреждения тылами стройки. Они так же нужны, как энергопоезда, подъездные пути, причалы на Иртыше, полигоны железобетонных конструкций.

Границы нефтегородка еще не очерчены. За улицами Энергетиков, Нефтяников, имени XX партсъезда, Грозненской — целые кварталы в лесах. Это рождаются новые улицы, пока не имеющие еще названия.

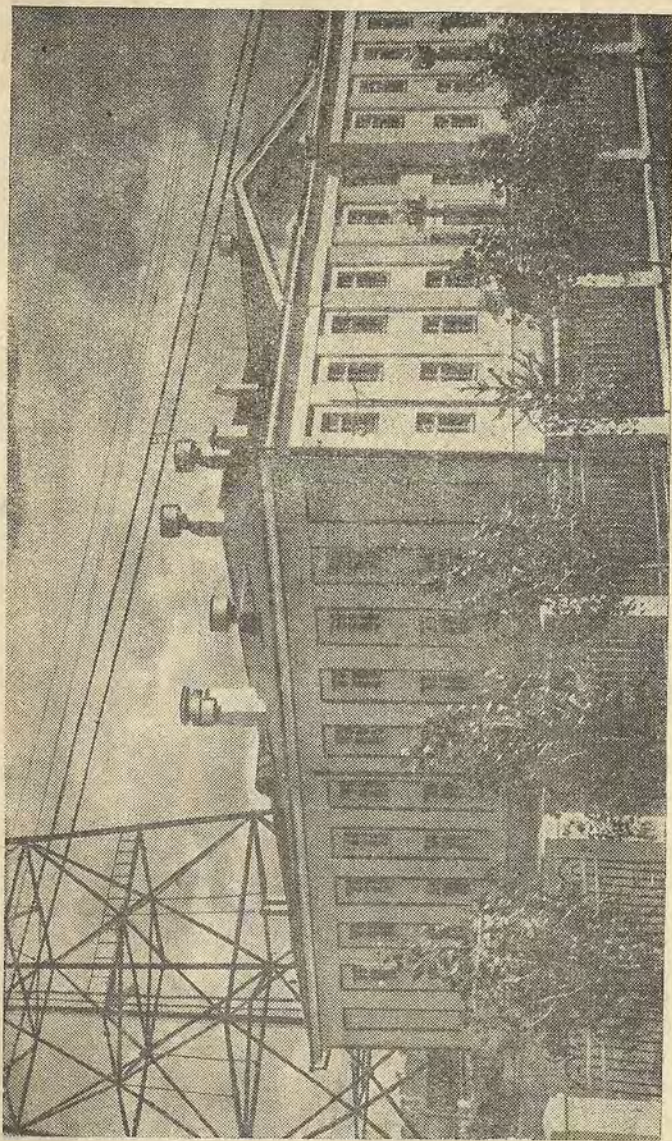
Много построено здесь за последние два-три года, но еще больше предстоит построить.

Прежде всего вам покажут строительную площадку Дворца культуры нефтяников. Уже сейчас, сквозь опалубку, угадываются его величавые контуры.

Если поинтересуетесь архитектурным проектом, убедитесь — этот строящийся дворец будет еще прекраснее, еще обширнее, чем тот, который уже выстроен в Октябрьском районе Омска.

А широкоэкранный кинотеатр, спортивный павильон с двумя огромными залами, зимний бассейн для плавания — все это новостройки.

Высоко взметнул свою мачту над городом мощный телецентр. Радиус его передач — 100—120 километров. Он тоже недавно выстроен.

Новый телецентр.

А новая школа, недавно распахнувшая свои двери для учеников! Попробуйте такую поискать в центре города — и не найдете! Тысячи детей обучаются в этой лучшей в городе школе-дворце, как называют свое новое школьное здание нефтяники.

А будущий нефтяной институт, а парк, который заложен на берегу Иртыша, и летний кинотеатр!..

Да разве перечислишь все примечательные новостройки молодого города.

Достаточно назвать цифру. За семилетие тут должно быть построено 1 миллион 270 тысяч квадратных метров жилой площади.

Нефтяники предсказывают: в недалеком будущем центр Омска переместится сюда. Вероятно, так оно и будет!

Вечерами, после работы, добрая половина взрослого населения нового города спешит к Дому техники — в учебный комбинат. Тут учатся электросварщики и шоферы, каменщики, арматурщики, бетонщики, монтажники. За два года здесь получили специальность около десяти тысяч человек. Недаром же строители именуют свой комбинат университетом.

В молодом нефтегородке создана сеть учебных заведений. Тут десять общеобразовательных школ, ремесленное училище, вечерний строительный нефтетехнологический техникум, вечернее отделение Московского института нефтяной промышленности, где учатся многие операторы нефтезавода и их помощники. Его открытие было большим событием для нефтяников.

В центре городка возводится корпус будущего омского нефтяного института. На строительство его пришли выпускники двадцати омских школ. Они собираются потом поступить в этот институт, который строили собственными руками. Профессия нефтяника увлекает Омскую молодежь.

Таков новый промышленный район — северная окраина Омска.

Еще немало осталось в нашем городе кривых, застроенных разномастными, заплесневевшими домишками улиц, переулков, тупиков — уродливых памятников былого, доживающих свой век. Но не они теперь определяют «лицо» города.

Прямые, широкие, одетые в асфальт проспекты, сады, скверы, корпуса предприятий, кварталы многоэтажных домов, уже образующие ансамбли, такие «окраины», как городок нефтяников, как заводской Октябрьский район, — вот что определяет современный облик Омска.

В наше время трудно дать описание города, действительное на десятилетия или хотя бы — на годы.

Уж очень быстро шагает вперед жизнь!

Год прошел — и уже нужно вносить исправления: то, что было проектом, планом, уже претворено в жизнь, и уже родились новые планы, проекты, закладываются новые стройки.

Старые города молодеют, молодые — мужают.

Каждый год жизни отмечен у нас огромными переменами, ростом, неукоснительным движением вперед.

В этом самая характерная черта наших городов — больших и малых.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Исиль-Куль	5
Калачинск	26
Тара	47
Тюкалинск	78
Называевск	98
Омск	113